
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 ДЕКАБРЬ 1984

ЧАЙКИ НАД СТЕПЬЮ

См. стр. 9

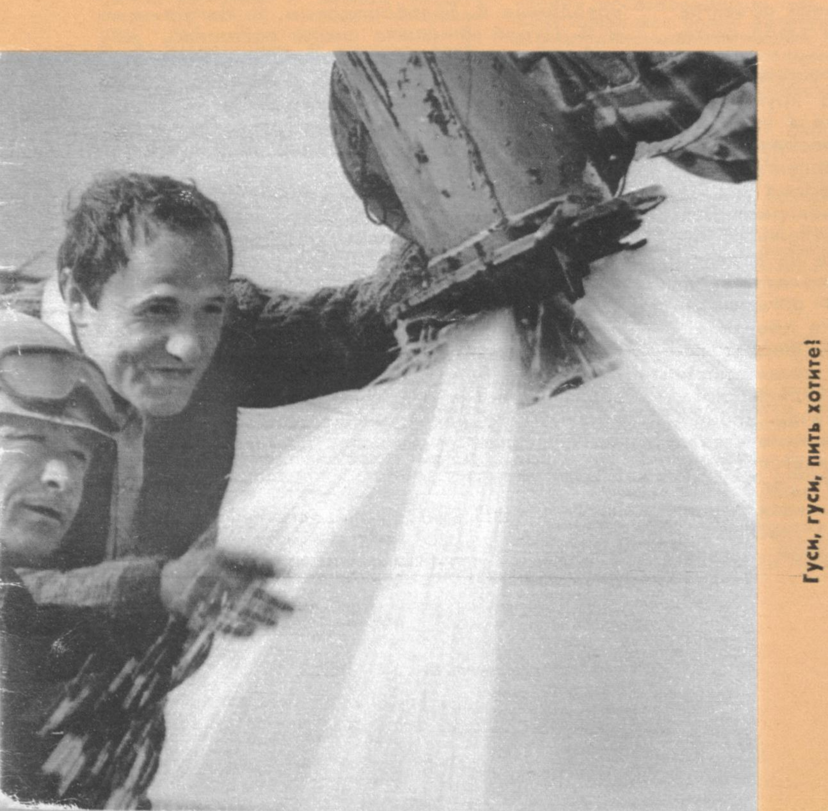
Бригадир мелиораторов И. С. Столейков [слева] и главный агроном совхоза «Светлый» Г. Н. Раткогло.

◀ Эти слова стали девизом стройки.

Есть «большая вода» Буджакской степи!

ЧТО КАСАЕТСЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО АСПЕКТА ПРОБЛЕМЫ, ТО МЫ ВПОЛНЕ ОБОСНОВАННО ИДЕМ НА ЮГ СТРАНЫ С НАИБОЛЬШИМИ ОБЪЕМАМИ РАБОТ ПО ОРОШЕНИЮ. ЗДЕСЬ ХОРОШИЕ ЗЕМЛИ, ДОСТАТОК ТЕПЛА, ИМЕЮТСЯ ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ, ДРУГИМИ СЛОВАМИ, СКОРЕЕ БУДЕТ ДОСТИГНУТ МАКСИМАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ.

Из речи товарища К. У. Черненко на октябрьском Пленуме ЦК КПСС.

Гуси, гуси, пить хотите!

В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Политбюро ЦК КПСС на очередном заседании, в котором приняли участие первые секретари ЦК компартий союзных республик, рассмотрело проекты Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1985 год. С докладом по этому вопросу выступил Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.

В докладе Н. А. Тихонова и в ходе обсуждения отмечалось, что проект плана завершающего года одиннадцатой пятилетки направлен на упрочение и развитие положительных тенденций в экономике, наметившихся в последнее время. В нем определяются более высокие, чем в среднем за предыдущие годы пятилетки, темпы роста народного хозяйства по общеэкономическим показателям. План сориентирован на усиление интенсификации и повышение технического уровня производства, всемерное улучшение качества продукции, более полное использование резервов, достижение большей слаженности в работе всех отраслей народного хозяйства. Предусматриваются дальнейший рост материального и культурного уровня жизни населения, последовательное развитие жилищного и социально-бытового строительства. Вместе с тем было отмечено наличие недостатков и узких мест в работе ряда отраслей народного хозяйства, объединений и предприятий, обращено внимание на необходимость быстрейшего их устранения.

С большой речью на заседании выступил товарищ К. У. Черненко. Политбюро ЦК КПСС полностью одобрило указания и выводы, содержащиеся в его выступлении, и признало необходимым положить их в основу деятельности всех партийных, государственных и хозяйственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов. Речь товарища К. У. Черненко публикуется в печати.

Поставлена задача развернуть массовое движение за рациональное ведение хозяйства во всех звеньях производственного процесса сверху донизу. Особое внимание при этом должно быть уделено повышению производительности труда, экономии трудовых, материальных и финансовых ресурсов, улучшению качества выпускаемой продукции, широкому внедрению в производство достижений науки и техники, продолжению систематической целенаправленной работы по совершенствованию хозяйственного механизма.

Политбюро ЦК поддержало инициативу передовых коллективов страны по созданию за счет рационального ведения хозяйства фондов сверхплановой экономии предприятий, областей, краев и республик, которые будут направляться на социальные нужды трудовых коллективов и в первую очередь на улучшение медицинского обслуживания населения. Порядок формирования и использования этих фондов будет определен Советом Министров СССР и ВЦСПС.

ЦК компартий союзных республик, краевым, областным, окружным, городским и районным партийным комитетам, первичным партийным организациям, министерствам и ведомствам, советским, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским органам предложено обеспечить проведение организаторской и массово-политической работы, направленной на выполнение и перевыполнение заданий плана на 1985 год, успешное завершение одиннадцатой пятилетки.

В обсуждении вопросов, связанных с проектами Государственного плана и Государственного бюджета, приняли участие товарищи Г. А. Алиев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, В. В. Щербицкий, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

С учетом состоявшегося обсуждения Политбюро одобрило в основном проекты Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1985 год. Совету Министров СССР рекомендовано внести указанные проекты на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Политбюро ЦК КПСС обратилось к коммунистам и всем трудящимся страны с призывом активно включиться в социалистическое соревнование за осуществление заданий Государственного плана, высокими достижениями в труде встретить XXVII съезд нашей ленинской партии.

ЭФФЕКТ СОРЕВНОВАНИЯ

В последние дни года, бывая на производственных участках нашего треста, невольно замечаешь особый рабочий настрой. И особое деловое настроение. Серьезно восприняли строители речь товарища Константина Устиновича Черненко на заседании Политбюро ЦК КПСС. В речи поставлены четкие, конкретные задачи, которые необходимо решить уже в ближайшем будущем. Большая работа ждет и нас, строителей.

Трест в последнее время сумел добиться немалых успехов. Только в нынешнем году за успешное внедрение во всех своих многочисленных подразделениях бригадного подряда трест дважды награждался переходящим Красным знаменем Министерства монтажных и специальных строительных работ. Бригадный подряд у нас внедрили несколько лет назад. Сейчас с уверенностью можно сказать, что новая форма работы принесла положительные результаты: повысилось качество, трудовая дисциплина, меньше нареканий со стороны заказчиков. Закономерная особенность: почти во всех коллективах, работающих по бригадному подряду, поднялась производительность труда, а количество рабочих осталось прежним. Если учесть, что «география» нашего треста не ограничивается только Новосибирском, а включает в себя Алтайский край и Томскую область, то станет ясно, как наша ритмичная работа влияет на сроки введения в строй важных народнохозяйственных объектов. Назову два из них: Барнаульский завод синтетического волокна и Алтайский коксохимический. Кроме того, мы принимаем участие в жилищном строительстве. Так что круг забот большой. А успешно справляться с ними помогают новые формы организации труда.

Бригадный подряд в нашем коллективе развивается успешно. Но в то же время мы хорошо понимаем, что успокаиваться рано. Есть много вопросов, требующих неотложного решения. Есть и резервы. Привести их в действие — главная задача. Поэтому наряду с внедрением прогрессивных методов организации работ мы ищем и резервы роста производительности труда, совершенствуя формы социалистического соревнования. В правильности выбранного пути нас еще раз убедили слова, сказанные Константином Устиновичем Черненко: «В полную силу должен быть использован такой могучий рычаг, каким является социалистическое соревнование. От того, как оно организовано в трудовых коллективах, какие формы выбраны, как обеспечена гласность в соревновании, в немалой степени зависят производственные результаты».

На объектах, которые должны быть сданы в этом году, ежеквартально проводим смотры-конкурсы на звание «Лучшая бригада треста». Они стали подлинными праздниками труда. Во время этих смотров-конкурсов мы стараемся распространить передовой опыт и повысить производительность труда.

Большое внимание уделяем наглядной агитации. Это создает у людей праздничное настроение. Кроме лозунгов и приветствий, на строительной площадке выставляются стенды со списком бригад — участниц соревнования, здесь обозначены объемы работ и сроки их выполнения. Очень хорошо прошел последний смотр-конкурс. В нем приняли участие бригады из трех монтажных управлений треста, руководимые В. Белобородовым, В. Капустиным и В. Цурой. В начале смены состоялась жеребьевка, и бригады приступили к работе. Каждой из них досталась блок-секция 108-квартирного девятиэтажного дома.

— Такое соперничество настраивает на особо боевой лад,— сказал бригадир В. Капустин.— Дело в том, что ни один из соревнующихся коллективов не поставлен в привилегированные условия. Они здесь для всех равны. Поэтому каждой из бригад предоставляется возможность проявить свое профессиональное мастерство.

В этот день все бригады раньше нормативного времени справились с намеченным заданием, показали высокое качество работы.

Это еще раз подтверждает, что трест взял верный курс на развитие новых форм социалистического соревнования, которое поможет нам успешно справиться с поставленными задачами.

Ю. СКИБА,
начальник производственного отдела треста «Сибсантехмонтаж».

Новосибирск.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2993)

24 НОЯБРЯ — 1 ДЕКАБРЯ 1984

ВЫСОКАЯ НАГРАДА НА ЗНАМЕНИ ГРУЗИИ

За большие успехи, достигнутые трудящимися Грузии в хозяйственном и культурном строительстве, и в ознаменование 200-летия дружественного Георгиевского договора между Россией и Грузией республика награждена орденом Ленина.

17 ноября в Тбилиси в Большом зале Грузинской государственной филармонии состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР, посвященное вручению республике высшей награды Родины.

Продолжительными аплодисментами встретили участники торжественного заседания члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова. Вместе с ним в президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гилашвили, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Д. Л. Картвелишвили, члены и кандидаты в члены бюро ЦК Компартии Грузии, руководители Краснознаменного Закавказского военного округа и Краснознаменного Закавказского пограничного округа, передовики производства, известные ученые, деятели культуры.

С большим воодушевлением избирается почетный президиум торжественного заседания в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный собравшимися на заседании выступил товарищ Н. А. Тихонов.

Он, в частности, сказал:

«Дорогие товарищи!

Сегодня у нас торжественный радостный день — Грузинской Советской Социалистической Республике вручается орден Ленина. Эта высшая награда Родины достойно венчает успехи Советской Грузии в социально-экономическом и культурном строительстве, самоотверженный творческий труд ее замечательного народа, снискавшего своими революционными, ратными и трудовыми подвигами, выдающимися достижениями глубокое уважение всех братских народов нашей великой страны».

Товарищ Н. А. Тихонов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Грузинской ССР орденом Ленина и под продолжительные аплодисменты участников заседания прикрепил орден к знамени республики.

На торжественном заседании выступил товарищ Э. А. Шеварднадзе.

С огромным подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

* * *

17 ноября состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с руководителями Компартии Грузии и Грузинской ССР.

Во время вручения награды. Телефото В. Кошевого и Г. Киквадзе (ТАСС)

XIII СЪЕЗД РУМЫНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

19 ноября в большом зале Дворца республики утром начал работу XIII съезд Румынской коммунистической партии.

На съезд прибыли делегации коммунистических и рабочих партий, социалистических партий, национально-освободительных движений и прогрессивных организаций. Присутствует делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины В. В. Щербицким. В составе делегации секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, член ЦК КПСС, посол СССР в СРР Е. М. Тяжельников.

Съезд открыл Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску.

Делегаты обсудили деятельность Центрального Комитета РКП в период между XII и XIII съездами, проект директив съезда по плану социально-экономического развития Румынии в 1986—1990 гг. и перспективным направлениям развития СРР до 2000 года.

С докладом Центрального Комитета РКП о деятельности РКП в период между XII и XIII съездами и о дальнейших задачах партии выступил Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску.

Сорок лет в истории — это очень короткий срок, но за эти годы румынский народ под руководством коммунистической партии прошел несколько исторических этапов — от буржуазно-помещичьего государства до развитого социалистического общества, отметил Н. Чаушеску. Из аграрной страны Румыния превратилась в индустриально-аграрную страну с современной промышленностью и социалистическим сельским хозяйством. В 1984 году промышленная продукция страны увеличилась более чем в 100, а сельскохозяйственная — почти в 7 раз по сравнению с 1945 годом.

...Мы будем активно участвовать в координации планов, специализации производства и проведении совместных научно-технических исследований с тем, чтобы СЭВ играл все более важную роль в социально-экономическом развитии стран-членов, в строительстве социализма и коммунизма и повышении благосостояния наших народов.

Остановившись на вопросах международного положения и внешней политики РКП и румынского государства, Н. Чаушеску сказал, что успешное осуществление планов и программ социально-экономического развития Румынии возможно только в условиях мира и международной безопасности, сотрудничества со всеми государствами независимо от их общественного строя.

Особое внимание мы уделяли и уделяем расширению сотрудничества с нашими соседями, отметил докладчик. В этом отношении хотелось бы подчеркнуть постоянную заботу нашей партии и нашего государства о непрерывном развитии сотрудничества с Советским Союзом. Мы и впредь сделаем все для расширения экономического, научно-технического и культурного сотрудничества с Советским Союзом, для укрепления дружбы и солидарности с народами СССР.

Во время открытия съезда. Телефото Аджерпресс — ТАСС

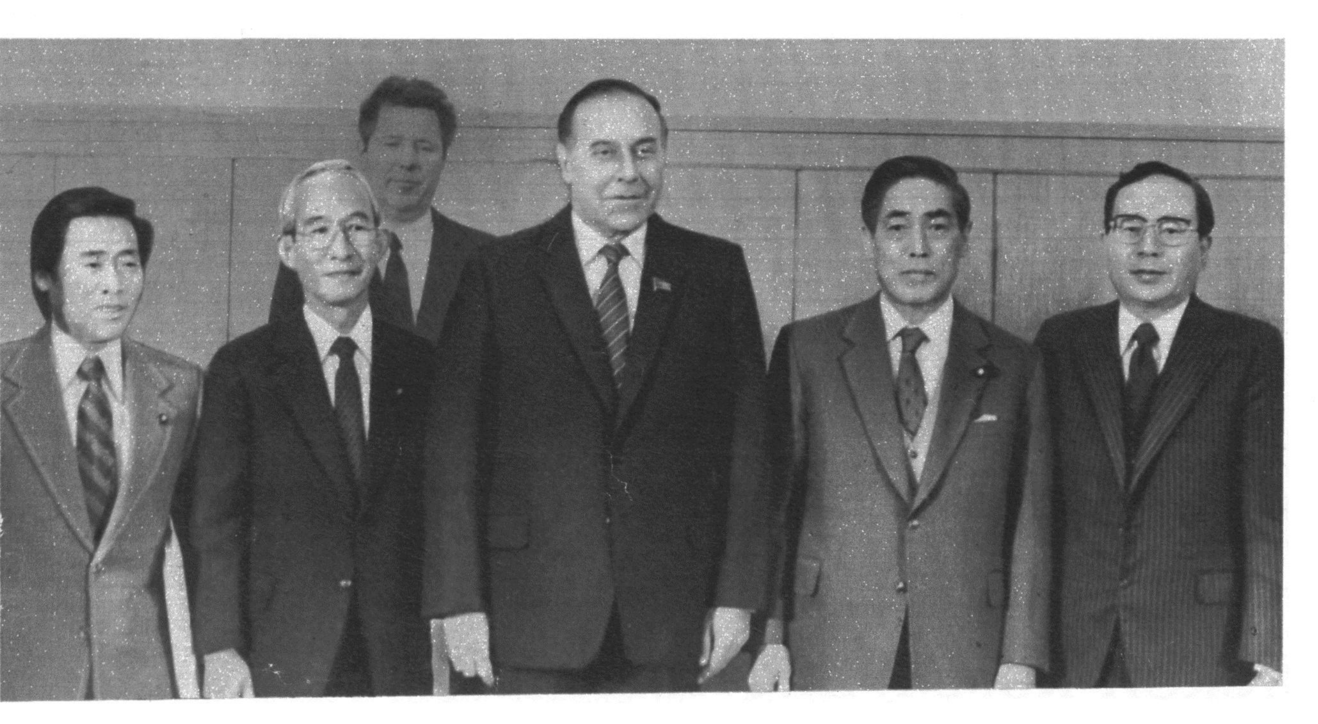

Во время беседы. Фото Э. Песова (ТАСС)

В ОБСТАНОВКЕ СЕРДЕЧНОСТИ

15 ноября член Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцев встретился с делегацией Народной палаты ГДР во главе с членом Политбюро ЦК СЕПГ, президентом Народной палаты ГДР, заместителем Председателя Государственного совета ГДР Х. Зиндерманом. Во встрече участвовали член Политбюро ЦК СЕПГ, президент Общества германо-советской дружбы, председатель фракции СЕПГ в Народной палате ГДР Э. Мюккенбергер, председатели фракций демократических партий и массовых общественных организаций в Народной палате ГДР.

На беседе, прошедшей в сердечной, товарищеской атмосфере, присутствовали член ЦК КПСС, председатель Центрального правления советского Общества дружбы с ГДР С. Г. Лапин и посол ГДР в СССР Э. Винкельман.

ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ

19 ноября член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев принял делегацию четырех политических партий Японии (партии демократического социализма, Комэйто, Нового либерального клуба и социал-демократического союза) и Всеяпонской конфедерации труда — ДОМЭЙ во главе с председателем центрального исполнительного комитета ПДС Р. Сасаки. Она находилась с визитом в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР.

В ходе беседы были затронуты актуальные международные проблемы и вопросы советско-японских отношений.

Перед началом беседы.
Фото Б. Кавашкина (ТАСС)

НИКАРАГУА: РЕВОЛЮЦИЯ

На подъезде к площади имени основателя Сандинистского фронта национального освобождения Карлоса Фонсеки в Манагуа огромный щит с лозунгом «Нас три миллиона, и мы строим будущее». Впервые в Центральной Америке, в одной из ее «банановых республик», как презрительно называли бизнесмены Нью-Йорка и Чикаго государства этого региона, народ взял власть в свои руки и «посмел» бросить вызов могущественным корпорациям и их ставленникам в Вашингтоне — администрации США.

На днях национальное телевидение Никарагуа в выпуске новостей показало высадку парашютного десанта военнослужащих из специальной группы «Америка», саперной дивизии США на авиационной базе в Пальмероле (Гондурас). Их задача — приспособить взлетно-посадочные полосы для масштабных действий авиации. Цель планируемых военно-воздушных действий очевидна — Никарагуа.

Наутро тысячи жителей Манагуа вышли на строительство окопов и убежищ. Женщины и подростки с мачете, лопатами и кирками работали весь день. Когда солнце стало клониться к закату, столица как бы притихла, и лишь зенитки у международного аэропорта «Аугусто Сесар Сандино» и силуэты танков на главных перекрестках магистралей напоминали: приказ министерства обороны Никарагуа о приведении гарнизона города в состояние боевой готовности выполнен.

Мы подошли к танку, спросили командира. Один из танкистов показал на коренастого парня с непокрытой головой, разговаривавшего с группой подростков.

— Чем вызвано такое скопление техники на центральных магистралях столицы? — спрашиваем его, предъявляя наши журналистские удостоверения.

— Администрация США готовит против нашей родины прямую агрессию. Провокации все более угрожающи. Если еще недавно жители Манагуа каждое утро могли «сверять свои часы» по раскатистому грому переходящего звуковой барьер американского самолета-разведчика «блэк бэрд» («черная птица»), то теперь к нему подключился еще один воздушный нарушитель — РС-135.

Наш собеседник, младший лейтенант танковых войск Соломон Урбина, уверен, что агрессия американских войск будет отражена, чего бы это ни стоило.

— Мы защищаем наш народ, который хочет трудиться и жить в мире, строить новое будущее. Наша армия и народ едины, и поэтому мы верим, что победа будет на нашей стороне.

Мы проехали по многим центральным улицам Манагуа. Под зеленью платанов и акаций замаскированы танки, бронемашины. В небо устремлены стволы крупнокалиберных пулеметов. На пустырях под охраной часовых в стальных касках артиллеристы монтируют стереотрубы ночного видения. Заняли позиции гранатометчики.

Но принятые меры не нарушили обычной жизни столицы. На лицах прохожих не страх, а решимость. Работают все предприятия и учреждения, магазины и кафе. У светофоров босоногие мальчишки продают газеты и кульки с овощами и тропическими фруктами.

Штаб гражданской обороны опубликовал инструкции населению, которыми, в частности, предусмотрены мероприятия по защите от возможного нападения с воздуха. Определены пункты сбора по тревоге жителей каждого квартала. Населению рекомендуется не выключать радиоприемники, настроенные на волну официальной государственной станции «Голос Никарагуа».

К защите столицы готовы и те 20 тысяч юношей и девушек, которые в составе студенческих про-

НАГРАДЫ ПИСАТЕЛЯМ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Социалистического Труда первого секретаря правления Союза писателей СССР тов. Маркова Г. М. орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот»

За большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с 50-летием создания Союза писателей СССР наградить Героя Социалистического Труда первого секретаря правления Союза писателей СССР тов. **Маркова** Георгия Мокеевича орденом **Ленина** и второй золотой медалью **«Серп и Молот»**.

В ознаменование трудовых заслуг Героя Социалистического Труда тов. Маркова Г. М. соорудить бронзовый бюст на родине Героя.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ЧЕРНЕНКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 16 ноября 1984 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Социалистического Труда писателям Ананьеву А. А., Зульфие (Исраиловой Зульфие), Иванову А. С., Куусбергу П. А., Сартакову С. В., Ханзадяну С. Н., Храпченко М. Б.

За большие заслуги в развитии советской литературы, активную общественную деятельность и в связи с 50-летием образования Союза писателей СССР присвоить звание **Героя Социалистического Труда** с вручением ордена **Ленина** и золотой медали **«Серп и Молот»** писателям:

Ананьеву Анатолию Андреевичу.
Зульфие (Исраиловой Зульфие.
Иванову Анатолию Степановичу.
Куусбергу Паулю Аугустовичу.
Сартакову Сергею Венедиктовичу.
Ханзадяну Серо Николаевичу.
Храпченко Михаилу Борисовичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ЧЕРНЕНКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 16 ноября 1984 г.

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с 50-летием образования Союза писателей СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 ноября 1984 года награждены орденом Ленина писатели Белов В. И., Верченко Ю. Н., Воронько П. Н., Гранин Д., Джалил Р., Долматовский Е. А., Исаев Е. А., Каверин В. А., Калинин А. В., Наби Хазри, Носов Е. И., Озеров В. М., Петросян В. А., Проскурин П. Л., Распутин В. Г., Рождественский Р. И., Стаднюк И. Ф., Холопов Г. К., Чепуров А. Н.; орденом Октябрьской Революции — Баруздин С. А., Боровик Г. А., Вагабзаде Б. М., Винокуров Е. М., Дангулов С. А., Дементьев А. Д., Дерьяев Х., Задорнов Н. П., Каляев С. К., Капутикян С. Б., Карпов В. В., Коновалов Г. И., Коротич В. А., Кривицкий А., Кузнецов Ф. Ф., Кулиев К. Ш., Матусовский М. Л., Метченко А. И., Олейник Б. И., Панченко П. Е., Попов В. Ф., Семенов Ю. С., Суровцев Ю.И., Тимонен А. Н., Шестинский О. Н., Шиян А. И., Эмин Г. Г.

Большая группа писателей награждена орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

ГОТОВИТСЯ К ЗАЩИТЕ

изводственных бригад должны были отправиться на сбор урожая кофе. Кстати, производство этой важнейшей экспортной культуры, дающей стране значительные валютные поступления, сокращать не планируется. «Потеряем ли мы урожай кофе?» — спросил, выступая на митинге в городе Матагальпа, министр внутренних дел, команданте революции Томас Борхе. В ответ раздалось тысячеголосое «Нет!».

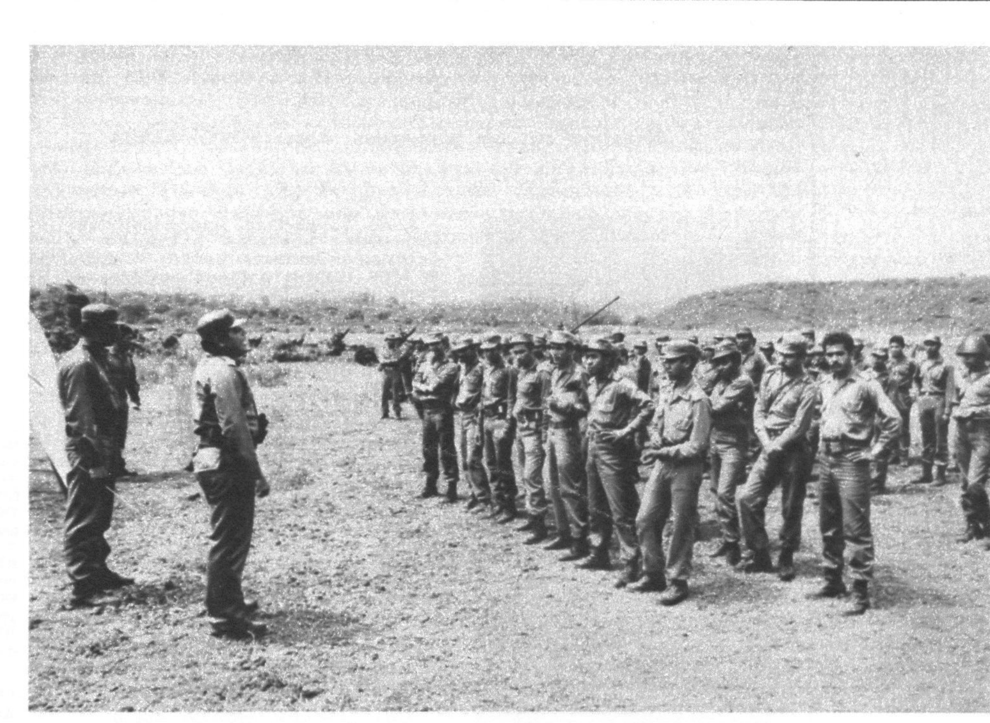
— Ситуация очень серьезная,— сказал в беседе с нами секретарь Союза журналистов Никарагуа, известный публицист Лестер Мендьета.— Белый дом планирует военный конфликт, масштабы которого незозможно предсказать. Агрессивные круги империализма США упорно не желают прислушаться к многочисленным миролюбивым инициативам, с которыми наше правительство выступало на различных международных форумах, будь то ООН, «контадорская группа», Организация американских государств или американо-никарагуанские встречи в Мансанильо (Мексика).

— Никарагуанцы не агрессивный народ,— подчеркнул Мендьета.— Мы любим и ценим мир, но мы также дорожим нашим суверенитетом и нашим правом на самоопределение. Поэтому мы готовы к обороне. Пусть знают в Вашингтоне: мы тверды и бдительны. На нашей стороне правда, и мы готовы сражаться до последней капли крови с твердой уверенностью, что победа в конце концов будет за нами.

...Над столицей опускается ночь, но город не спит. Кто знает, что принесет в свой следующий прилет «черная птица», ударом сверхзвуковых крыльев раскалывающая небо Манагуа?

Иван ПЕТУШКОВ,
Владимир ПАРАМОНОВ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Манагуа.

Командир подразделения Сандинистских вооруженных сил Марлон Моралес ставит боевую задачу перед бойцами.
Фото Г. Надеждина (ТАСС)

О влиянии творчества Михаила Шолохова

САФДАР МИР,
председатель Пакистанского комитета по связям с писателями Азии и Африки
(«Пакистан таймс»)

Михаил Шолохов — самый известный и выдающийся русский писатель социалистической эпохи. Еще в 30-е годы его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» явились для всего мира прекрасным примером нового направления в литературе, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Возможно, кое-кто возразит: на первом месте по известности в России после революции был Максим Горький. Но Горький приобрел всемирную известность еще до революции. Большая часть его выдающихся произведений была написана за первые два десятилетия XX века. Неоспорима его роль как основоположника социалистического реализма. Однако в своем творчестве он обращался к социальным процессам и героям дореволюционного периода, когда тучи революционной бури еще только начинали собираться над старым обществом.

Шолохов начал писать после революции. Он родился в 1905 году и рос вместе с революционной действительностью. И это была не просто бурно развивающаяся социальная действительность, она носила беспрецедентный характер в истории человечества и породила социальные и культурные явления, с которыми не сталкивались писатели предыдущих эпох.

Писатели, поэты и деятели культуры, начинавшие свою творческую работу в разгар этих сокрушительных событий в первое десятилетие после революции: Серафимович, Фадеев, Леонов, Катаев, Островский, Шолохов, Эйзенштейн, Пудовкин, Маяковский, Есенин,— переживали совершенно новую эпоху. Она не только дала им новый материал для творчества, она предложила совершенно новые принципы и формы.

Замечательная особенность русской литературы дореволюционного и послереволюционного периода заключается в том, что она оказала огромное воздействие на литературы других стран. Примером может служить современная литература урду с ее реалистическими традициями, сформировавшимися в 30-е годы.

Уже в середине 20-х годов появились переводы произведений Толстого, Чехова, Гаршина и Горького, послуживших моделями как по форме, так и по содержанию для новаторов современной художественной литературы урду. Многие прозаики, писавшие на урду, учились на традициях революционной гуманистической русской литературы.

С творчеством Михаила Шолохова мы познакомились позднее. Его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» были переведены на английский язык в конце 30-х годов, а перевод «Тихого Дона» на урду — в начале 40-х годов. И тем не менее эти произведения сразу же оказали революционизирующее воздействие на творчество писателей.

Писателям и читателям нашей страны, особенно в Пенджабе, всегда были близки темы и образы Достоевского, Толстого, Чехова и Горького. Однако эти писатели в своем творчестве обращались в основном к сюжетам городской жизни.

В произведениях Шолохова литераторы и читатели впервые увидели схожесть чувств и уклада жизни донского казачества России и сельского населения северного и северо-западного районов субконтинента. Его произведения сразу же стали как бы идеалом для сельской прозы урду и особенно пенджабской литературы.

Но Шолохов стал образцом творчества для наших писателей не только потому, что они обнаружили сходство в укладах жизни его героев и своего народа. Скорее это объясняется притягательной силой метода социалистического реализма и темой, поднятой Шолоховым. Он показал, как менялись социальные отношения в деревне, как происходило революционное преобразование сельского населения. Эти темы нашли еще больший отклик в сердцах писателей Пенджаба, где многомиллионное крестьянство, чья жизнь текла традиционно и размеренно, уже начинало пробуждаться — туда донеслись ветры перемен, а в 30-е годы начался бурный рост революционной активности крестьянских масс.

Произведения Шолохова объясняли характер и указывали направление таких надвигающихся перемен. В этом отчасти и заключалась для наших писателей суть метода социалистического реализма.

Европейская литература, в том числе и русская, оказавшая немалое влияние на нашу современную литературу, в особенности прозу, всегда отличалась сильной реалистической тенденцией. Она стремилась к наиболее достоверному отображению реальности общественной жизни и постоянной эволюции человеческого характера.

Одной из важных черт европейской реалистической прозы является ее гуманизм и непримиримое отношение к попранию человеческого духа. Она всегда была демократической по своей сути. Возникновение социалистического движения к концу XIX века в Западной Европе и России развило гуманистический критический реализм в социалистически -гуманистический.

Советские писатели-реалисты в послереволюционный период, по словам Стефана Цвейга, создали «коллективный метод» изображения действительности, где личность и народ неразделимы и писателей интересует рост общественной сознательности человека как составной части своего класса и общества, с которым он больше не вступает в противоборство.

Теперь он движущая сила истории. Он полностью осознает свое место в жизни, понимает смысл происходящих жизненных процессов. Эти знания помогают ему принимать активное участие в коллективной борьбе за формирование новой действительности.

Именно поэтому мы не встречаем в советской литературе мрачных, беспомощных, бездейственных, интровертных, замкнутых героев, занимающихся самобичеванием, столь частых в современной буржуазной литературе, в особенности после второй мировой войны.

Это два диаметрально противоположных литературных метода. Более того, здесь мы имеем дело с литературой, отображающей два диаметрально противоположных уровня реальной жизни: первый — человека буржуазного общества в период его распада, второй — человека социалистического общества в период становления и расцвета.

Перевод с английского Н. Степановой.

К 80-летию со дня рождения Аалы ТОКОМБАЕВА

ОСНОВОПОЛОЖНИК

Аалы Токомбаев, народный поэт Киргизии, навсегда останется в истории культуры своего народа. В 1924 году в первом номере газеты «Эркин Тоо» («Свободные горы») было напечатано его стихотворение «Пришло время Октября», то самое, которое положило начало киргизской советской письменной литературе. Токомбаеву было тогда двадцать лет.

Знаменательно, что именно таким, первым профессиональным киргизским поэтом стал человек, не знавший даже точной даты своего рождения: при почти поголовной безграмотности записей, естественно, не велось. Токомбаев был сын пастуха, одного из участников восстания против «белого царя» в 1916 году, бедняка, вся семья которого погибла от голода; выжил только один Аалы, ставший беспризорником.

Он обошел всю свою землю от Каракола до Чуйской долины и, наверное, именно тогда сделался поэтом:

Под цветами степная даль —
Точно шелком расшита шаль;
Как зеленый бархат, трава
Вся играет, светла жива...

Но главным делом была революция: Токомбаев принял ее безоговорочно. Он едет в Ташкент, в партийную школу: первые уроки целиком были посвящены азбуке, а через год Аалы прочитал всего Пушкина.

Уже для раннего творчества Токомбаева характерны широта тем, революционный пафос и корневая народность: в первом сборнике стихов, «О Ленине» (1927), поэт использует фольклорную форму песен-кошоков. Пластическая, запевная форма, ясность и изящность присущи и последовавшим за первой книжкой произведениям: «Цветы труда», «Атака», «Ранние стихи», «Пленник Марат». Но, пожалуй, основной работой, которой Токомбаев посвятил больше десяти лет жизни, был роман в стихах «Перед зарей» (1935—1947), ставший любимым для киргизского читателя и принесший автору большую, заслуженную славу:

Джунуш, пока ты жив, моим наследством ведай:
Работу славную и трудную наследуй.
Слыхал я: сброшен царь. Теперь, Джунуш, иди
За русским знаменем и русскою победой...

Токомбаев издал множество книг — поэмы, стихи, сказки, повести, пьесы, статьи, литературоведческие работы. Участник Первого съезда советских писателей, он внес свой вклад не только в свою, но и всю многонациональную литературу нашей страны. Реализм, глубина нравственных проблем, гражданственность, наконец, истинно национальный художественный литературный язык — вот лицо поэта Аалы Токомбаева, Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии наук Киргизской ССР, талантливейшего выразителя дум своего народа.

А. ЕФИМОВ

ИЗЗАТ КЛЫЧЕВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В густом сумраке юрты прозвучал колокольчик. Иззат проснулся. Сквозь прорезь кибитки пробивался луч звезды. Мальчик ступил на мягкую кошму, споткнулся о большой круглый хум, черпнул из него воды, отбросил коврик-килим и вышел на воздух. Босые ноги коснулись прохладной, колкой земли... Огромный, безграничный мир пустыни Каракумы, бездонное пепельное небо, тишина встретили малыша. Тяжелые волны барханов подползли и остановились у самого порога. Рядом проходила караванная тропа. За темными, шершавыми буграми песка у горизонта брезжила бледная заря. Звезды гасли. Тонкая льдинка юного месяца таяла, таяла под лучистым сиянием восходящего солнца. Ветер принес горький запах дыма. Иззат обернулся. Над аулом Ялкым поднимались сизые клубы. Женщины пекли в тамдырах лепешки. «Ох, как хочется есть — голодная эта весна...» Внезапно совсем близко зазвучали бубенцы. Перед мальцом появился ишак. На нем восседал седобородый старец в красном выгоревшем халате. Ноги мудрого яшули почти волочились по песку. Потом высоко над головой Иззата возникла горбоносая морда. Мерно покачиваясь, один за другим вышагивали верблюды. На их мохнатых лапах бренчали, тенькали, звякали колокольчики. Вдруг мимо Иззата пронесся, как вихрь, поджарый аргамак. Гордый ахалтекинец нес молодого всадника. Прошел миг. Караван исчез как сон. Опять воцарилось безмолвие. Свежий остывший за ночь ветер прилетел из пустыни. Сухой, без запаха. В его шорохе малышу почудился голос джиннов — злых духов, живших в песках. Померк месяц. Багровое грозное солнце повисло в золотистом мареве.

В тесной юрте, склонившись над листком бумаги, Иззат старательно выводил огрызком карандаша серп месяца, длинноухого ишака, старика в косматой папахе-тельпеке, верблюдов, ахалтекинцев с нежными глазами, лебедиными шеями и стройными ножками... Все, все, что он только что видел словно в мираже. Так рождался будущий живописец.

Иззат вздрогнул. Тоскливо, робким голоском прокричала что-то невидимая иволга. Откуда прилетела она? Слабый, плачущий голосок певуньи мальчик запомнил навсегда. В нем была тихая музыка его детства. Может, бедного, почти нищего, но полного ощущением поэзии и добра. Он всегда будет благодарен барханам и звездам, ласковому теплу чурека, испеченного матерью. Вниманию и мудрому слову отца. Древним рукописным книгам, которые он привез из Бухары. Со страниц толстых фолиантов глядели на него несравненные по красоте орнаменты, невиданные цветы и птицы. Иззат пережил много горя. Слышал мольбы женщин о воде. Порою голодал. Но он никогда не променял бы своей трудной юности даже на рай. Он узнал жизнь.

То было начало тридцатых годов нашего века. Потом уже, будучи известным художником, Иззат Клычев объедет полмира. Но никогда и нигде, любуясь и изучая шедевры Лувра и Ватикана, поражаясь могучими ваяниями резца Буонарроти, фресками Рафаэля, циклопическими руинами Колизея или небоскребами Лос-Анджелеса, он не забывал свою Туркмению, аул Ялкым, безбрежное море барханов, стремительную Амударью, Каспий, Ашхабад, Ленинград, где он учился в академии, Москву, которая дала ему счастье стать мастером. Это были его праздник и радость. Святое чувство общности с многонациональной Отчизной было основой цельности Иззата, его искусства — своеобычного и яркого, в котором как бы встретились вчера, сегодня и завтра.

Порою реалии наших будней фантастичнее иной легенды. Для того, чтобы в очередной раз убедиться в этом, стоило посетить экспозицию в Центральном Доме художников в Москве. Недавно там была развернута большая выставка, посвященная шестидесятилетию Туркменской ССР и ее Коммунистической партии, 100-летию добровольного вхождения Туркмении в состав России. В светлых залах были представлены живописные произведения. Перед зрителем возникало бытие этой солнечной земли, судьбы народные, образы современников, облик природы.

Тондо. Так называли в эпоху итальянского Ренессанса круглое изображение — рельеф либо картину. Но холст Клычева, вписанный в круг, создан в 1980 году. В наше время. В краю «коротких теней», где еще шестьдесят лет тому назад никто не смел писать лик человека. Так повелевал закон, нарушение каралось как святотатство. Станковая живопись тогда не существовала, картина, отражавшая жизнь людей, показалась бы в ту пору кощунством. Шестьдесят лет... В масштабах истории искусств это почти миг. Ведь десятки столетий отделяют нас от древнеегипетских фаюмских портретов или росписей Помпеи, изображавших людей. Почти шесть веков прошло с той поры, когда нидерландцы братья Ван Эйк начали писать масляными красками... По сравнению с этими временными дистанциями шестьдесят лет — миг. Первый шаг. Однако мы видим выставку интересных, талантливых картин туркменских художников, созданных в какие-то полвека. Это — чудо. И случилось оно в нашу эпоху в нашей стране. И не только в одной Туркмении. Таково поступательное движение цивилизации, развития культуры, искусства нашей Отчизны.

«Счастье». Сама форма тондо подчеркивает строгую ограниченность пространства. Это оазис. Хотел этого художник? Да. Мы не видим бескрайних знойных песков, окружающих этот тенистый, озаренный солнечными бликами уголок. Но глубина пурпуровых колеров, трепетный холодок синих, бирюзовых, изумрудных красок заставляют нас почувствовать всю глубину ликования этих пяти туркменских мадонн со своими малышами, отдыхающими в радужной тени этого островка прохлады. Заметьте: ни одной белозубой открытой улыбки. Никто не смотрит на нас. И в этой сдержанности — сокровенный мир материнства. Мелодия блаженного созерцания — лейтмотив картины.

Полотно наполнено осмысленной философией гуманизма. Иззат Клычев, как бы продолжая извечную тему материнства, создал весьма современную картину. В солнечных зайчиках на сверкающей зелени, в сочетании озаренных любовью фигур туркменок и их милых детей, в этом пышущем изобилии плодоносящей природы будто бродят соки нашей прародительницы Земли. В наивности и открытости сюжета — откровенность сердца, много пережившего, повидавшего и не уставшего удивляться и чувствовать и поэтому особо остро сумевшего выразить весомость мирного бытия.

На той же выставке можно было познакомиться с холстом Мамеда Мамедова «Моление о воде».

Зной. Накаленное до предела шафранно-желтое небо. Выжженные беспощадным светилом бурые пески. Одинокие убогие юрты. Среди пустых, опрокинутых глиняных сосудов-хумов — группа женщин. Их рдяные линялые одежды словно опалены жарою. Фигуры застыли в отчаянии. Воды давно нет. Пересохли глубокие колодцы. Безводны арыки, не скрипят ветхие чигири. Засуха... Десять туркменок, молодых и старых. Трое детей. Каждая из них — символ трагедии жажды. Горе, страдание, безнадежность будто растворены в самом воздухе картины.

Да, поистине бездна пролегла между тондо «Счастье» и этим полотном.

Давно ушла в небытие та страшная пора...

Скорбны, горестны образы «Моления о воде». Чеканны линии холста. Лаконичны, скупы движения. Характерны, своеобразны еще идущие от времен античности одежды, головные уборы, украшения.

...В другом ключе решена картина, написанная Иззатом Клычевым ранее, в 1967 году. «Я и моя мама». Хотя, казалось, чрезвычайно близки темы полотен. На первый взгляд также доминируют красные тона. Но как далека философская суть этого холста от «Счастья». Заботливо, с оттенком грусти глядит Аннабиби на своего сына. Трудные это были годы. Нелегкое детство было у Иззата. И хотя так же мажорно поют алые, пунцовые, розовые, оранжевые тона, но обратите внимание на взгляд малыша. Около полувека отделяет автора картины от того мгновения, когда он сидел в юрте на пестром одеяле, раскрыв тетрадку со своими первыми рисунками. Как пристально устремлен куда-то в неведомое далеко взор мальчишки. Трудная, очень непростая судьба ждет живописца. Ведь не пройдет и двух-трех лет, как Иззат и его три брата останутся круглыми сиротами. В 1933 году уйдут из жизни и отец и мать.

Только начнет учиться рисовать юный Клычев, как загрохочет Великая Отечественная и он, верный своему долгу гражданина, отложит кисть... А пока маленький Иззат задумался. Он глядит на нас. Как бы вопрошая. Картина полна предчувствием тревожной, нераскрытой тайны.

1940 год. Иззат Клычев становится студентом Ашхабадского художественного училища. В ту пору ему было семнадцать лет. Живопись и рисунок на курсе вела русская художница Юлия Прокофьевна Данешвар. Она приехала в Туркмению из Москвы со своим мужем, азербайджанским графиком Музафаром Данешваром.

Тепло, взволнованно вспоминает о своем первом педагоге Иззат. «Внимательная, деликатная, обаятельная» — так характеризует ее Клычев. Но главное свойство было то, что она сама была талантливым мастером. Ученица Сергея Васильевича Герасимова и Александра Александровича Дейнеки, она получила настоящую школу. Взгляните на ее картину «За рукоделием», опубликованную на обложке нашего журнала, и вы убедитесь в этом.

По вечерам, после занятий Ю. П. Данешвар собирала своих воспитанников. Рассказывала им о Москве, Третьяковской галерее, Большом театре, любимых художниках, показывала монографии с цветными репродукциями. Нередко водила своих студентов в Ашхабадский музей, где экспонированы были прекрасные полотна классиков русской живописи.

Особенно запали в душу Иззата ее впечатления об Александре Дейнеке. Как прекрасны были его слова: «Искусство обладает поразительным свойством — воскрешать былое, показывать завтрашнее. Но сколько бы искусство ни раскрывало сюжетов из истории и ни забегало в грядущее,— оно принадлежит своему времени».

Иззат слушал и думал: надо учиться, учиться, познать жизнь, раскрыть тайны искусства, и тогда...

Судьба рассудила по-иному. Учение было приостановлено. 22 июня 1941 года грянул гром Великой Отечественной войны. Иззат Клычев, как и другие, взял в руки оружие. Всю войну прошел с боями солдат отдельной роты связи Клычев. Сражался под Воронежем. Дважды участвовал в освобождении Харькова. Форсировал вместе с однополчанами Вислу и Одер. Встретил незабываемый День Победы в поверженном Берлине... И вслед за продвижением войск к западу его догоняли весточки из Туркмении. Вместе с ними письма Юлии Прокофьевны Данешвар. Вот одно из них:

«Дорогой Иззат!

Письмо твое, твои фотографии получила. Очень тебя благодарю. Я ношу их всегда с собою. С гордостью показываю их своим и твоим знакомым. Какой ты стал молодец. А пилотка к тебе идет ничуть не меньше тюбетейки. Я очень рада, что мое письмо хоть и за полтора месяца, но все же нашло тебя.

Вся страна с радостной тревогой следит за продвижением наших войск вперед и вперед. Далекая твоя родина Туркмения гордится каждым вашим шагом. Мы понимаем, что нелегко выбивать фашистов из насиженных гнезд. Но зато как приятно, как радостно сознавать, что еще одна деревня, один город, еще один клочок нашей советской земли отнят у врага и снова наш. Мы рады вам, наши дорогие воины-защитники. Ты даже не представляешь, в какой исторической битве участвуешь ты и твои друзья-однополчане. С каким нетерпением я жду твоего возвращения с полной победой... Тогда побеседуем, поговорим как прежде. Я напишу твой портрет в пилотке и в военной форме. Горячо верю, что это осуществится...

Юлия Прокофьевна

26.XI—43 года».

Я спросил недавно у Иззата Клычева, какие эпизоды войны он запомнил особо. Рисовал ли он? Он задумался. Потом сказал: «Воевал, как все. Рисовать было некогда». И замолк. Но ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медали «За отвагу» и другие говорили за него.

1947 год. Иззат демобилизовался. Ашхабадские друзья встретили земляка радостно и шумно. Собрались на веселый праздник — той. Накрыли красочный дастархан... Вскоре Клычев уедет в Ленинград. Там при Академии художеств, в Институте имени И. Е. Репина, была создана национальная студия для одаренной творческой молодежи из Средней Азии.

Думал ли Иззат, расставаясь со своим дорогим первым наставником Юлией Прокофьевной, что больше никогда ее не увидит... В 1948 году страшное ашхабадское землетрясение унесет ее жизнь. Запомнил только, как они стояли светлым утром у маленького бассейна-хауза. Шелестела листва. Журчал арык. Озорная вода, серожелтая, с голубыми бликами, бежала куда-то вдаль. Юлия Прокофьевна промолвила задумчиво:

— Иззат, едешь ты в академию. Это большое счастье. Ты его заслужил верой и правдой. Будь его достойным.

Каменные сфинксы хмуро глядели на смуглолицего молодого человека. Величественная река мерно катила мимо него свои свинцовые воды. Низкое, суровое небо. Четкие линии Адмиралтейства. Шеренга дворцов... Все было сдержанно и строго. Но Иззат знал: Ленинград — его родной город. Город-солдат. Израненные дома на Невском. Надписи на многих из них: «Осторожно, артобстрел», «Бомбоубежище». А главное, он всегда помнил, что именно здесь родился Октябрь. Началась новая эра. Значит, ему и его друзьям — узбекам, таджикам, казахам, приехавшим с ним, как и десяткам представителей других республик, всегда будет хорошо в стенах Академии художеств.

Иззат начал работать в мастерской Иосифа Александровича Серебряного. Одолевал нелегкие премудрости школы. В свободное время, зачарованный, бродил, бродил по залам Эрмитажа и Русского музея. Часами простаивал у полюбившихся ему полотен. С каждым днем все больше убеждался, сколько еще надо постичь и превозмочь... И когда как будто незаметно, в учении и заботах пробежали годы, он оказался в мастерской Бориса Владимировича Иогансона.

Студенты бесконечно уважали своего профессора, ценили его за готовность тактично объяснить, помочь, рассказать о самых сложных проблемах. Больше всего поражало, как артистично, мастерски правил холсты учеников сам Иогансон. Брал палитру, кисть, и через какой-то час-другой возникали живые глаза, руки... завораживающе просто и убедительно.

В душе Иззата постепенно зрело твердое убеждение, что в основе живописи при даже самом выдающемся даровании лежит т р у д и что искусство «не прогулка, а схватка». Это означает, что художник должен не забывать то, о чем ему еще в юности рассказывали про Дейнеку: «Надо принадлежать своему времени». Когда пришла пора диплома, Клычев выбрал тему «В пустыне Каракум». Шел 1953 год. Иззат вернулся из Туркмении. Он прошел вместе с экспедицией геологов Каракумы. Простым рабочим. Прокладывал вместе с ними трассу будущего канала. Невзирая на пятидесятиградусную жару, рисовал, писал. Привез груду этюдов, рисунков. Картина получилась. Была экспонирована на Всесоюзной художественной выставке 1954 года. С тех пор минуло ровно тридцать лет. Десятки, десятки полотен создал Иззат Клычев. Стал одним из ведущих мастеров Туркмении. Его судьба — судьба республики. Ведь они почти ровесники.

Рдела алая заря над городом. Из окна студии Иззат любовался Ленинградом. Гордые линии набережных Невы. Торжественные силуэты дворцов. Купол Исаакия. Каждый камень — история. Студент-дипломник Клычев представил себе грандиозную панораму. От холодных, безлюдных просторов времен Петра, когда только намечались очертания Петербурга, до огненного кипения тысячных толп на площадях Петрограда 1917 года. Начало небывалой эпохи. Грохот маршей, звонкие песни революции звучали в сердце молодого художника. И вдруг... тишина. Вой сирены. Визг снарядов. Блокадный Ленинград. Сотни тысяч погибли здесь в те страшные дни... Поразительна, несравненна судьба этого города.

...Иззат в это утро задумал написать картину «Новая эра». Не сейчас, когда на мольберте диплом, а позже... Ведь пока он научился лишь рассказывать о событии. А хочется овладеть искусством-песнью. Да, он мечтает пропеть свою любовь, благодарность революции, России, Ленину, помогшим ему, сыну туркменского бедняка-крестьянина, научиться высказать хоть ту частицу прекрасного, которым его наделила природа.

Пройдет более двадцати лет, пока мечта Иззата воплотится в картину. Вернее, это будет его первый опыт выразить тему — «Новая эра».

Сложен, непривычен ракурс композиции. Петроград. Апрель 1917 года. Площадь перед Финляндским вокзалом расширена до масштаба части планеты. В центре, на броневике, Ленин. Вокруг вихрь алых, кумачовых, багряных знамен. Художник, словно птица, взмыл над миллионами людей и оттуда, с высоты орлиного полета, окинул взором эту величественную сцену, где главными действующими лицами были Ленин и История. Тысячи, нет, миллиарды людей Земли слушают вождя. Живописец ощутил и выразил вселенскую суть этого мига. Картина — песнь души. Она в ритме, динамике холста, где все подчинено одной лишь сверхзадаче: отразить явление невиданное. В полотне Иззата Клычева — напряженная романтика, поэзия тех незабываемых мгновений, когда вера, воля, надежды народные слились в одно единое чувство радости и подъема... «Новая эра» — тот случай в нашем современном искусстве, когда живописец счастливо и озаренно воспевает близкую, любимую гражданственную тему. В картине явственно ощущается богатство национальных традиций народного искусства Туркмении, выраженных в многоцветье ковров, керамики, красочных одежд. Все это претворено в станковом полотне, где особенно ярко подчеркнуты декоративные традиции, свойственные пластическому мышлению туркменов.

— Если посмотреть из космоса на мою родную Туркмению, то прежде всего увидишь синие просторы Каспия,— говорит Клычев,— взбаламученную могучую Амударью, несущую свои воды с голубых заоблачных ледников Гиндукуша, темно-коричневые отроги хребта Копет-Дага и необозримые пески Каракумов, одной из крупнейших пустынь планеты... Черные пески — жестокие, гнетущие, чуждые. Хотя они серо-желтые, но от этого они не становятся добрее. Еще в древности человек боролся с пустыней. Ныне Туркмению прорезает мощный Каракумский канал имени Ленина, а вся земля исчерчена бирюзовыми капиллярами малых рек, арыков, каналов. По их берегам изумрудные сады, поля, оазисы. Мало где в стране так ценят воду, как у нас в республике. Поэтому так любим мы цвета жизни.

Когда я был в Штатах, в Лос-Анджелесе, Вашингтоне, мне доводилось спрашивать у многих людей самых разных профессий, веры и состояний: «Зачем нам, человечеству, эта губительная, последняя из всех войн термоядерная бойня? Ведь жизнь так прекрасна!» Никто, никто не ответил на этот вопрос: «Нужна!» Таких людей я не встречал, хотя знаю, что они есть.

Сколько стран я ни объехал — Италию, Францию, Йемен, Эфиопию и много других, я видел, что народы против войны.

Небывало сочны и своеобычны красные, алые, багряные цвета в картинах Иззата Клычева. Они то горят у него на кумачовых знаменах в «Рождении эры», пламенеют на одеждах девушек, то мерцают в изящных сплетениях женских фигур и плодов на роскошном тондо «Счастье». Откуда это богатство пурпурных, пунцовых красок в палитре художника? Обойдите выставку живописи Туркмении, посвященную шестидесятилетию этой солнечной республики, и вы увидите костер жарких, пылающих красок... Великолепное богатство этого цвета жизни.

Еще в древних руинах Нисы, что под Ашхабадом, находят археологи ваяния парфянской эпохи с одеждами, окрашенными в красные тона. Прошло два тысячелетия... И сегодня, глядя на дивные туркменские ковры, вспоминаешь слова смелого венецианского путешественника Марко Поло, сказанные еще в XIII веке: «Выделываются тут, знаете, самые тонкие и красивые в свете ковры...» А ведь согласитесь, что кого-кого, а Марко Поло, исколесившего полмира, трудно было чем-либо удивить и поразить.

И мы снова зрим полнозвучие гаммы глубоких багровых, рдяных, густо-вишневых колеров. Все, все в природе Туркменистана, от розовых утренних весенних зорь до густо-коралловых июльских закатов, от сочных плодов черешни и вишен до лилово-малиновых гранатов,— все, все подтверждает цветение этих пламенных красок туркменской земли. И когда в годы рождения республики в пески Каракумов пришли конные полки революции, то на их знаменах сверкал и трепетал на жарком ветру живой кумач.

Так от седой древности до наших дней символом всепобедного бытия стал алый цвет. Поэтому не удивляйтесь, когда увидите красных ахалтекинцев с лебедиными шеями на холстах у Иззата Клычева.

Творчество Иззата Клычева, молодое по своим поискам путей национальной школы живописи, только что, по существу, родившейся, примечательно своим обостренным старанием искать пути раскрытия жизни своего народа, своей республики средствами, еще никем не опробованными. Мастер идет по нехоженым тропам. И с каждым годом его холсты обретают свое неповторимое лицо. Он дерзает и ищет. И это не оставляет никого равнодушным... На экспозициях больших выставок, где сотни и сотни картин, его полотна всегда узнаваемы. В них пылают горячие краски его родной Туркмении, горит огонь его неравнодушного сердца. Свойство нашего многонационального искусства — это свойство радуги, носящей в себе светозарность и многоцветность при цельности светлого и доброго видения мира, природы и человека. В многоликости союза тысяч художников имя Иззата Клычева, прошедшего нелегкий, многотрудный путь воина, живописца, гражданина, занимает достойное место.

— Растут мои товарищи, туркменские художники. Помогают и мне двигаться дальше. Впереди отчет. Персональная большая выставка. Первая в моей жизни по масштабу,— говорит Клычев.

Больше полувека прошло с той поры, когда Иззат в апреле 1932 года нарисовал свою первую весну. И вот в апреле 1985 года в Москве Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, депутат Верховного Совета Союза ССР Иззат Клычев встретится с широким зрителем...

— Однажды у Курбе спросили: «Что вы думаете, когда пишете картину?». Он ответил коротко: «Я не думаю, я волнуюсь».

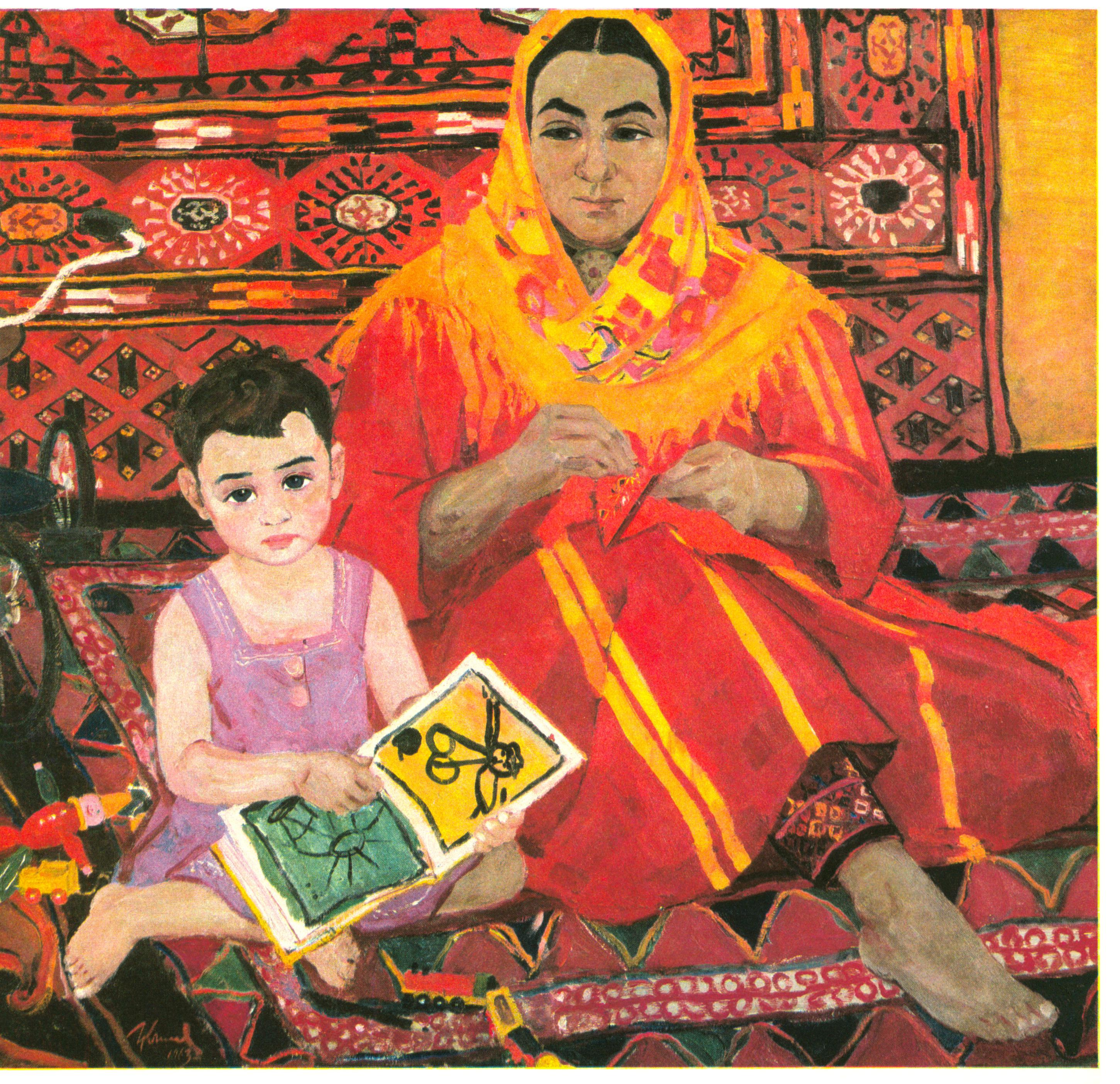
Эту цитату привел Иззат, когда я спросил у него, какой должна быть экспозиция.

Жизнь Иззата Клычева, в которой повторены судьбы миллионов наших граждан, как в кристалле отражает грани советского бытия.

И. Клычев. 1923. СЧАСТЬЕ. 1980.

Выставка «Изобразительное искусство Туркмении».

И. Клычев. Я И МОЯ МАМА. 1967.

Выставка «Изобразительное искусство Туркмении».

ЧАЙКИ НАД СТЕПЬЮ

См. 2-ю стр. обложки

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
фото Юрия ЩЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

...Эти раны лечит только вода. Благодатная, спасительная — лишь она способна оживить увядшую, выжженную беспощадным солнцем землю, затянуть нежной зеленью трав изрезавшие ее страшные трещины.

Но нет дождя, и лишь знойный ветер гонит по унылым просторам кустики перекати-поля да невесть зачем залетевшая в это пекло птаха тянет свое извечное «пи-ить, пи-ить».

Такова Буджакская степь летом. А грядет осень, разверзнутся хляби небесные, и, застряв в увязшем по самые ступицы колес «газике», вспомнишь пушкинские, посвященные Молдавии строки:

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь...
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною...

Сказанное поэтом достоверно подтверждается данными современной науки: продолжительность солнечного сияния на юге республики достигает 2330 часов, среднегодовая температура составляет плюс десять.

И тем не менее обилие солнца, света не всегда в радость местному земледельцу: летом степь мертва от безводья.

Сотни лет мечте досыта напоить степь, вернуть ее к жизни. Ведь совсем рядом, в каких-нибудь тридцати километрах, несет свои воды могучий, щедрый Дунай. Да только щедр он лишь к тем, кому посчастливилось поселиться на его берегах. Всем прочим выпала куда более трудная доля.

Молдавия— самая густонаселенная наша республика. Но если в благодатных приднестровских районах живут до 150 человек на квадратный километр, то на юге плотность населения почти в три раза меньше. Маловодные, летом мелеющие, а то и вовсе пересыхающие речушки не в состоянии обеспечивать растущие запросы сел. Не всегда выручают и артезианские скважины — запасы подземных вод в республике невелики.

— Наш род живет в этих краях более двухсот лет,— говорит главный агроном совхоза-техникума «Светлое» Г. Н. Раткогло.— И по рассказам деда, отца знаю, что не с золотом, с водой связывал представления о счастливой жизни здешний крестьянин. И тяжким трудом добывал это счастье. Чего там старину вспоминать, я сам вышел в поле — еще восьми лет не было. Помню, как рыли узкий колодец — скважину, ставили лошадь, завязывали ей глаза и я часами гонял ее по кругу, качая примитивным насосом воду.

Георгию Николаевичу 31 год. Из них шесть — сразу после окончания Украинской сельскохозяйственной академии — главным агрономом. Влюблен в землю и предан ей бесконечно.

— По-деловому восприняли мы итоги октябрьского Пленума ЦК КПСС, критику, прозвучавшую с его трибуны в адрес нашей республики,— продолжает Г. Раткогло.— В его материалах — ответ на многие наши насущные нужды, очередное яркое проявление заботы партии о благе народа.

Сейчас в нашем районе идет большое мелиоративное строительство. Завершение его еще впереди, но мы уже три года пользуемся пришедшей водой. Пока поливаем тысячу гектаров, а будем поливать втрое больше. Озимой пшеницы на поливе берем по 76,4 центнера. Соя при орошении дает почти вдвое больше — по 26 центнеров бобов с гектара. Значительно возросли урожаи кукурузы, немалые надежды связываем с грядущим поливом виноградников.

Ухоженные, росной свежести поля, вдоль которых мы едем с Георгием Николаевичем, красноречиво подтверждают сказанное.

Поля издали похожи на бескрайний аэродром, где собралась на парад авиационная техника начала века. Разве что внешность у здешних бипланов повнушительнее да украшены они непривычно — самой что ни на есть натуральной семицветной радугой.

— Вот они, наши помощники,— улыбается Раткогло.— «Фрегаты», «Днепры» — установки для орошения. С ними связываем надежды на будущее, хотя, конечно, в докладе Председателя Совета Министров СССР товарища Н. А. Тихонова совершенно справедливо критиковались отдельные министерства и ведомства, отстающие с внедрением новейших достижений науки и техники в мелиорацию. В условиях столь острого дефицита воды, как у нас, когда каждая капля бесценна, перспективнее представляются установки типа «шлейф». Но теперь, уверены, перемены к лучшему не заставят себя ждать. Создание крупных зон гарантированного производства зерна на промышленной основе — это реальность, подкрепленная решением партии, нашим трудом.

Да, то, о чем еще вчера только мечтали, становится реальностью столь же зримой, как огромное искусственное водохранилище, возникшее недалеко от центральной усадьбы совхоза, как тридцатикилометровый магистральный канал, питающий водохранилище долгожданной дунайской водой.

Эти объекты справедливо считаются важнейшими в пусковом водохозяйственном комплексе, только что сданном в эксплуатацию коллективом производственного объединения «Югводстрой».

Сам канал — глубиной до десяти метров и шириной до 110 метров по верху при разработке его полного сечения — сможет подавать каждую секунду 103 кубометра дунайской воды: целая река.

Это сложнейшее гидротехническое сооружение с современными мощными насосными станциями, узлами пересечения дорог соединило придунайское озеро Ялпуг (отсюда и речка одноименного названия) с Тараклийским водохранилищем, способным вместить многие десятки миллионов кубометров воды. Раскинется оно на 1750 гектарах. Когда будет завершено строительство всей системы, более 170 тысяч гектаров полей, садов и виноградников восьми южных районов Молдавии будут черпать отсюда драгоценную влагу.

— Продуктивность гектара мелиорированных земель в два с половиной — три раза, а в засушливые годы и в шесть — восемь раз выше продуктивности гектара обычной пашни,— отмечает заместитель генерального директора объединения «Югводстрой» Д. А. Гимпу.— Эти цифры наизусть знает каждый парнишка, приходящий к нам, чтобы выучиться на экскаваторщика, шофера, ибо в них суть и смысл всей нашей работы.

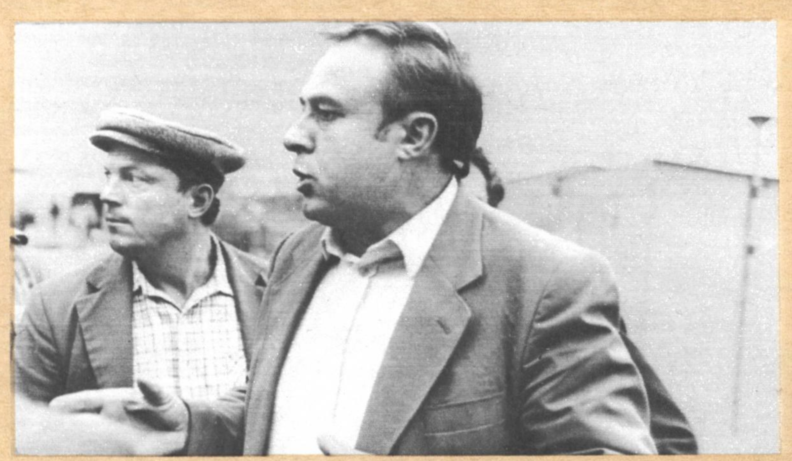
В кабинете Дмитрия Алексеевича на стене висит схема, очертаниями напоминающая невысокую, но необычайно раскидистую яблоню. Мощный ствол — канал из озера Ялпуг, крона — множество разводящих каналов и небольших рукотворных озер. По плану в двенадцатой пятилетке будет сооружена вторая очередь системы орошения, предусматривающая строительство канала протяженностью до 35 километров, который свяжет Тараклийское водохранилище с этими озерами. Таким образом, воду в ближайшие годы получат еще пятьдесят тысяч гектаров Буджакской степи.

Объем работы громадный, и люди, взявшиеся за нее, устраиваются в этих краях по-хозяйски основательно, прочно. Чего скрывать — нелегкая профессия мелиоратора еще не отличается особым уютом, оседлостью. Пока молод, оно вроде и ничего, даже романтично — кочевать по балкам да палаткам. Но приходит зрелость, обзаводится человек семьей, и, глядишь, лишается ПМК еще одного опытного работника — вынужден уйти, чтобы завести нормальный дом, выучить ребятишек, дать им возможность жить вместе с родителями.

И не случайно в постановлении октябрьского Пленума ЦК КПСС подчеркивается необходимость обеспечения на мелиорируемых землях комплексного строительства — такого, которое включало бы сельскохозяйственное обустройство, сооружение дорог, а также своевременное строительство жилья, детских учреждений, объектов культурно-бытового назначения. Все эти работы рассматриваются как непременное условие повышения эффективности использования средств, вкладываемых в мелиорацию. Поэтому в планах «Югводстроя», помимо решения чисто производственных задач, намечено и строительство нового жилого квартала, магазинов, детского сада на 320 мест, торгового центра, кафе-столовой на плотине, других объектов соцкультбыта.

Довелось мне побывать в гостях у семьи экскаваторщиков Бариновых. Николай Николаевич — машинист, жена Евдокия Карповна — помощник. Подобные семейные экипажи редкость. Нелегок этот труд для мужчин, ну, а для женщин, на плечах которых еще и домашнее хозяйство,— тем более. Однако вот уже одиннадцать лет Евдокия Карповна — верный помощник мужу и донецкий экскаватор изучила не хуже его. При норме 620 «кубов» за смену делают до тысячи, работают не по часам — по солнцу, стараясь до последней ясной минуточки использовать световой день. Собственно, на стройке подобная продолжительность смены — закон для большинства. Закон совести, пото-

Канал построен, работа продолжается (заместитель генерального директора объединения «Югводстрой» Д. А. Гимпу).

Истосковалась земля по влаге.

Строится плотина.

му что с декабря по апрель распутица вносит порой такие неожиданные коррективы в планы, что потом никакими сверхурочными не расхлебать.

Более тридцати лет отдал мелиорации Николай Николаевич. Обводнял земли Средней Азии, сооружал оросительные системы в районе Тирасполя, возводил гидроузел Костешты — Стынка. Исколесили с женой полсвета, этой самой «романтики дальних дорог» хлебнули выше головы, так сказать, в пути вырастили сына, дочь, сейчас растят внука. Везде и всегда трудились на совесть и здесь по праву в числе самых лучших. А потому заслуженно решили товарищи выделить им, кадровым рабочим, отдельный дом. Да такой, что невольно позавидуешь: на первом этаже гостиная метров под тридцать, веранда-прихожая, большая кухня; на втором — еще три комнаты, лоджия, много подсобных помещений.

— Работ мелиоративных на юге, думаю, и детям до пенсии хватит,— говорит Николай Николаевич.— Поэтому обосноваться в поселке решили навсегда. Места вокруг красивые, с безводьем, считай, управились. Я рыболов заядлый, нет выходного, чтобы с удочкой не посидел, на мотоцикле за десятки верст все окрестности исколесил. По мне, нашу работу земля тогда принимает, когда на берегу озера или канала рыбаков вижу. Есть рыба, значит, живая наша вода, значит, хорошо мы потрудились.

Рыбаков на рукотворных берегах хватает. Глядишь на них, и сомнение одолевает — уж больно неприкаянно смотрятся они на этих голых, без единого деревца откосах. Да полно, водится ли тут что? Полюбопытствовал, поспрашивал, удостоверился, что не зря сидят: есть тут и сазан, и карась, и карп зеркальный. Гимпу, с которым объезжал стройку, засмеялся:

— А чего же вы хотите, природа здесь богатейшая. Еще, погодите, дубравы поднимутся, зверье набежит. Совхоз-то местный вон какой дальновидный — уже дом отдыха на водохранилище закладывает, свою курортную зону организует. Вода — она в дружбе с солнцем чудеса творит.

Стройка объявлена ударной комсомольской, и потому за рулем, за рычагами экскаваторов много молодых. Мне называли имена водителей Д. Фауряна, П. Вакулы, других ребят, производственный стаж которых, в общем, невелик, а вот выработка — постоянно за полторы нормы. Откуда умение? Прежде всего благодаря наставничеству.

Забавное происшествие случилось со мной на трассе. Подъезжаем к одному экскаватору, разговариваю с ребятами — добрым словом поминают своего наставника, ушедшего в отпуск И. Г. Димова. Подъезжаю к другому — опять хвалят его же. К третьему — снова та же история!

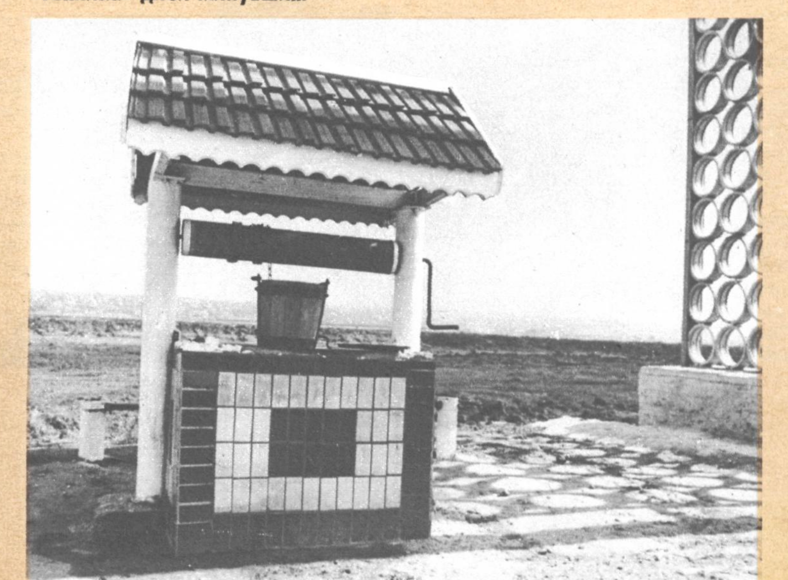
Валерий Узунов объяснил:

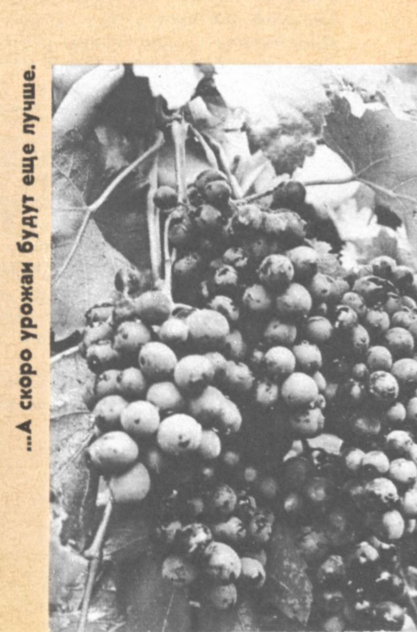
— Иван Георгиевич за несколько месяцев обучил двенадцать человек. Конечно, за плечами у всех была учеба на курсах, но для настоящей работы этого мало. А у него школа своя — буквально за руку водит, показывает: делай так, делай эдак. Возится — времени не жалеет. Я у него два месяца практику проходил, зато сейчас уже сам могу деньги зарабатывать.

Один из учеников И. Г. Димова — экскаваторщик Валерий Узунов.

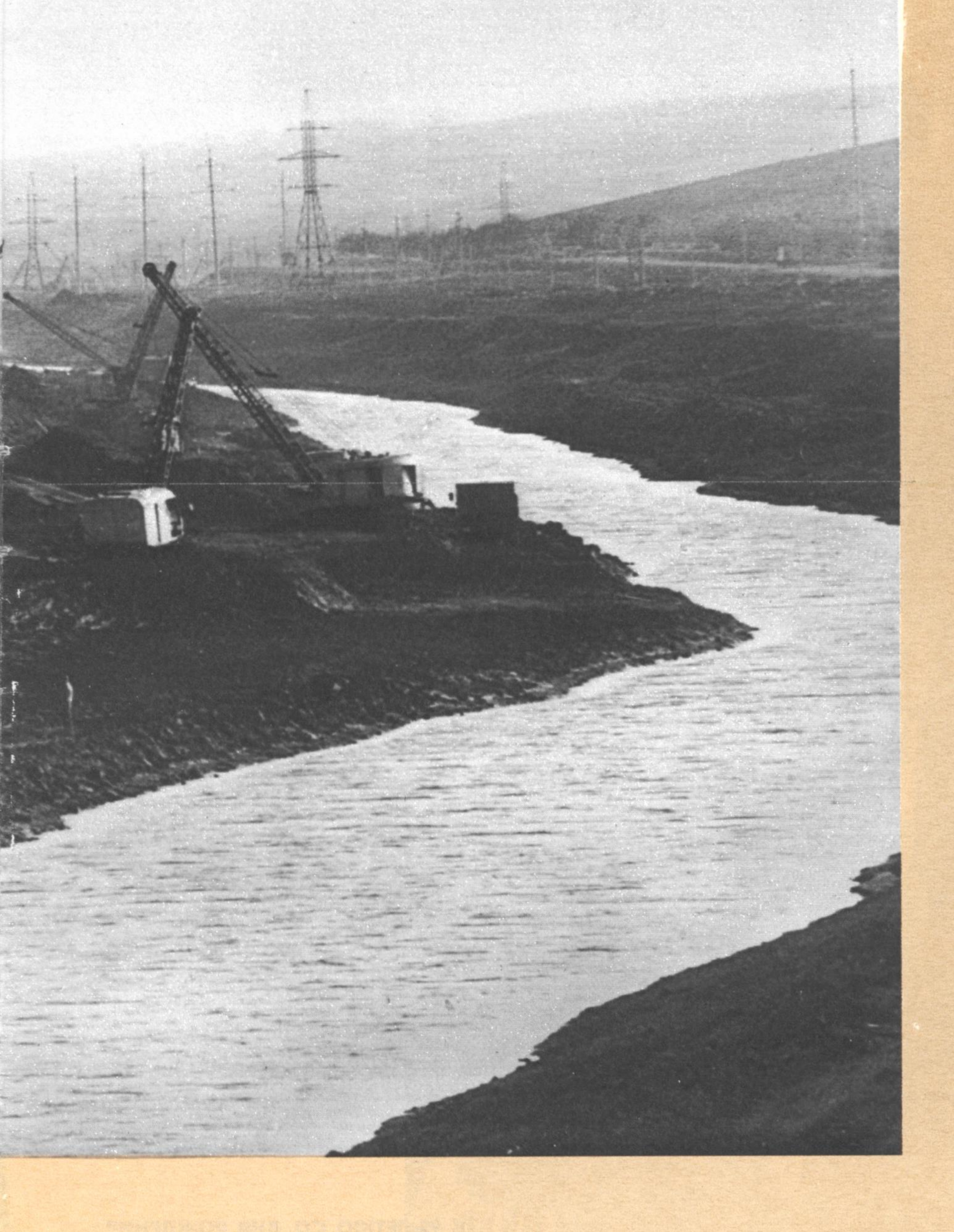

«Техника» дней минувших.

...А скоро урожаи будут еще лучше.

Хороша дунайская водица!

Сколько ему лет? Думаете, раз наставник, значит, пожилой? Нет, ему примерно 35.

Сам Валерий пришел сюда после армии. Служил в десантных войсках, многое знает, умеет. И с техникой в ладах — шофер, электрик. Узнал, что есть возможность овладеть еще и профессией экскаваторщика, поступил на стройку. И жизнь свою спланировал надолго и всерьез. Помог ему и его товарищам заместитель генерального директора «Югводстроя» Д. А. Гимпу.

Находясь на этой должности с октября прошлого года (раньше был начальником передовой ПМК-10), поставил цель обеспечить работу механизаторов в две смены. Цель смелую, так как в тот момент не то что излишка на вторую смену не было, на единственную ста человек не хватало.

И тогда он поехал по селам, вдоль которых пойдет будущий канал до Ниспорен. Говорил с местными руководителями, убеждал, что им выгодно будет иметь в хозяйстве обученных, закаленных стройкой механизаторов. Убеждал и, прямо скажем, соблазнял местных ребят перспективой нужной профессии, хорошего заработка и работы, считай, у крыльца родного дома. Агитировал умело, с толком, и уже к июню 150 новичков получили заветные права.

Вообще интересный человек Дмитрий Алексеевич. Кряжистый, степенный — такому погон не надо, за версту чувствуется руководитель привычный, умеющий распоряжаться кадрами, техникой, принимать ответственные решения. А руки у руководителя мозолистые, рабочие, вся биография в них, все профессии: и слесаря, и комбайнера, и тракториста. Три брата, три сестры в дружной семье и фамилию свою носят достойно. Сестра Мария Алексеевна, например, известный всей республике виноградарь, Герой Социалистического Труда, награждена тремя орденами Ленина. Зять, племянник Гимпу — экскаваторщики здесь, на стройке, сын по комсомольской путевке с той же профессией на Уренгое. Ну, а сам Гимпу в пылу насущных забот тем не менее мечтает уже о следующей, еще более масштабной стройке.

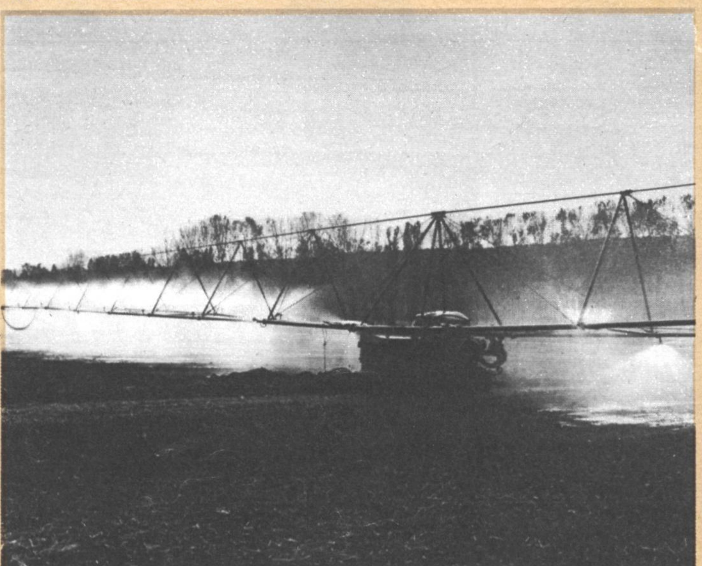
— Когда наши старики хотят сказать о чем-то невозможном, они говорят: «Скорее Дунай потечет в обратную сторону». Именно это нам и предстоит сделать — с помощью мощных насосных станций поднять дунайскую воду по каналу с юга в центр республики, в Кодры. Если здесь проектная мощность — 103 кубометра воды в секунду, там — триста! Площадь орошения составит триста тысяч гектаров. Представляете, какая мощь, какой размах! Раньше о таком не могли и мечтать. А теперь опыт этой стройки убедил — осилим.

Расчеты показывают, что Молдавия может довести площади орошаемых земель в ближайшей перспективе до 1,8 миллиона гектаров, придать на этой основе сельскому хозяйству стабильный характер, увеличить объемы производства сельхозпродукции.

Уверен, с благодарностью помянут потомки нелегкий труд молдавских мелиораторов, щедрым урожаем отзовется на их заботу родная земля.

Идет по полям искусственный дождь.

Здесь, в поселке Тараклия,— штаб стройки.

Иван Дмитриевич Папанин.

Ура! Экспедиция закончена!

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВСТРЕЧА С ИВАНОМ ПАПАНИН

Очередное сражение с примусом.

Москва встречает героев.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

М. И. Калинин вручает И. Д. Папанину высокую награду — орден Ленина и Звезду Героя Советского Союза.

Спасение «имущества», когда образовались трещины на льдине.

Поздравить юбиляра пришел президент АН СССР академик А. П. Александров.

Каждый, наверное, поймет то волнение, с которым я шла на встречу с Иваном Дмитриевичем Папаниным — человеком-легендой, героем моего предвоенного детсадовского детства. Мы тогда играли в папанинцев, как сегодня ребята играют в космонавтов.

Его рабочий стол завален телетайпными лентами с романтическими позывными «Пассат» — отчетами работы научно-исследовательских кораблей, картами их маршрутов. Доктор географических наук, дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин руководит Отделом морских экспедиционных работ Академии наук СССР.

— Перед вашим приходом мы тут с моим заместителем Глебом Николаевичем Григорьевым работали с материалами по новому научному судну — «Академик Лаврентьев». Корабль только что пришел в Ригу из Финляндии, где по нашему заказу его делали финские корабелы. Удивительным человеком и ученым был Михаил Алексеевич Лаврентьев. Я его хорошо знал, дружил с ним еще до его отъезда в Новосибирск председателем Сибирского отделения Академии наук, которое он создал. Михаил Алексеевич стоял и у колыбели Дальневосточного научного центра. Этому центру мы передаем новый научно-исследовательский корабль. «Академик Лаврентьев» будет теперь вести исследования в бассейне Тихого океана,— рассказывает Иван Дмитриевич.— А недавно я как председатель Государственной приемочной комиссии ездил в Финляндию в город Раума. Там на верфи Холлминг мы принимали флагман — новое научное судно «Академик Борис Петров».

Иван Дмитриевич на мгновение задумывается и продолжает.

— Из нашей четверки, что дрейфовали на Северном полюсе, стали теперь пароходами Петр Ширшов, Эрнст Кренкель и Женя Федоров, самый молодой из нас...

В фотоархиве «Огонька» я подобрала фотографии того времени, когда легендарная четверка папанинцев совершала свой девятимесячный дрейф на льдине. Прошу Ивана Дмитриевича их прокомментировать.

— Некоторых из них и у меня нет,— говорит он, перебирая снимки.— А эту фотографию я добавил бы в ваш архив из моего семейного альбома. Здесь мне 14 лет. Я работал тогда учеником токаря в мастерских Севастопольского военного порта. Я сын и внук моряка, родился на теплом море, в Севастополе, с 1915 года ушел на Черноморский флот. Это потом занесло меня в Арктику.

Иван Дмитриевич вспоминает,

как сражался он в годы революции и гражданской войны в Крыму и на Украине.

— В 1920-м белогвардейцы оккупировали Крым. Я тогда был членом Реввоенсовета армии, что действовала в тылу Врангеля. Нам до зареза нужно было оружие, деньги. И меня решили послать за помощью к Фрунзе. Выбор пал на меня совсем не потому, что я был самым смелым,— улыбается Иван Дмитриевич,— а потому, что самым худым да и роста небольшого. Партизаны договорились с турецкими контрабандистами, что они провезут меня в мешке из-под муки. Так мы прошли под самым носом у белогвардейских постов. Но потом на шхуне у турок что-то случилось, и высадили они меня не в Трапезунде, как было условлено, а в Синопе. Оттуда без денег, без еды, не зная языка, я все-таки пробрался к своим и выполнил задание. Наш десант прошел в шторм по Черному морю и высадился в Крыму.

— Иван Дмитриевич, что же вы не рассказываете, что были командиром этого десантного отряда, нанесшего врангелевцам такой удар? — вступает в разговор Глеб Николаевич Григорьев.— Вы, наверное, не знаете,— обращается он ко мне,— что комиссаром отряда молодого Папанина был будущий писатель Всеволод Вишневский. Об отважном и веселом своем командире он рассказал потом драматургу Треневу, и тот в образе матроса Шванди запечатлел многие черты молодого Папанина...

— Когда вы впервые попали в Арктику?— спрашиваю я Ивана Дмитриевича.

— В 1931 году. Участвовал в экспедиции на ледоколе «Малыгин», был на Земле Франца-Иосифа во время трансарктического перелета дирижабля «Граф Цеппелин». На арктической станции в бухте Тихой я познакомился с молодым метеорологом Женей Федоровым, будущим всемирно известным ученым, академиком Евгением Константиновичем Федоровым.

Ну, а Кренкеля и Ширшова я до начала подготовки к дрейфу лично не знал, но мне много рассказывал о них Отто Юльевич Шмидт как о талантливых полярных исследователях и мужественных, смелых людях. Я прочитал интересное, глубокое исследование Ширшова, включающее систематические его наблюдения жизни Полярного моря во время зимовок и работы на «Сибирякове», «Челюскине», «Красине». Мы были полностью согласны в том, что сможем жить и работать на льдине, что все опасения по поводу подвижки льда преувеличены. Предложил Ширшову и Кренкелю ехать в составе экспедиции, и они, к моей радости, согласились. Вот здесь на фотографии наша четверка перед вылетом на полюс. Мне было 43 года, нашему радисту Эрнсту Теодоровичу Кренкелю — 34 года, гидробиологу Петру Петровичу Ширшову — 32, магнитологу и геофизику Евгению Константиновичу Федорову — 27.

А эти фотографии показывают нашу работу на льдине и нехитрый быт станции. Конечно, наша научная аппаратура по тому времени была первоклассной, но, боже, сколько физического труда требовала работа, как труден был быт!

Грузы таскали на руках, везли на санях, в которые сами впрягались. А жизнь в снежном домике, обеды в ледяной кухне, намокшая одежда... Признаюсь теперь, мы взяли с собой зубные щетки, лезвия для бритв, одеколон и другие принадлежности гигиены, но за девять месяцев дрейфа пользовались ими лишь несколько раз. В неотапливаемой палатке не очень-то помоешься. И все же никто из нас ни разу не заболел, и с питанием было все в порядке...

Иван Дмитриевич берет в руки фотографию, на которой запечатлено, как он варит обед, чинит примус.

— Примуса были необычные,— вспоминает он.— В резервуар входило 12 литров горючего, это освобождало меня от того, чтобы каждый день подливать керосин. Примуса специально для нашей экспедиции сделали по заказу в Туле. Когда я готовил обед, то примуса завывали неистово, как истинные звери. Из рассверленных горелок вырывались снопы белого пламени, огненные языки лизали потолок ледяной кухни. Иногда потолок и стены не выдерживали этого испытания, и примус кувырком вываливался на улицу. Снежная ванна обычно действовала на него отрезвляюще, нам везло, и ни один примус не взорвался.

Проблема была с питьевой водой. Летом, до наступления морозов, ее было больше чем достаточно — целые ручьи текли прямо у жилой палатки. А с наступлением холодов приходилось выкалывать снег, греть его, чтобы превратить в воду. Мы экономили каждую каплю воды, особенно горячей.

— На современных станциях «Северный полюс» полярники живут совсем по-другому,— присоединяется к беседе Глеб Николаевич Григорьев.— Конечно, природа Арктики такая же суровая и коварная, но организация труда и быта людей иная. Научные исследования, сбор материала там автоматизированы, в распоряжении ученых богатая техника. На современных дрейфующих станциях есть электростанции, трактора, вездеходы. Приборы снабжены самописцами, запись ведется постоянно. Всегда наготове самолеты и вертолеты, чтобы в случае необходимости прийти на помощь.

И свежие овощи есть, и фрукты, и газеты, и письма, и электричество, и газ. И в экспедиции теперь 15—20 человек.

— Иван Дмитриевич,— вы не вспомните, что вы делали на льдине двадцать шестого ноября, в день своего рождения?

— Хм, так точно не помню, но я вел дневник, и можно уточнить.— Он подходит к полке, достает книгу.

— Вот. 26 ноября 1937 года. «Ширшов ночью долго работал, составляя выводы наблюдений над морскими глубинами. Недавно он сделал интересное открытие: обнаружил подводную возвышенность, поднимающуюся на километр над океаном.

Все заметили странную особенность: нас постоянно клонит ко сну. Может быть, сказывается действие полярной ночи? Но почему же я не наблюдал этого прежде, когда работал на полярных станциях Земли Франца-Иосифа и мыса Челюскин?

Я занялся хозяйством: принес керосин, заправил лампы, накормил нашего пятого друга — Веселого, обследовал базу, опять чинил свою меховую рубаху.

Легендарная четверка папанинцев Э. Т. Кренкель, И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов.

Сварил обед: грибной суп с перловой крупой, мясной порошок с гречневой кашей, компот. Все поели с удовольствием, хотя эти концентраты и надоели нам изрядно.

Женя продолжал магнитные наблюдения, а затем определил наше местонахождение.

Рекордный дрейф. За сутки нашу льдину отнесло к югу на тринадцать миль! Прощаемся с восемьдесят третьей параллелью...

Весь день продолжает дуть ветер... Температура — двадцать девять градусов мороза. Ветер режет щеки, долго на улице не выстоишь.

Теодорыч принял длинную телеграмму из Петрозаводска от моих избирателей».

— Вот и все,— закончив читать дневник, говорит Иван Дмитриевич,— о моем дне рождения ни слова. Видно, забыл, не до того было...

— А эта фотография когда сделана?— спрашиваю я и показываю снимок группы людей, идущих по снежным завалам со знаменами. Среди них счастливые, смеющиеся папанинцы.

— Ну, тот день я запомнил на всю жизнь — 19 февраля 1938 года, последние сутки на станции. Льдина наша раскалывалась буквально на глазах. Ширина ее была метров тридцать, а в тот день она еще лопнула в четырех местах. Каждые полчаса выходили из палатки и осматривали трещины, чтобы успеть вывезти наш ценный груз, девятимесячные наблюдения, дневники, записи... Выйдя из палатки, мы вдруг увидели упершийся в небо луч прожектора. Он искал нас, нащупывал, но не мог найти. Я схватил бидон с бензином, сорвал с себя меховую рубашку, облил бензином, насадил на палку и зажег, словно факел. Все вместе мы развели костер... Волновались страшно. Но особенно был возбужден наш пес Веселый. Видя прожектор, он заливался яростным лаем. С кораблей, идущих за нами, требовали: «Давайте огня». Мы ворчали: почти весь бензин и керосин сожгли, а им все мало. Баку здесь, что ли.

Наконец, удостоверившись, что нас заметили, мы побежали в палатку приводить себя в порядок. Ведь с Нового года не мылись и не брились. Я даже порезался в спешке...

В два часа «Таймыр» и «Мурман» достигли кромки льда. В бинокль мы видели, как навстречу нам спешат люди. Не поверите, они шли со знаменами, как на праздник... Эрнст передал из снежного домика своей радиостанции: «Всем, всем, всем!»— весть о том, что наша радиостанция закончила свою работу в Полярном бассейне.

17 марта нас встречала с цветами Москва.

Иван Дмитриевич берет в руки следующую фотографию: М. И. Калинин вручает ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

— Михаил Иванович произнес тогда замечательные слова о том, что ни одна подобная экспедиция в условиях капиталистического мира не могла и не может располагать такими возможностями, какими располагали мы. Это кровная связь с народом, партией, страной, готовой в любую минуту прийти на помощь, вселяющая уверенность в победе. Мы знали, что трудимся для освоения суровой Арктики, для науки, для славы своей Родины.

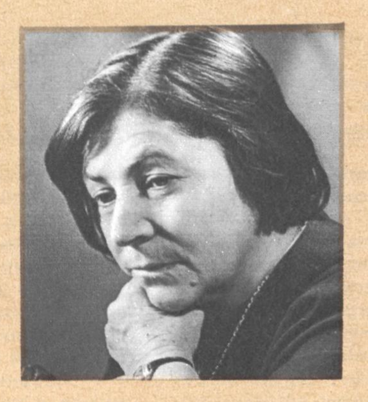
— Иван Дмитриевич, а вторую Звезду Героя Советского Союза вы когда получили?

— В 1940 году, когда по заданию правительства наша экспедиция вывела из льдов Арктики ледокол «Георгий Седов». Ну, а потом война. Я служил на Севере, был уполномоченным Государственного комитета обороны СССР по северным перевозкам. В течение всей войны Северный морской путь действовал безотказно, армия снабжалась военной техникой, надежно шла связь с внешним миром.

— Много писали о героической работе Папанина на дрейфующей станции СП-1, о спасении его экспедицией седовцев,— говорит Глеб Николаевич Григорьев,— но не меньше сделал Иван Дмитриевич как начальник Отдела морских экспедиционных работ Академии наук СССР. Мы имеем теперь лучший в мире научно-исследовательский флот, ведущий работу в Мировом океане, имеем постоянные научные экспедиции не только в Арктике, но в Антарктиде.

Прощаясь, я прошу Ивана Дмитриевича Папанина написать несколько слов читателям «Огонька». Он пишет: «Я желаю каждому испытать радость открытия нового и радость труда, творчества, познания, преодоления. Радость любви к матери, к Родине, к женщине. Без этого нет счастья. А каждый человек должен быть счастливым».

Когда поют колосья

Мирварид ДИЛЬБАЗИ

ДОРОГИ СВОБОДЫ

Двадцатый век!
Твои дороги свободы
то украшают цветы,
то преграждают бури.
На твоей груди
и раны от пуль,
и Знамя Победы,
и радость свободных,
и горе рабов.
Здесь
алые стяги,
там на правый бой
поднимаются
угнетенные.
Один глаз у планеты смеется,
другой глаз плачет.
Черный негр
кровавой рубахой
бинтует рану свою.
Сжигают живьем палестинца,
он твердит:
— Не сдамся!
Должен перемениться
столетий рабский закон!
Двадцатый век!
Цепи рабства рвутся.
Океаны бушуют,
в бореньях летят
твои годы.
Твой бой за свободу
сотрясает миры.
И полководец армии мира —
СССР.
Двадцатый век!
Пусть светлое утро
встает на твоем горизонте!
Пусть
на дороги свободы
прольются потоки
алых лучей,
а не потоки крови!
Люди хотят
света,
хотят
просто радоваться жизни,
вольно дышать.
И хлеба вдоволь хотят.

БАЯТЫ О ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ

Не снимай с кямана[1] рук,
мастерски рождая звук.
Звуков мягких — в изголовье,
коль надолго слягу вдруг.
Подбери к цветку цветок,
брось букет у самых ног,
чтоб меня от сна-разлуки
пробудить всегда ты мог.
Руки жаждут терпкой хны,
а охотники — весны.
Не пускайте стрел разлуки —
от крови они красны.
Ты рейхана[2] не срывай,
по цветам ты не ступай.
Мягче звуки извлекая,
горе в них не допускай.
Кто соловушку сгубил,
розы кровью напоил?

[1] Музыкальный инструмент.
[2] Мята.

Тот, чья кровь водою станет!
Не оставь цветы без сил!
Ведь разлука уж дотла
всю сожгла, с ума свела.
Без тебя я так вздыхаю —
плачут струны из угла.
О, свирель любимых гор!
Снег прервал наш разговор.
Передай же весть Меджнуну:
нет Лейли[3] с недавних пор.
Отколи кусочек льда
и чебрец неси сюда.
Тот для раны лучший лекарь,
кто исчезнул без следа.
Ветер стонет, как кяман.
Не играй, прошу, чабан.
Эти звуки — сердцу раны.
Все болит от этих ран.
Что, из меди сердце, что ль?
Дай огня ему, не боль.
Ледяное сердце сердцем
растопить за миг изволь.
Опустел наш бедный сад.
Где айва и где гранат?
Соловья не слышно больше —
нет гнезда. Кто виноват?
Хны для рук желаешь ты,
у невесты ж нет фаты.
Мать хохочет или плачет?
Где ребенок? Где мечты?
Как мне быть? Зима пришла.
Ждет весну душа, но мгла
в той меджнуновой пустыне
Лейлу все ж уберегла.
Твой кяман струной влеком,
утро — легким ветерком.
А меня-то кто разбудит?
Кто мне близок и знаком?
Словно сель поднял меня,
в море внес на склоне дня
и волной меня ударил,
не ценя и не храня.
Лодка на море зажглась,
нива в поле занялась,
и горят уста. О, где ты?
Так-то маюсь... Заждалась...
Сад в любимой стороне
с осенью наедине.
Я пишу — судьба стирает.
Ну, за что такое мне?

ЦВЕТЫ САМЕДУ ВУРГУНУ

Шел снегопад вчера,
весь день и ночью — тоже.
Холодные ветра
печаль несут, похоже.
Нагорный парк. Бело.
Не отрываю взгляда.
Округу замело,
как будто так и надо.
Вот памятник в снегу,
могила мне родная.
Я перед ней в долгу.
Гляжу и вспоминаю...
Тогда ветра несли
букеты, как приветы.
В цветах своей земли
был памятник поэту.
К венкам нарциссов, роз
рвалась метель с разбега,
но не сумел мороз
покрыть могилу снегом.

ТРИЕДИНСТВО

Есть очаг у меня.
Есть светильник-огонь у меня.
Есть перо у меня.
Я поэт — есть свой мир у меня,
есть мои собеседники — люди.
Есть Отчизна.
Прекрасней не знаю земли:
здесь земля и вода огненосны.
Сотни гордых маралов
в лесах возросли,
их укрыли могучие сосны.
Горы есть у меня —
в синих тучах по грудь.
Горы могут раскалывать небо.
Степи есть у меня,
и проложен там путь
в океане созревшего хлеба.
Поколенья счастливые есть у меня:
как цветы на рассвете — в бутонах...
И появятся вновь Низами, Физули,
Сулейманы, Вургуны, и будет
Мехсети, а за ней — Натаван[4]. У земли
не иссякнут великие люди.
Ожиданием их я полна, как весной
свежей влагою — горные реки.
Ипостаси мои: мать, поэт, гражданин.
Даже горы разрушатся ими — лишь тронь.
Их не смоет волной,
не сожжет их огонь.
Я — единство всех трех.
И навеки.

[3] Герои многих восточных поэм.

●

Я мечтала о сыне — судьба мне дала
сотни тысяч прекрасных сынов.
Я о брате мечтала — судьба помогла:
я не знаю томительных снов.
Стали братьями мне те Отчизны сыны,
чьи повсюду звучат имена.
И летящие годы страшить не должны,
коль по жизни проходит весна.
Если я оступлюсь, попаду в снеговей,
если силы лишусь на пути,
мне помогут сыновней любовью своей,
чтобы дальше могла я идти.
Если будет печаль, если станет слеза
первым вестником тайной беды,
обратятся ко мне сотен братьев глаза,
в сердце смоют несчастья следы.
О летящие годы! Не думайте вы,
что по кручам иду я одна.
Мне пред вами нельзя преклонить головы,
непреклонно я жизни верна.
Так не стойте угрюмо на светлом пути!
Будут песни звончей и полней!
Я — зеленое дерево. Выше расти
помогают мне сотни корней.

ХВАЛА НАРОДУ

Максиму Рыльскому

Хвала народу, что через века
пронес свое достоинство и славу.
Хвала народу, что наверняка
он честь в бою отстаивал по праву.
Хвала народу, что растил сынов
не в духе рабства горьких поколений,
что летопись своих листов-основ
не потеряла в годы потрясений.
Великая Украйна, край святой!
Ты стала родиной великого народа.
О вечный твой очаг! Негаснущий, живой!
Святыни грудь твою венчают год от года.
Кто неизвестен мне? Кого не знаю я?
Кого приветствовать мне здесь благословенно?
Я к вам пришла. Вы все одна семья.
Часы летят, но счастье не мгновенно.
Вершин немало ниспровергнуть рок
сумел, гася огонь под очагами,
но все равно поколебать не смог,
не смог попрать железными ногами
на пантеоне памяти колонн...
Ушли и кровь и меч. Бессилен он.
Хвала народу, что через века
пронес свое достоинство и славу.
Хвала народу, что наверняка
он честь в бою отстаивал по праву.

НАША ДРУЖБА

Наша дружба, что капли дождя по весне,
неизбывно чиста и светла.
Напилась наша дружба слезами вполне,
но осталась такой, как была.
И любовь воплотилась. Вот дети. Семья.
Мы состарились оба, но вот
наша юность сияет — моя и твоя.
Две звезды вешних — на небосвод!..
Две звезды, дорогой мой, горят высоко
и не плачут. И лишь иногда
слезы звезд все же льются — свободно, легко,
чтобы высохнуть вмиг без следа.

Перевел с азербайджанского Игорь ТАРАСЕВИЧ.

[4] Имена великих азербайджанских поэтов и поэтесс.

Алексей ПАНЧЕНКО,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

И ОТКРЫВАЮТСЯ КЛАДЫ

26 ноября исполняется 60 лет с того дня, когда была провозглашена Монгольская Народная Республика. Опираясь на помощь и братскую поддержку Советского Союза, одна из самых отсталых стран мира за исторически короткий срок прошла путь от феодализма к социализму, минуя капитализм. В республике проведены коренные экономические и социальные преобразования. Велики успехи монгольского народа в индустриализации страны, в развитии сельского хозяйства, науки и культуры.

Ныне по производству на душу населения Монголия обогнала почти все страны Азии: по мясу, шерсти, зерну, углю, электричеству, по целому ряду цветных металлов.

МНР имеет дипломатические отношения с 94 государствами. Шесть внешнеполитических инициатив Монголии приняты за последние годы в качестве официальных документов ООН.

«НЕВЗРАЧНАЯ» РУДА

Первый секретарь Эрдэнэтского горкома партии Жамъянгийн Банзрагч, пятидесятилетний худощавый, элегантный мужчина без единой сединки в непокорных темных волосах, поднимается из-за стола, за которым текла наша беседа. Он приглашает нас подойти к шкафам, занимающим почти всю стену довольно обширного кабинета. На полках лежат образцы руд и минералов. Чего тут только нет — десятки названий!

— И все это открыто в районе нашего города совместными геологическими экспедициями стран — членов СЭВ, главным образом монголо-советскими,— поясняет секретарь,— в том числе драгоценные и полудрагоценные камни.

Взор невозможно отвести от разнообразия яшм и изумрудов, лазуритов, опала, мрамора диковинных расцветок — можно только представить, как заиграют они при обработке!

Мы так увлеклись, что не обратили внимания на скромные камни с блестящими вкраплениями и темноватыми точками — оспинками, рассыпанными по сколам, медно-молибденовую руду. Так вот он какой, дар легендарной Эрдэнэтийн-Обо — Горы Сокровищ. Ее могучую спину, вздыбившуюся над степью, мы видели накануне в розовых сумерках заката.

— Да, руда, конечно, ценна,— сдерживает наши эмоции собеседник,— но ценнее всего вот это,— он достает из шкафа две банки и протягивает их мне,— посмотрите. Только осторожно: тяжелые.

В банках невзрачный порошок, похожий на графит. И только этикетки заставляют проникнуться к этой черной тяжелой муке должным уважением: «молибденовый концентрат», «медный концентрат». Указаны и проценты содержания ценнейших металлов — очень высокие!

— С братской помощью Советского Союза сооружен могучий горно-обогатительный комбинат. Равного ему по мощи нет во всей Азии. Да и в мире он занимает не последнее место в десятке ему подобных. На комбинате самый высокий уровень производительности труда и автоматизации производства,— говорит Банзрагч и продолжает:— Построен на месте пастбищ и красавец город, в котором уже сейчас сорок пять тысяч жителей, а в недальней перспективе будут все сто тысяч.

— Мы считаем себя миллионерами,— пошутил секретарь,— уже сейчас наш Эрдэнэт дает миллионы тонн ценной руды в год. Пройдя через могучие дробилки и флотационные камеры, она превращается в порошок — концентрат, который вы видите в этих банках. Он идет во все страны СЭВ, в основном в Советский Союз. Поезжайте на ГОК, там сложился замечательный советско-монгольский коллектив. Кстати, советую побывать в одном из смешанных экипажей. В любом, без выбора — подлинное рабочее братство. Недаром за смешанными монголо-советскими экипажами водителей, экскаваторщиков с первых дней закрепилось крылатое имя «Найрамдал» — дружба.

На следующий день отправились на ГОК. Огромные корпуса его, окрашенные в любимый в Монголии цвет хох — цвет лазури с бирюзой — символ спокойствия, благополучия, добра, счастья, маячили в десятке километров от города. На грузовой станции Эрдэнэт мы увидели удивительно короткий состав. Тепловоз был, что называется, «под парами»: в кабину поднялся машинист — монгол, дождался зеленого и начал двухсоткилометровый путь — к Трансмонгольской магистрали (нам сказали, что железнодорожная ветка была построена специально к ГОКу всего за один год! Так же, как и ЛЭП).

— Почему такой короткий состав?— спросил я у нашего гида.

— Он везет концентрат из Горы Сокровищ.

Вспомнив о весе банок с «невзрачным» порошком, которые держал в руках накануне, я невольно посочувствовал тепловозу.

...Энхтор жадно и с завистью смотрел, как легко и непринужденно, словно играючи, управлял махиной восьмикубового экскаватора Вячеслав Чибурун. Стальные челюсти громадного ковша загребали подготовленную взрывом породу с рудой, уверенно и смело поднимали ее.

Подходили, словно мамонты, сорокатонные рудовозы, и Вячеслав — камешка мимо борта не уронит — высыпал содержимое ковша в кузова. Три порции — и готово!

Настоящий багш — учитель! Нет, укротить эту махину, пожалуй, потруднее, чем самого норовистого скакуна из одичавшего табуна. Для Энхтора, сына арата, теперь это дело привычное. И мечтает он стать таким первоклассным машинистом экскаватора, как багш Вячеслав.

Энхтор, невысокий крепыш, в тонкой робе поверх модной рабочей куртки, смеясь, рассказывает мне о своих недавних сомнениях. Два года учебы у аса Чибуруна, и машина стала послушна ему почти так же, как учителю.

— Я рад,— говорит Энхтор,— что работаю в одном экипаже с таким замечательным мастером. Рад, что за успехи в труде он награжден уже здесь, в Эрдэнэте, орденом Трудового Красного Знамени. Для меня он образец коммуниста. Вячеслав — член парткома партийной организации советских рабочих и специалистов. Он коммунист во всем — в работе, в отношениях с людьми. Уедет Вячеслав, а это когда-то случится (ведь уже четыре пятых водителей грузовиков и машинистов экскаваторов на ГОКе — монголы, обученные в экипажах «Дружба»), и мне будет недоставать его. Ведь не зря у нас, монголов, говорят: человек, имеющий друга, широк, как степь, а человек без друга узок, как ладонь.

Мы уже расстались с экипажем, когда услышали за спиной.

— Подождите!— Энхтор быстро шел к нам по карьеру.— Возьмите на память! — И протянул кусок руды — той самой, «невзрачной», но такой дорогой.

АРОМАТ ТРАВ

По заросшим порыжевшей дикой травой увалам сновали три трактора с пресс-подборщиками. Ярко-красные машины Минского тракторного завода споро сбрасывали на холодную землю аккуратные тюки сена. Вдалеке белела юрта кочевого полевого стана. Над юртой алел флаг.

— Свернем с дороги, познакомимся с теми, кто здесь работает,— предложил я нашему шоферу, милой Рэнчин, и переводчику Мягмару.

У юрты с дверью, традиционно обращенной на юг — к теплу и солнцу,— нас приветливо встретила девушка, одетая в телогрейку и пуховый свитер.

— Агроном Гандиймаа,— представилась она,— я одновременно возглавляю ревсомольско-молодежную бригаду по заготовке кормов!

Хозяйка пятнадцати тракторов, пяти пресс-подборщиков пригласила в юрту.

— У нас сейчас обеденный перерыв.

В юрте светло: сверху через тоно — круглое отверстие у опорного столба — поступает достаточно света. Вдоль стен на двух кроватях и в середине уютного степного войлочного дома на скамейках сидели механизаторы. Крепкие как на подбор, у всех здоровый молодой румянец. Самому старшему — тридцать, младшему — восемнадцать.

Домовито потрескивает печка-невеличка, около нее — кухня, где хлопочет повар, тоненькая Цэцгэгэ, ей помогает четырехлетняя Нандинцэрэн. С привычной ловкостью она разносит пиалы — подсоленный чай с молоком. На нас, приезжих, поначалу смотрит застенчиво, но московский гостинец «от такой же девочки, как ты» растопил ледок недоверия, и Нандин радостно принесла нам по второй пиале духовитого степного чая.

— Может, вы проголодались в дороге?— спрашивает мать девочки.— Я мигом сделаю суп и жаркое из баранины.

— А где вы храните мясо летом?

Цэцгэгэ засмеялась:

●

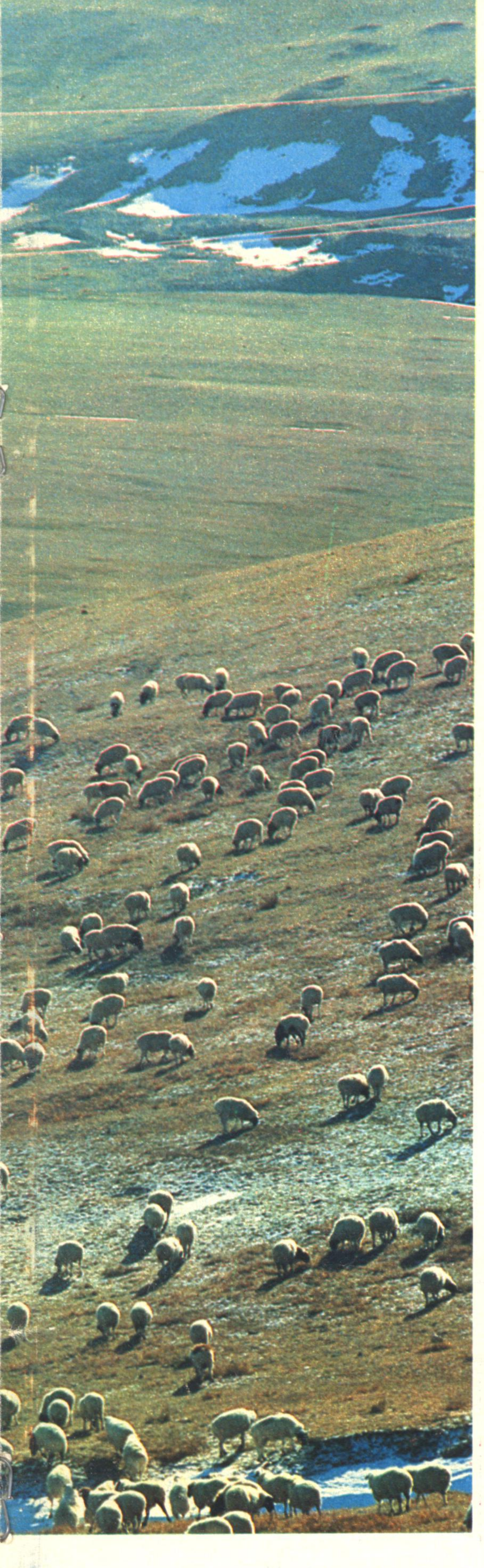
Госхоз «Баруун хараа». Тракторист Э. Болоож и шофер С. Рэнчин * Новый город Эрдэнэт.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Рудник «Эрдэнэт». Экипаж экскаватора — машинист В. Чибурун и помощник С. Энхтор (слева) * Через обширные пастбища протянулись ЛЭП * Учительница математики О. Биндэрья в школе имени Д. Сухэ-Батора * Агроном госхоза «Баруун хараа» Д. Гандиймаа * Горы близ туристской базы «Тэрэлж» * На улице Улан-Батора * Молодежная бригада операторов машинного доения госхоза «Улаанхолгой» («Красная сопка»).

— У меня есть холодильник... на веревочке.

Я огляделся по сторонам. Рядом с дверью на веревках висели под марлей куски сушено-вяленой баранины — веками проверенный способ длительного хранения мяса даже в летние жаркие месяцы.

Агроном Гандиймаа приехала в госхоз из Южно-Гобийского аймака полтора года назад, окончив сельскохозяйственный институт.

— До дома отсюда больше пятисот километров. Мой родной сомон почти в центре Гоби. И сначала я очень скучала по своему суровому краю.

А встретили ее здесь приветливо. Как молодому специалисту сразу дали двухкомнатную квартиру на третьем этаже в доме со всеми удобствами. Директор предложил ей возглавить кормодобывающую ревсомольскую бригаду.

— Нужно заготавливать сено для всего госхоза. А план — шесть с половиной тысяч тонн!

Вчерашняя студентка поразилась:

— Такой большой план?

— А ты не пугайся, глянь, сколько техники получишь — 15 советских тракторов. Да и парни в бригаде — настоящие орлы!

Гандиймаа согласилась.

Через несколько дней с директором и главным зоотехником она объезжала свои владения. По дороге оба руководителя будто невзначай интересовались у нее названиями кормовых трав. Девушка без ошибки отвечала, а про себя заметила, что сеяных трав нет. И спросила, почему их не сеют.

— Молодец, что заметила! — порадовался директор.— До сих пор мы следовали «традиции», надеялись на природу. Но через год-два будут и у нас культурные сенокосы — с естественных угодий всего-то по восемь центнеров с гектара имеем. Только запомни, что отныне и без сеяных сенокосов и пастбищ за кормовую базу госхоза вместе с главными специалистами отвечаешь и ты!

В госхоз она вернулась поздно вечером. Казалось бы, уж привычная к гобийским расстояниям, но тут от одного конца госхоза до другого — целых сто пять километров! Вначале растерялась, а потом, когда стала работать вместе с ребятами-ревсомольцами, выросло желание во что бы то ни стало справиться с порученным делом.

С середины июля отряд переселялся в степь, на сенокос.

— С детства люблю запах трав в родных краях. Но только здесь я узнала аромат настоящего разнотравья. Вот уже второй сезон наша бригада запасает для своего хозяйства и в госфонд свыше 6500 тонн сена. Нынче выполнили план на 103 процента. Директор сказал, что отпуск я заслужила.

МИЛЛИОН ДЕРЕВЬЕВ

Нам повезло. Мы приехали в Дархан в дни, когда 65 тысяч жителей юного города и гости дарханцев (а их тут бывает ежедневно десятки, если не сотни со всего света) отмечали в 23-й раз день его рождения. Город чистый, ухоженный, с великолепным Молодежным театром и первоклассным отелем, с превосходным по архитектуре и оснащению Советским техническим Центром и другими неординарными зданиями, был празднично украшен. Высилась над Дарханом громада элеватора, слегка подымливала за горой в промышленном районе города мощная ТЭЦ, тянулись с недальнего угольного разреза Шарын-Гола составы с углем; торопились в новенькие курпуса профтехучилища — сорокового в республике — ребята и девчонки первого набора.

Во Дворце бракосочетания — редкостном по внешнему виду и убранству, построенном методом народной стройки, отмечалась трехсотая с начала года свадьба.

— Не последняя, конечно,— смеется первый секретарь Дарханского горкома МНРП Пурэвжалын Болд.— Ведь средний возраст дарханцев меньше двадцати пяти лет. Хотя сначала проблема женихов и невест была более острой. Но это «болезнь роста» — извечная проблема молодых городов, и не только в нашей стране.

Я спросил у товарища Болда, как переводится его фамилия. Оказалось, что Болд — это стальной. Посмеялись сообща над счастливым совпадением: «дархан» в переводе с монгольского — кузнец.

— Ну, не такой уж я стальной,— отшутился он.— Я ведь по специальности инженер-лесовод, сын арата, кончал лесотехническую академию в Ленинграде. Потом работал в Селенгинском леспромхозе, был выдвинут на работу в Центральный Комитет партии, окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил диссертацию, затем рекомендован сюда, в Дархан. Коммунисты оказали доверие — избрали первым секретарем.

Мы проезжали и проходили по нарядным улицам Дархана, буквально на каждом шагу открывая для себя новое. Поражают масштабы и темпы строительства жилья — в городе уже несколько микрорайонов многоэтажных домов. Возводится первый 16-этажный дом монтажниками из Армении, 19 школ, детских садов уже двадцать! Немало предприятий службы быта, и все делается любовно, так, чтобы у города было «лица необщее выраженье». На фасадах домов, голубых, бирюзово-лазурных, розовых, белых — лозунги: «Два съезда — одна цель!» И рядом: «XVIII съезд МНРП — XXVI съезд КПСС». На других алеет: «Слава советским строителям!»

В старом Дархане еще остались бараки первостроителей, да белеет за этой частью города юртовый поселок: жилья и мест в общежитиях пока не хватает. Вот и живет еще часть населения в квартирах или в юртовых поселках. Но горком партии, исполком народного Хурала города и предприятия-гиганты позаботились, чтобы туда протянули водопровод, электричество. Над куполами почти всех юрт — щупальцы телеантенн. Кстати, как сказал позже уже в Улан-Баторе в беседе с нами председатель Госкомитета по информации, телевидению и радиовещанию МНР Л. Зантав, ныне почти две трети населения республики смотрят телепередачи, многие в цветном изображении.

Иные, дарханцы, да и жители других городов используют юрты, как летние дачи,— удобно, легко и комфортно. Доказано, что воздухообмен в них происходит в десятки раз быстрее, чем в каменных домах.

...Звенят на зыбком осеннем ветру последние листья на деревьях и кустарниках — как много их в Дархане! Деревья всюду — и вдоль проспекта, ведущего из старого города в новый, и в промзоне, во дворах домов-красавцев, у школ, детских садов, на территории заводов и фабрик. Вокруг многих саженцев — оградки.

Заложен первый парк — и немалый — двенадцать гектаров! Дарханцы радуются — все прижилось. Старались, поливали. А школьники ревниво следят за деревцами, посаженными в парке космическими братьями — Владимиром Джанибековым и Жугдэрдэмидийном Гуррагчей.

Но, кажется, больше всего деревьев у скромного одноэтажного здания горкома партии, оставшегося со времен начала строительства.

— Не потому ли, что первый секретарь по профессии лесовод?

Болд отвечает решительно и сразу:

— Нет, ведь традиция зародилась задолго до моего приезда. Начало ей положили советские строители, обсадившие деревцами бараки в первые годы. Сейчас мы ее только поддерживаем. За двадцать лет на улицах и площадях, в скверах, дворах высажен миллион деревьев!

Дархан гордится своими стройками дружбы. Гордится тем, что к юбилею республики коллективы его заводов и фабрик намного превысили план одиннадцати месяцев. Но не менее гордятся дарханцы и своим миллионом деревьев, которые всегда в радость и им и гостям их прекрасного города.

Улан-Батор — Москва.

среди книг

ПЕВЕЦ РОССИИ

Шел 1914 год. Сергей Александрович Есенин работал корректором в московской типографии Сытина. Именно тогда было напечатано первое его стихотворение, «Береза», в детском журнале «Мирок». Есенин словно дитя радовался, вертел журнал в руках и не верил своим глазам: неужели это его творение, плод его труда! Он еще нигде не печатался. И вот журнал — тощенький, милый, пахнущий типографской краской, а в нем столбик коротких строчек:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром...

Все верно, его слова. А стоит под ними подпись «Аристон». Только теперь он ощутил всю смехотворность и нелепость этой клички, горестно рассмеялся, произнося вслух:

— Сейчас, господа, перед вами выступит русский рязанский поэт Аристон! Какая чушь! Правильно уговаривали товарищи отказаться от этого псевдонима.

Таким эпизодом, характеризующим характер будущего певца России, заканчивалась первая книга Александра Андреева о Сергее Есенине, вышедшая в 1973 году. В ней детально и образно показана была юность Есенина, его первые поэтические шаги, начальные уроки жизни...

Сам Александр Андреев по творческому складу был писателем-романтиком и очень любил поэзию Сергея Есенина, хорошо знал ее и глубоко изучал ее. И не случайно писатель задумал создать целый ряд документально-лирических книг о великом русском поэте, нарисовать его сложный, противоречивый образ, показать среду и те исторические условия, в которых рос он, рассказать о людях, влиявших на формирование его политических взглядов. Андреев много ездил по есенинским местам, встречался с людьми, лично знавшими Сергея Александровича, записывал их рассказы, впечатления, суждения и... легенды. Да, легенды, которых немало бытовало и ныне бытует вокруг имени поэта. Соблазнился на эти легенды и Александр Андреев. Под их влиянием он написал первую книгу о Есенине, на титульном листе которой поставил слово «легенда», определяя тем самым ее жанр и существо. Вскоре Андреев понял ошибочность своего решения и в будущем предполагал снять это спорное определение. Затем появилась вторая его книга о поэте, но уже без определения «легенда». Вторая и, к сожалению, последняя. Не завершив ее, автор умер.

Тенденция книг А. Андреева о Есенине ясна и благородна. Мы узнаем логику внутреннего пути Есенина к революции. Анализируя ранние стихи поэта, их «пленительную сладость» и профессиональную зрелость, писатель-исследователь вместе с тем умело показал их свободолюбивый, революционный пафос, созвучный с поэмой «Двенадцать» А. Блока и «Левым маршем» В. Маяковского. Все больше и больше чувствуя, понимая великую организующую и преобразующую силу ленинской партии, Сергей Есенин написал в 1918 году:

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

В обеих книгах Александра Андреева привлекают многие интересные детали из жизни и творческой биографии Сергея Есенина, тонкая передача ощущения его горячей любви к Родине, к родным рязанским просторам и красоте русской природы, к родительскому дому — к матери, отцу, сестрам, друзьям детства и юношества.

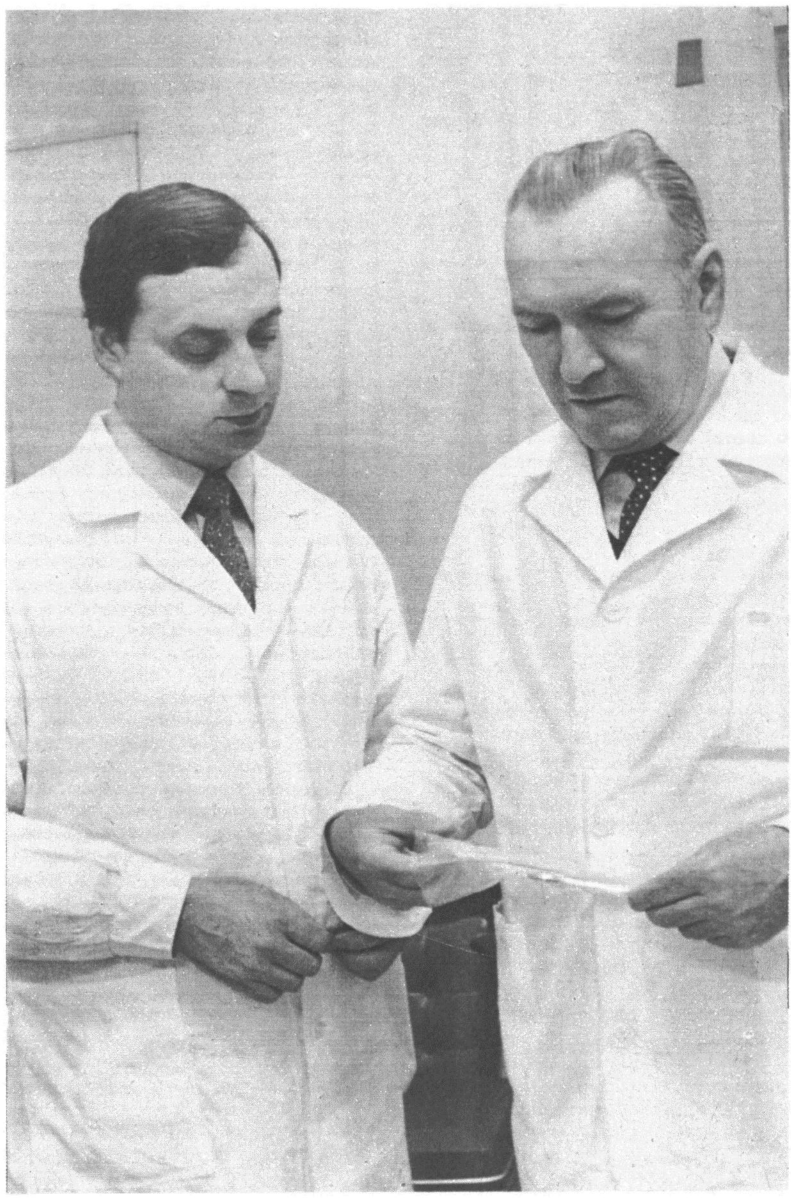
Внимательный читатель увидит, как растет, мужает, набирается жизненных соков поэзия Есенина, как сам он постепенно, но уверенно превращается в незаурядную личность, в гражданина и патриота своей великой Родины, ее верного и достойного сына и певца.

Семен БОРЗУНОВ

◀ **Выступает ансамбль песни и танца МНР * Новый район столицы * Совет да любовь!**

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Рождение школы

Е. И. Брехов и О. К. Скобелкин. Фото А. Гостева

В момент нашего разговора с известным хирургом, профессором О. К. Скобелкиным в его кабинет по-свойски вошел смуглолицый темноволосый человек с веселыми, жизнерадостными глазами.

— А вот и заведующий лазерной лабораторией, профессор Брехов.

Отрекомендованный поклонился и с ходу переключил наш разговор на другую тему:

— Извините, но через полчаса здесь будут датчане. Вероятно, захотят поприсутствовать на операциях.

Пока оба профессора уточняли детали предстоящей встречи, у меня появилась возможность понаблюдать за Евгением Ивановичем Бреховым. Могучие плечи и широкая грудь. Чувствовалась в нем уверенность и деловитость.

— Ученик мой № 1,— доверительно и тепло скажет о нем позже Скобелкин, тем самым четко определяя взаимоотношения, давно, видимо, сложившиеся между ними.

...А и в самом деле давно, по крайней мере лет двадцать назад, в славном волжском городе Калинине, в родном Брехову городе. Евгений был студентом медицинского института, Олег Ксенофонтович — ассистент из Москвы. Годом позже он станет доцентом кафедры факультетской хирургии. К тому времени Брехов тоже уже был заметен: комсомольский вожак да еще чемпион института по гимнастике.

Скобелкин смотрел на спортивные доблести Брехова с высоты своих годов, приближающихся к сорока, снисходительно. Куда более важным представлялся ему рано пробудившийся в студенте интерес к будущей профессии, желание поскорее приобщиться к делу. Начинал тот хорошо. Бегал по вечерам в больницу, помогал дежурить врачам. «Еще на третьем курсе понял, что хирургия — это мое»,— скажет про себя Брехов. «Он буквально рвался в бой» — бывшему фронтовику Скобелкину позволительно такое сравнение, если операционное поле, конечно, счесть полем брани...

Первую в своей жизни операцию Брехов сделал на четвертом курсе во время летней практики в Торжке,— хирург доверил ему аппендэктомию. Сегодня профессор Брехов строго осудил бы того хирурга: «Принято считать, что удаление воспаленного отростка толстой кишки — простая операция, и ее нередно подсовывают новичкам, чтоб «набивали руку». Страшное заблуждение, которое и в наши дни приводит нередко к летальному исходу. Причем аппендицит обнаруживается главным образом у молодых, полных сил людей, которым бы жить и жить... Простых и легких операций не бывает!»

Но по-настоящему азы практической хирургии ему преподал хирург Осташковской больницы, что на озере Селигер, М. Е. Кравченко. Для начинающего, все равно как для пианиста, очень важно, чтоб сразу правильно «поставили» руку. Переучиваться ведь очень трудно.

Потом областная больница № 1. Тут Брехову очень повезло: заведовал хирургическим отделением Винентий Михайлович Волчек, герой партизанских легенд. Опыту партизанского хирурга мог бы позавидовать академик! Брехов стоял с ним рядом за операционным столом, ловя каждый его жест, запоминая каждый маневр. И настал день, когда почувствовал, что отрасли у него крылья. Брехов просится — другой бы на его месте спасовал — в отряд санавиации при больнице. Рация, срочный вызов, полеты в любую точку области...

Как-то сообщили: ножевое ранение. Приземлились — оказалось, у парня, жертвы хулиганского поступка, задето сердце. Брехову еще не приходилось касаться сердца. Но отступать некуда. Страха не было. Явилось осознание огромной ответственности, горячая готовность помочь человеку, сделать все для этого возможное и сверхвозможное. Все прошло тогда нормально, тот парень выжил. Скобелкин поздравил Брехова, встретив его на конференции в больнице. И подумал: «Смел и решителен этот молодой врач, и хорошие у него руки».

В аспирантуре выбрать тему для диссертации Брехову помог заведующий кафедрой факультетской хирургии профессор Семенов, бывший до того долгое время главным хирургом Якутии. Семенов специализировался на операциях по щитовидной железе, а зоб — весьма распространенное заболевание. «Ну что ж,— рассудил доцент Скобелкин, посоветоваться к которому относительно темы пришел Брехов,— щитовидка совсем близко от пищевода». Сам он вплотную стал заниматься операциями на пищеводах.

Евгений дорожил расположением Олега Ксенофонтовича, питал к нему глубокое уважение. Помнил его военную биографию: фельдшер, старший фельдшер танкового батальона, он не отсиживался в штабах, шагал по полевым дорогам где с сумкой, а где и с автоматом. На Курской дуге был ранен, вернулся в строй. Прифронтовые госпитали... И вот теперь Олег Ксенофонтович приглашает на работу в Москву. Интересуется его, Брехова, жизненными планами.

* * *

Пятьдесят первая больница стоит обращенная фасадом к улице Алябьева, окружена соловьиной рощей. Через дорогу старинный, со столетними дубами, вязами и кленами Филевский парк, Тургеневский сквер, крутые спуски к Москве-реке...

Не случайно именно в этой больнице находится сейчас Всесоюзный Центр лазерной хирургии, который возглавляет заслуженный деятель науки РСФСР, профессор О. К. Скобелкин. Его докторская диссертация была посвящена пластике пищевода. Операции такого рода отличаются особой сложностью, требуют от врача виртуозного мастерства. Ассистировать профессору Евгений Иванович почел за честь, а вскоре уже стал оперировать сам. Тогда-то и начался процесс совершенствования желудочно-кишечных операций и поиск новых вариантов.

Скобелкин убеждается в том, что выбор он сделал правильный, что приобрел в лице Брехова надежного помощника и коллегу. Оба приходят к выводу: имеющиеся в их распоряжении инструменты и аппараты для рассечения и ушивания органов обладают недостатками, с которыми мириться больше нельзя. Они не позволяют, например, произвести дугообразный шов, только прямолинейный, а это не соответствует форме желудка. И одна из первых их совместных работ — аппарат для наложения дугообразного шва на желудок, что подтверждено было авторским свидетельством за № 511939 — первым полученным Бреховым. (Сейчас у него более тридцати принятых изобретений.)

Следующий шаг — использование излучения оптического квантового генератора — лазера.

Клиника пятьдесят первой больницы получила мощную установку непрерывного действия «Скальпель-1» на углекислом газе. Скобелкин и Брехов решили испытать ее на животных, и первые же попытки превзошли все ожидания. Тогда-то и родилась идея объединить уже имеющиеся аппараты, в том числе и для дугообразного шва, с лазерным лучом, заставить их работать в паре. Тем более что Е. И. Брехов уже представил свои новаторские соображения по пластике пищевода и нужны были более совершенные инструменты.

Заманчива была цель, но уж слишком дерзка! Не было еще создано сшивающих лазерных аппаратов нигде, ни в одной стране...

В те дни в кабинете Скобелкина на пятом этаже нового корпуса можно было наблюдать такую картину: два человека сидят, что-то чертят и чертят карандашами на листах бумаги.

— Олег Ксенофонтович, я вот что предлагаю: давайте сделаем здесь вот так.

На листе появляется еще одна горизонтальная жирная линия.

— Допустим, Евгений Иванович. А как же нижняя бранша? Ты какой ее себе представляешь? Она должна быть шире, чтоб оградить остальную часть органа от действия луча.

— Так она и есть шире, только с выступом посередине.

— Ах так? Тогда пошли дальше...

Эти часы, которые длились иногда до глубокого вечера, до ночи,

они называли «уроками живописи». Когда-то в юности Олег Ксенофонтович занимался в художественной студии, очень любил рисовать, мечтал об архитектурном институте, а направили его, когда началась финская, в медучилище. Прошли годы, но не умерло в нем чувство карандаша и объема. Сам с удовольствием и почертит, и порисует, сам оформляет свои монографии. И Брехов к этому пристрастился. По их эскизам инженеры делают расчеты и чертежи. Заводы изготавливают опытные образцы инструментов, обладающих по сравнению со всеми известными в медицине хирургическими инструментами несравненными достоинствами: обеспечивают бескровность и стерильность. Наконец был создан тот желанный аппарат, в котором луч лазера не только рассекал и сваривал ткани органов желудочно-кишечного тракта. Теперь он взял на себя функции портного — сшивал, накладывал аккуратный, прямо-таки изящный шовчик...

В 1975 году Скобелкин вместе с Бреховым совершили первую в мире операцию на желудке с применением лазерных инструментов. Это была долгая и рискованная операция, у больного был старый язвенный процесс. Но хирурги вышли из этого поединка благодаря лазеру с честью.

Брехов вместе со своим наставником, можно сказать, заболели световым лучом и благополучно «заразили» этой «лучевой болезнью» молодых сотрудников, поступающих в клинику. Вскоре к Брехову подключились Башилов и Смольянинов — и началось использование лазера для лечения гнойных ран; Литвин занялся операциями на печени и прилегающих органах, Давыдов — закрытием дефектов на кожных покровах... Создавалось новое направление в медицине.

Брехов выступает с докладами на съездах и конференциях хирургов в Москве и Киеве, Саратове и Ростове. Ездит по разным городам Европы и убеждается: аппараты и инструменты, созданные ими, престижные — таких нет ни в одной стране.

...Существует среди ученых мнение, что после пятидесяти лет нет смысла защищать докторскую диссертацию. Брехов защитился, когда ему было тридцать семь. И в том же самом институте, где девятью годами до него это сделал Скобелкин. ВАК счел необходимым особо отметить диссертацию как эталонную, так много она содержала нового, экспериментального и клинического материала,— весомый вклад Брехова в науку.

Она стала первой, но не последней доброй ласточкой на тихой улочке Алябьева. Недавно состоялась защита докторской диссертации, и тоже по одной из ветвей лазерной хирургии — эндоскопии. Соискательницей оказалась еще одна воспитанница калининского медвуза, Т. М. Титова. До нее был В. П. Башилов, у него кандидатская (теперь он работает в другой клинике). На подходе защита докторской диссертации Г. Д. Литвиным. Здесь, в клинике, научные сотрудники сделали и защитили 32 докторские и кандидатские диссертации и 8 — в других лечебных учреждениях. И все это за одно десятилетие. Произошло рождение школы хирургов-лазерщиков. Ее основатель, профессор Скобелкин, не в пример иным руководителям обладает добрым даром растить учеников, создавать им условия для творческой исследовательской деятельности и тем самым способствовать развитию науки. У него уйма больших дел и забот, но он не забывает распечь сотрудника — была тому свидетельницей,— не положившего ему на стол в назначенный срок свой труд.

Школа получила мировое признание: лазерные аппараты и инструменты и методика их применения запатентованы в девяти странах: США, Японии, ФРГ, Франции... Школа обрела свои права: 1981-й стал годом образования единственной в стране лаборатории лазерной хирургии. 1983-й — годом создания Всесоюзного центра по лазерной хирургии — ВЦПЛХ. Но еще задолго до такого официального признания здесь уже велась работа во всесоюзных масштабах. Доктор медицинских наук В. И. Корепанов, достав ящик с картотекой на каждого стажера, привел такую цифру: прошли обучение 297 человек. Сформирована группа стажеров, география ее такая: Архангельск, Уфа, Темиртау, Львов, Вильнюс... Приезжают хирурги социалистических стран, в данный момент тут были врачи из Гаваны. Были коммерсанты и медики из Японии, Франции, Португалии, Италии. И вот теперь датчане.

* * *

В восьмой операционной на седьмом этаже — в ней обычно работает Брехов — все уже готово. Больная — молодая женщина — спала, откинув унизанную датчиками правую руку. Мерно вверх-вниз ходил цилиндр аппарата искусственного дыхания. Приглушенно звучала музыка. Евгений Иванович мыл спиртом руки...

И началось священнодействие. Иначе и не назовешь то, что предстояло, а именно: превращение не части желудка, а кишки (это худший вариант, но другого профессор не видит) в пищевод. Операции такого типа, как говорят знатоки,— высший пилотаж. Не всем дано их делать — кроме усердия, требуют большого искусства. У Брехова по такому поводу свое выражение: «Большая хирургия — импровизация. Даже двух одинаковых операций не бывает».

Вариант, на который он пойдет, выбран не сейчас и не сегодня, может, несколько дней назад, после ознакомления с больной и анатомическими особенностями ее организма. Но вчера поздно вечером дома, глядя в густую синь широкого окна, еще раз ее обдумывал, а может быть, мысленно и «проигрывал» ее. Так у него всегда. А утром операционный день, как и любой, начался обычно. Подъем ровно в шесть утра. Зарядка. Бег по улице и в парке. Так всегда, в любую погоду, зимой и осенью...

Пока идет мобилизация — освобождение нужных органов от связок, кровеносных сосудов и сращений,— я листаю историю болезни. Люба З. 25 лет. Брянская область. Лудильщица. Рубцовая стриктура пищевода после химического ожога, случившегося 5 февраля.

Отравилась? Отнюдь! Бытовая история. Пятого февраля было воскресенье. Обедали всей семьей. Ели винегрет с селедкой. Потом Любе захотелось пить. Открыла бутылку лимонада, что стояла в самом углу. Глоток. Всего лишь один глоток и жгучая, до потери сознания, боль. То был не лимонад — соляная кислота, принесенная кем-то из домашних...

Больницы менялись, как полустанки,— участковая, городская, областная. Пищевод сузился, подобно шагреневой коже. Люба жила капельницей. Резкая потеря веса. В таком тяжелом состоянии ее доставили в Москву, в 51-ю городскую больницу.

Операция началась.

— Включите сателлит! «Скальпель»!

Сейчас начнется самое главное. Датчанин с фотоаппаратом, и без того высокий, встал на скамеечку.

— Зажим!

Брехов левой рукой фиксирует универсальным зажимом толстую кишку в месте встречи ее с подвздошной. Правой подвел манипулятор с лазерным лучом, очень похожий на иглу современной бормашины, и провел им по канавкам зажима. Световой луч почти что не виден — микроскопические искринки, шипение и никакой крови.

— О, бьютефул!— восторженно говорит гость из Дании.

— Мосты сжег!— Теперь Брехов проверяет систему кровоснабжения. Ассистенты быстро-быстро вяжут узелки.

— Нежно, нежнее, ребятки! Молодцы! Главное — не повредить!

Вот такой он, Брехов. Работает легко, с шуткой, как-то мягко. Я бы даже сказала, красиво. Сделает — и проверит. Сделает — и посмотрит, будто любуется.

Ну, а когда датчане увидели в действии лазерный скобочный сшивающий аппарат НЖКА-60, одновременно рассекающий и соединяющий стенки желудка, то кто-то из них едва сдержался, чтоб не захлопать в ладоши. «Браво!» Очень им понравилась советская лазерная техника.

Операция длилась три с половиной часа. Без лазерных инструментов потребовалось бы времени на час больше.

К концу дня я заглянула в кабинет профессора Брехова, что на четвертом этаже клиники. В нем было тесно. Евгений Иванович и его ученики (да, уже его, Брехова, ученики) обсуждали перспективные планы научных исследований. Говорилось и о том, что в ближайшее время будут переделаны хирургические инструменты и аппараты на лазерные и промышленность приступит к их массовому производству.

Через несколько дней я разговаривала с Любой. Исхудавшие, тоненькие руки поверх одеяла. Длинные темные волосы и огромные, сияющие надеждой глаза.

— Ведь я буду жить, да?— будто хотела еще раз удостовериться в том, что она действительно жива.— Евгений Иванович поднял меня с того света. Та-кой он человек! Только утро начинается, а он уже идет с обходом, сам проверяет, как я себя чувствую. Говорит, скоро домой поеду. Осенью сделает вторую операцию, и тогда буду есть все подряд. Ка-кие-же у него руки!

Я подумала: какие же у него руки? Вспомнила: пожатие его ладони крепко. Сам про свои руки он говорит: «Ловкие.— И строго добавляет:— Но руки, какие бы ни были, не должны идти впереди головы. Бывает, врач — бог по технике исполнения, но раз — и отрежет, не додумав. Спохватится — ан поздно. Обратного хода нет!»

Какая знакомая мысль! Да ее же Скобелкин произносил применительно к своему ученику № 1. Только поменял при этом местами слова: «Голова у него хорошая, светлая. И руки хорошие. Скрипачей много, а солист один».

Этими руками Брехов уже выполнил две тысячи лазерных операций. Это значит, спас жизнь двух тысяч людей.

среди книг

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Лев Владимирович Кулешов, замечательный режиссер, крупный теоретик кино, талантливый и терпеливый педагог, автор этапных для развития молодого кинематографа фильмов. Об этих картинах спорили, на их опыте учились профессии. «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «По закону», «Великий утешитель»... Кулешов — автор статей и книг, исследований, переведенных на многие языки, ставших академическими трудами. Наконец, работа Кулешова во ВГИКе, длившаяся полстолетия,— организация и руководство творческими мастерскими, модель которой действенна до сих пор. Таковы сферы его творческой деятельности. Когда открывался учредительный съезд отечественных кинематографистов, то первым на трибуне появился Кулешов. По праву старейшины он обратился к своим коллегам с приветственным словом...

Лев Владимирович всего себя отдал любимому делу — кинематографу. Он знал победы и досадные поражения, внимание критиков и обидные рецензии, любовь учеников и равнодушие публики. Так складывалась его жизнь в искусстве, эта жизнь, поучительная и заслуженная, ставшая теперь предметом специального, монографического изучения. И по праву. Вышла из печати первая обстоятельная, подробная книга о судьбе первопроходца русского советского кино.

Книга о Кулешове принадлежит тоже профессору, а ведь когда Евгений Сергеевич Громов, молодой специалист по эстетике, появился во вгиковской аудитории, думал ли он, что сядет за столь ответственное, необходимое любителям кино исследование.

Громов пишет о Кулешове страстно, влюбленно, живо, доходчиво. За профессионалом, автором киноэкспериментов, восхищавших искушенных ценителей монтажа, встает со страниц монографии Кулешов-человек, тамбовский мальчишка, спорщик и мечтатель, неудачник и неугомонный изобретатель.

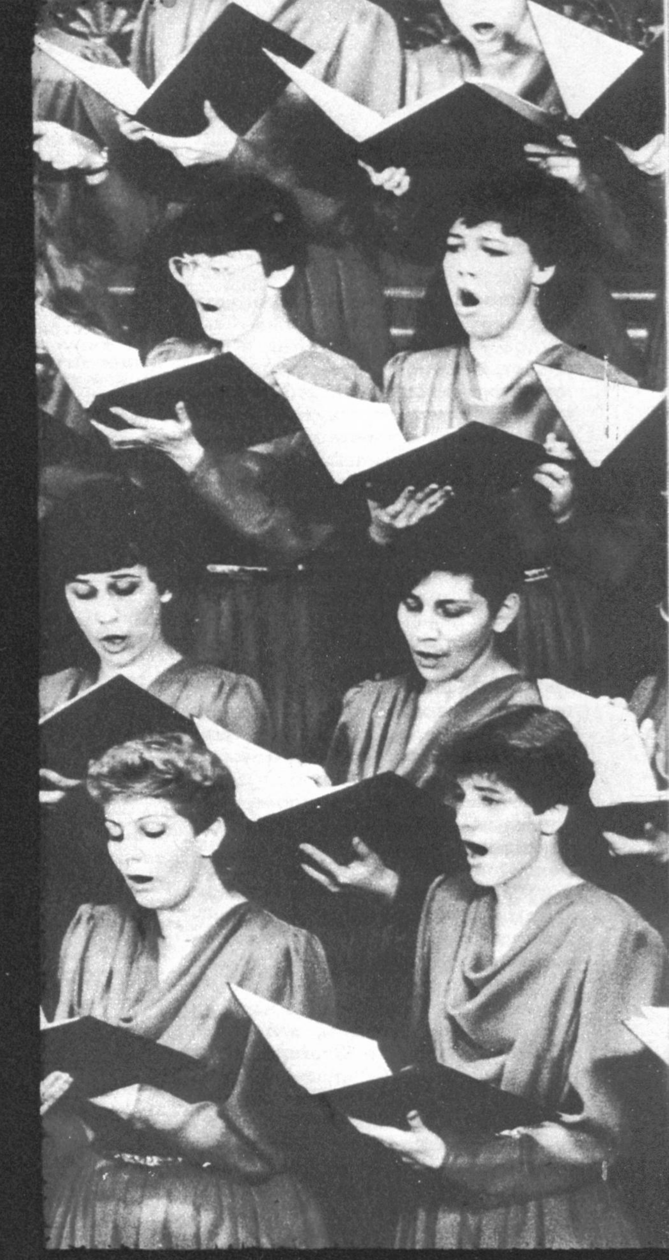
Громов использует в книге архивные материалы, вспоминает о родителях Кулешова. До революции в городе Тамбове работали два кинотеатра: «Иллюзион» и «Модерн». Здесь будущий кинематографист приобщился к «большой жизни».

Российская провинция всегда выдвигала из своей среды способных творцов.

Связь поколений интересует Громова как ученого, как историка киноискусства. Помнятся прежние работы автора монографии о тех же первопроходцах киноэкрана — художнике Егорове и операторе Головне. Вместе с книгой «Л. В. Кулешов» они образуют своего рода трилогию — это наша память о талантливых тружениках отечественного кино, имена которых не должны забываться.

Ю. САМАРИН

Е. Громов «Л. В. Кулешов». М., «Искусство», 1984 г. 320 с.

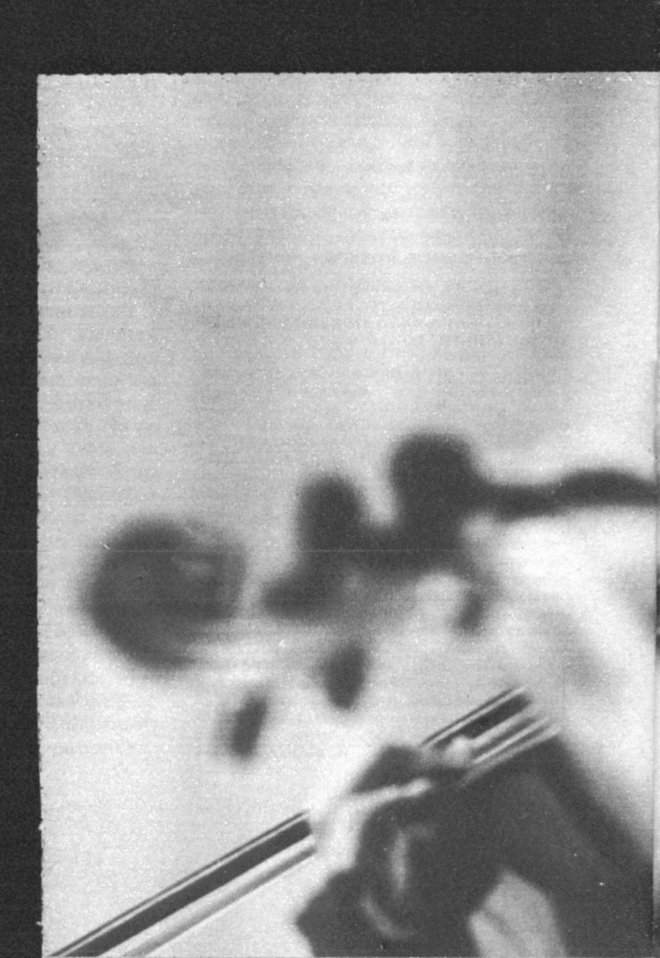

Согласье хора...

«Москов

От дирижера зависит успех.

РЕПОРТАЖ ИЗ КОНЦЕРТНЫХ ЗАЛОВ

Фото А. БОЧИНИНА

ФЕСТИВАЛЬ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

ская осень»

Звучит скрипка.

Шестой раз приходил в Москву вместе с осенью музыкальный фестиваль, на котором исполнялись сочинения московских композиторов; он так и назывался — «Московская осень».

За несколько дней фестиваля состоялось множество концертов. Побывать на всех, конечно, было невозможно, как и написать о каждом из них по отдельности. Поэтому я обратилась к хозяевам фестиваля: композиторам, исполнителям, музыковедам с просьбой поделиться впечатлениями о «Московской осени», рассказать о традициях фестиваля.

Поговорить с Альфредом Шнитке оказалось нелегко: много людей собралось, чтобы поздравить композитора после удачного исполнения его второго скрипичного концерта на сцене Большого зала консерватории.

— Для композитора,— сказал Шнитке,— огромная радость услышать живое звучание своей музыки. Радость, которую так щедро подарила нам всем «Московская осень». Бывало, сочинения могли годами томиться в «творческом портфеле» автора, ожидая своего часа. Сейчас благодаря фестивалю мы ежегодно слышим наши новые работы на сценах лучших концертных залов Москвы. Слышим в прекрасном исполнении!.. Особенно важно то, что фестивалю присуща атмосфера удивительной доброжелательности. Здесь исполняются сочинения композиторов разных поколений независимо от направления, стиля, музыкального языка... Мне лично «Московская осень» кажется ежегодным творческим экзаменом, а его волнения ответно рождают новый творческий стимул...

С композитором Татьяной Чудовой, лауреатом премии Ленинского комсомола 1984 года, я встретилась в концертном зале имени П. И. Чайковского после исполнения ее новой симфонии.

— Татьяна Алексеевна, хочется поздравить вас сразу и с прекрасной премьерой, и с высокой оценкой вашего творчества: премией Ленинского комсомола! Расскажите, пожалуйста, почему вы особенно часто обращаетесь к музыке для юношества?

— Большое спасибо за поздравление... Действительно, я много работаю над музыкой для ребят, наверное, потому, что дети всегда самые благодарные, самые искренние слушатели. Когда я написала симфонический цикл «Советская молодежь», первыми слушателями, первыми ценителями были мои собственные дети — Ваня, Анюта и Антоша... Все симфонии, вошедшие в цикл, впервые исполнялись на фестивалях «Московская осень»: «Тимур и его команда», «Как закалялась сталь»...

В нынешнем году состоялась премьера новой, третьей симфонии цикла «Молодая гвардия»... Хочу сказать огромное спасибо нашим исполнителям! Мы справедливо отмечаем, что им принадлежит добрая половина нашего успеха на этом празднике музыки!

Тогда дадим слово исполнителю — заслуженной артистке РСФСР, лауреату международных конкурсов Кире Цветковой (виолончель). Кира тоже неоднократно участвовала в фестивалях «Московская осень».

— Каждый раз,— говорит Кира,— когда композитор доверяет тебе свое новое сочинение, испытываешь волнение и радость первооткрывателя: ведь именно первое исполнение нового музыкального произведения во многом определяет всю его дальнейшую концертную жизнь. Это налагает на нас, исполнителей, особую ответственность. Но, разумеется, и нам в подготовке сочинения к сценическому его исполнению очень помогают советы и замечания композитора.

В программу «Московской осени» входят не только концерты, но и дискуссии о прослушанной музыке, анализ и разбор новых сочинений, подведение итогов фестиваля.

Искусствовед Е. Долинская убеждена, что «Московская осень» — не только праздник, но и серьезный творческий отчет музыкантов.

— Мне кажется,— продолжает она,— что шестой фестиваль, пожалуй, дал несколько меньший «урожай», если говорить о ярких, впечатляющих произведениях, сочинениях крупной формы — таких, как симфония, концерт, оратория. Впрочем, думаю, что весной, в дни 40-летия Великой Победы, мы услышим много новой прекрасной музыки.

Тепло отозвался о «Московской осени» заслуженный артист РСФСР дирижер Арнольд Кац:

— Фестиваль полно отражает перспективы развития советской музыки. Главным здесь, на мой взгляд, является внимание к творчеству молодых авторов. В программе «Московской осени» мы ежегодно находим много новых имен. Зачастую фестиваль становится «путевкой в жизнь». «Московская осень» для молодых композиторов не только возможность исполнить свои сочинения. Это еще и высокая школа мастерства, которым делится с молодежью старшее поколение...

Своеобразный итог «Московской осени» подвел председатель организационного комитета, народный артист РСФСР Борис Терентьев.

— Фестиваль прошел в преддверии большого всенародного юбилея — 40-летия Победы нашей страны в Великой Отечественной войне.

Сегодня темы войны и мира, патриотизма, высокой гуманности обретают особую актуальность. Они привлекают внимание композиторов самых разных поколений. В этом заключается высокое социальное предназначение советской музыки — отвечать на жгучие вопросы современности, всесторонне отражать жизнь народа.

Елена ПУХОВА

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. Б. ХРАПЧЕНКО

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

В. Р. ЩЕРБИНА, член-корреспондент АН СССР

Более чем полувековая исследовательская деятельность академика М. Б. Храпченко получила широкое литературное и общественное признание как в нашей стране, так и за рубежом. Его новые работы всегда встречаются с интересом. Это относится как к его историко-литературным, так и теоретическим исследованиям, собранным в книгах «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы», «Художественное творчество, действительность, человек», «Горизонты художественного образа». Их автор — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР М. Б. Храпченко много лет выступает деятельным участником процесса формирования и развития советской науки.

Особенность трудов М. Б. Храпченко состоит в том, что он на протяжении всей своей научной деятельности стремится дать ответ на центральные, наиболее актуальные вопросы литературоведения, имеющие широкое общественное значение. Закономерно, что его внимание обращено на освещение основных явлений классической литературы прошлого, ее значения в культуре современности, главных теоретических проблем литературоведения, новаторства советской литературы, роли художественной литературы в общественной и духовной жизни современного человечества. Обстоятельная разработка этих проблем с передовых научных позиций дала возможность его трудам выдерживать проверку временем, достойно выполнять свое общественное и научное предназначение.

Теоретические выводы ученого опираются на исследование творчества Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, М. Горького, Шолохова, Федина и других русских и зарубежных писателей. Отсюда обоснованность и убедительность трактовки конкретных явлений литературы и обобщающих положений и выводов. Причем последовательность движения теоретической мысли литературоведа проявляется как в монографиях, так и в историко-литературных трудах, опирающихся на единую методологическую концепцию.

В своей сущности его исследования обращены к решению актуальных проблем современности, потребность изучения которых диктует развитие жизни, литературы и литературоведения. Эта обращенность к насущным проблемам наших дней уже определена самой позицией ученого, последовательно утверждавшего преемственность связей искусства социализма со всем творческим опытом передового искусства прошлого.

Огромный опыт истории литературы в работах М. Б. Храпченко органически включен в живое творческое достояние современности, выступает как активная движущая сила, содействующая решению центральных вопросов развития искусства наших дней.

В работах М. Б. Храпченко о творчестве Гоголя, Л. Толстого, а также ряда других выдающихся мастеров художественного слова XIX и XX веков развивается марксистско-ленинская концепция закономерностей развития и особенностей русской классической литературы, имеющая в условиях современной идеологической борьбы чрезвычайно актуальное значение. Как известно, различные «советологи» уже много десятилетий стараются внушить свои тенденциозные, фальшивые воззрения, использовать наследие русской литературы в целях борьбы с идеями революции и социализма. Исследователь убедительно раскрывает несостоятельность попыток выдвинуть на первый план истории русской литературы реакционные и мистические направления, очернить или принизить освободительные и прогрессивные основы творчества великих писателей. Недавно широко отмечалось 175-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. Наши идеологические противники стремились утвердить свои взгляды на творчество писателя с целью всецело связать его с мистикой и реакцией, отлучить от передовых кругов и идей русского общества, от народных стремлений, от реализма. Напомним, что такой подход предпринимался и в дни юбилея Л. Н. Толстого, а также в связи с творчеством ряда других наших крупных писателей. И вполне закономерно, что объективно-историческое освещение в фундаментальных работах М. Б. Храпченко явлений русской литературы в их реальных противоречиях и сложностях представляет сейчас большую актуальность, связывается с решением живых проблем духовной жизни наших дней.

Для работ М. Б. Храпченко характерна широта исследовательского масштаба, освещение проблем истории и теории литературы в связи с опытом всемирного литературного процесса. Это помогает наиболее обоснованно определить национальное своеобразие русской литературы, ее крупнейших деятелей и процессов, особенности ее вклада в мировое художественное развитие.

Научное освещение развития национальных культур в работах М. Б. Храпченко убедительно противостоит настойчиво распространяемым сейчас реакционным теориям замкнутого существования литератур, направленным против идей взаимообогащения и единения культур разных народов.

Наиболее обстоятельно освещены в сочинениях М. Б. Храпченко вопросы исторического развития теории художественного реализма. Исследование литературы неотделимо в его работах от защиты всего ценного в художественной культуре. Это одна из характерных черт книг М. Б. Храпченко, имеющая особое значение для утверждения духовно воздействующей и духовно обогащающей роли литературы. Его труды помогают преодолению натиска всяких сверхмодных релятивистских теорий, попыток объявить все относительным, уравнять добро и зло. Поэтому так прочно сочетается в его исследованиях по истории литературы анализ великого классического наследия прошлого с анализом развития литературы в современном обществе, ее места в структуре духовной жизни социализма.

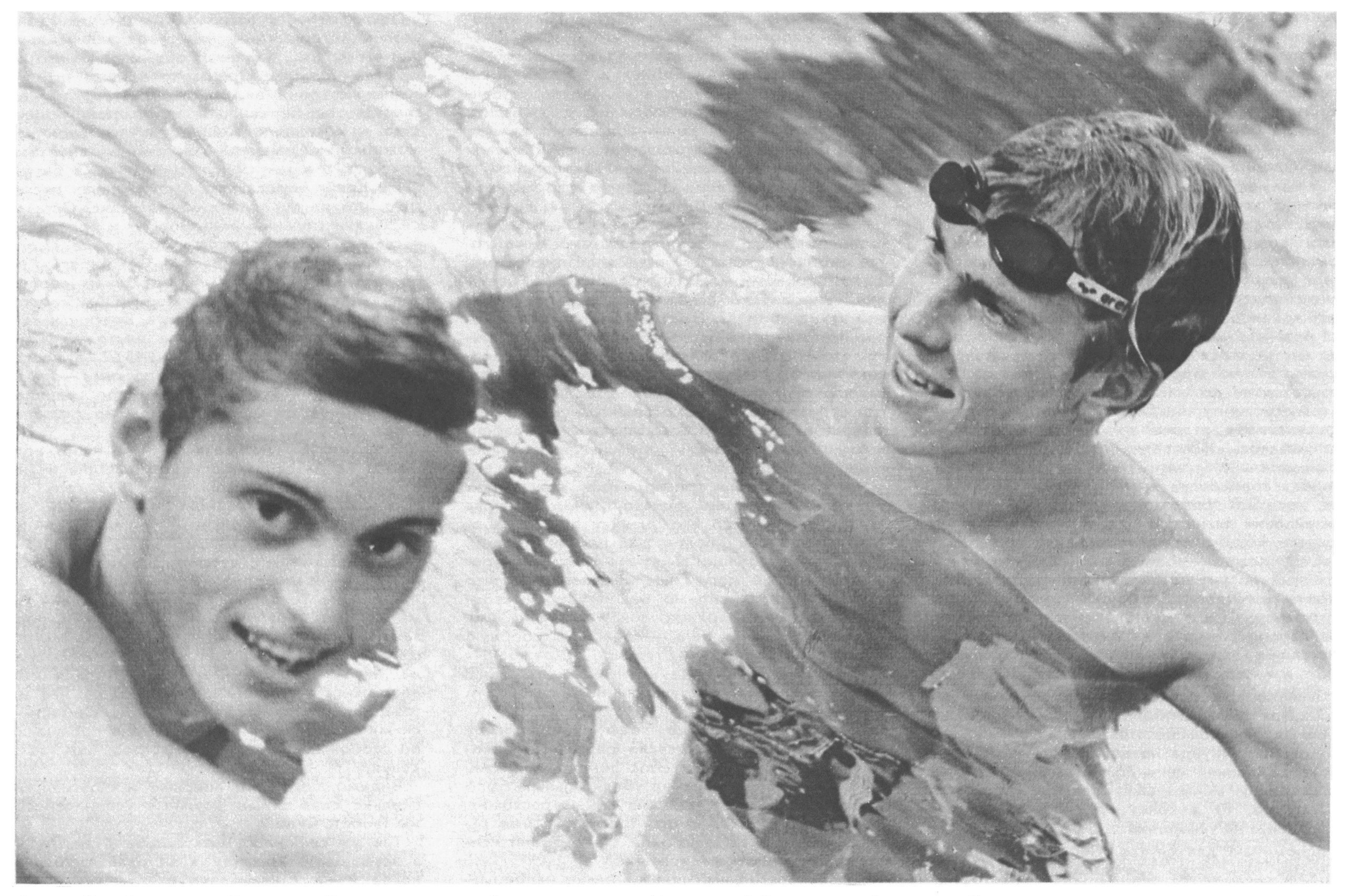
Широкий новаторский смысл заложен в утверждении М. Б. Храпченко идеи преобразования мира как движущего начала передовой русской литературы, внесшего в нее пафос общественно целеустремленной действенности. Идея эта имеет широкое концептуальное значение, определяет выдающиеся особенности русского реализма. Особое развитие пафос революционного преобразования жизни получил в искусстве, рожденном революцией и социализмом.

Сторонники всякого рода антиреалистических, сверхмодных течений настойчиво стремятся доказать, будто реализм не что иное, как исторически изжившее себя бескрылое копирование действительности, лишенное полета мысли и фантазии, чуждое духу современности. Исследователь убедительно показывает необоснованность концепций отмирания реализма. И чрезвычайно ценно, что в статье «Реалистические обобщения и его формы», а также в ряде других работ М. Б. Храпченко рассматриваются разные виды художественного обобщения в реалистической литературе прошлого и настоящего. Задача умножения богатства и разнообразия художественных форм — один из основных принципов многонациональной советской литературы, устремляющий ее на путь новых творческих открытий.

Научные разработки М. Б. Храпченко, открывающие новые направления в литературоведении, чрезвычайно разнообразны. Так, например, активизацию исследований художественного своеобразия литературы вызвали его исследования по исторической поэтике. К ряду таких инициатив, открывших новые научные направления, можно также отнести последние работы М. Б. Храпченко, посвященные теории художественного образа. И здесь ученый пошел по нетрадиционному пути. Ему удалось преодолеть обычную ограниченность теории в этой области, строящей свои выводы, как правило, исключительно на материале искусства и литературы XIX века. М. Б. Храпченко показал, что без учета достижений искусства XX века, и прежде всего искусства социалистического реализма, без творчества ведущих художников нашей эпохи невозможно поступательное движение теории. Его работа «Горизонты художественного образа» обобщила художественное развитие нашего времени. Одновременно она поставила перед наукой о литературе новые задачи. Она ориентирует на исследование новых горизонтов в образном мышлении человечества. Этот новаторский труд, бесспорно, еще долго будет стимулировать искания и открытия исследовательской мысли.

Огромная заслуга М. Б. Храпченко — в смелой инициативе в постановке новых кардинальных вопросов литературоведения. Значение его идей подтверждается тем, что они уже положили начало новым влиятельным, перспективным направлениям научных исследований. Эти инициативы М. Б. Храпченко стимулируют творческие искания литературоведов, открывают новые аспекты и пути в изучении классических ценностей литературы прошлого, а также достижений и особенностей советской многонациональной литературы.

Для длительной научной деятельности М. Б. Храпченко характерны всевозрастающая напряженность, расширение ее тематического и проблемного диапазона, углубление решения самых острых, наиболее крупных задач науки. Этот радующий нас путь творческого восхождения обещает новые перспективы, новые научные достижения.

Олимпийский чемпион Владимир Сальников и серебряный призер Московской Олимпиады Александр Чаев.

Фото Ю. Моргулиса

НЕЛЕГКАЯ ВОДА

Владимир САЛЬНИКОВ

ЗАПИСКИ ПЛОВЦА

III

Спарринг-партнерство применяется не только на ринге, но и в воде. Настоящий спарринг основан на равноценном соперничестве: один пловец тянет другого. Перейдя в группу Кошкина, я оказался в сугубо мужской компании, причем ребята были на год, а то и на два старше меня. На соревнованиях я им значительно проигрывал, но на тренировках, когда они не плыли в полную силу, чувствовал себя на равных и спрашивал себя: «А чем я хуже?» Это был важный психологический фактор, с помощью которого мне удавалось привыкнуть к большим физическим нагрузкам.

Часто говорят о моем многолетнем спарринге с Сергеем Русиным, но сперва это была скорее гонка за лидером. Два года я гонялся до изнеможения за пловцом, который был сильнее меня, и мне никак не удавалось обогнать его, хотя бы на одном из отрезков. Так что Русин стал для меня своеобразной «световой дорожкой». Мечта о том, чтобы хотя бы сравняться с ним, не говоря уже о том, чтобы обыграть, обойти, не покидала меня ни на минуту. Лишь летом 1976 года, когда мне удалось наконец-то прорваться на Олимпиаду, а Сергей, хотя и не попал в команду, в том сезоне победил на Кубке Европы, наши отношения как равноценных спарринг-партнеров были узаконены. Причем в соревнованиях мне отводилась роль стайера, в то время как его специализация ограничивалась дистанциями 400 и 200 метров.

Полтора сезона наши тренировки практически всегда носили соревновательный характер: никто не хотел уступать ни на коротких, ни на длинных дистанциях, и это шло на пользу как Русину, так и мне. Чемпионат Европы 1977 года принес нам обоим максимальное удовлетворение: Сергей стал чемпионом на 400 метров, а я — на 1500.

Сейчас трудно определить, кто лидировал чаще и с меньшей затратой нервной энергии, но совершенно ясно, что в какой-то мере постоянное напряжение стало причиной неожиданной развязки в наших спортивных отношениях на чемпионате мира 1978 года. Не берусь давать оценку готовности Сергея к тем соревнованиям, сошлюсь на мнение нашего тренера:

— Сергей по многим показателям подготовлен к дистанции четыреста метров лучше тебя. Ты будешь вторым — «страхующим номером»,— сказал мне Игорь Михайлович.

И я, целиком доверяя оценке тренера, и не помышлял в Западном Берлине о том, чтобы плыть быстрее Сергея. После предварительного заплыва, в котором мне удалось превысить рекорд Европы и войти в финал первым, в моем сознании еще достаточно крепко сидели слова Игоря Михайловича: «Ты второй, страхующий».

С первых же метров финального заплыва я оставался как бы в тени почти до финишной прямой, но стоило мне после последнего поворота увидеть, что Русин плывет не первым, как в сознании вспыхнул приказ: «выходи», не раз возникавший во время совместных поединков... Спарринг сделал свое дело. Я рванулся к финишу и выиграл.

Держа в руках первую золотую медаль чемпиона мира, я понимал, что половина этой медали принадлежит Русину, и был ему благодарен. После чемпионата какое-то время мы еще тренировались по знакомой схеме: на отрезках лидировали то я, то он, но вскоре я почувствовал, что наш спарринг больше не удовлетворяет Сергея. Его стало угнетать нервное напряжение, мешало полноценному восстановлению между тренировками. И Русин ушел. Ушел в другую бригаду, к другому тренеру, в другой бассейн. Роль лидера в спарринге была им утеряна, и это потребовало от него психологической перестройки, к которой он оказался не готов.

Итак, Русин ушел. На его место мало кто мог претендовать, не было ему равного по силе пловца, и нового спарринг-партнера я так и не нашел. Правда, во время подготовки к московской Олимпиаде рядом со мной оказался Саша Чаев. Он обладал удивительным

Продолжение. См. №№ 46, 47.

чувством ответственности, не было задания, которое он бы не выполнил, но спарринг, к которому я привык, он осуществить не мог. Однако я не имел права снизить обороты и уплывал, не оставляя ему надежд не только на выигрыш, но и на соперничество. Чаев стал для меня, я бы сказал, спарринг-помощником.

На Олимпиаде-80 Саша с блеском проплыл 1500 метров, установил свой личный рекорд, завоевал серебро, и после этого попробовал взять на себя инициативу в наших тренировках. Первое время он даже пытался меня обыграть на соревнованиях, а мне каждый старт давался с трудом: тяготили олимпийские поздравления, отвлекали от полноценных тренировок. Чаев прекрасно чувствовал все нюансы моего психологического состояния и стремился к победе. Дело прошлое, но думаю, в этих стартах и тренировках на выигрыш он не до конца рассчитал свои силы и к тому моменту, когда от нас потребовалась максимальная отдача этих сил, у Саши их не оказалось. К советам тренера он отнесся невнимательно, а затем и ему стало казаться, что вся тренировка строится «под Сальникова», хотя вот уже второе десятилетие Игорь Михайлович планирует всю работу, исходя из единого, общего для всех задания.

«Секундомер — враг спортсмена». Столь необычный лозунг появился и у нас в группе. Кошкин избегает постоянного контроля по секундомеру. С его точки зрения, неоправданная погоня за каждой секундой на отрезках дистанции отвлекает от главного задания — плыть в определенном режиме.

Плавать «в режиме» — это только один из вариантов тренировки. Кажется, чем быстрее проплыл, тем дольше отдыхаешь. Увы, каждая выигранная секунда на дистанции не компенсируется лишней секундой отдыха. И все же когда таких выигрышных секунд набирается достаточно, то к концу тренировки ты еще способен и на ускорение.

Вспоминаю два случая. Первый произошел в США. Мы тогда тренировались вместе с американскими пловцами. Программа была единая. Рядом со мной постоянно был Джесси Вассало, сильный стайер, рекордсмен и чемпион мира в комплексном плавании. В одной из контрольных серий 10×400 метров, которые я плыл в режиме 5 минут, все отрезки мы проходили на равных, плюс минус секунда. Когда мы приготовились проплыть заключительные 400 метров, я прикинул: «Вроде запас есть, можно выиграть». И вот после первых двухсот метров я увеличил темп, к тремстам вышел вперед, но после 350 метров Вассало меня догнал. Тут-то я и почувствовал, что выключаюсь. Думаю, неужели просчитался? И только метров за двадцать до финиша вижу: один, рядом никого.

Так и в соревнованиях. Иной раз на последней прямой сил не хватает. Это когда соперники сильны, а ты еще не готов, не подошел к пику формы и плывешь на одной силе воли.

Нечто подобное пришлось мне испытать в начале зимы 1984 года. Приехали мы в Париж на традиционные соревнования. Компания на 400 метров собралась отличная. Высокий, ладный канадец Шмидт — экс-рекордсмен мира, знает, как плавать 400 метров за 3.50,00, Фарнер из ФРГ — «скоростник», у него на 200 метров — 1.50,00, да и 400 метров он проплывал за 3.55. Оба настроились у меня выиграть, это я по предварительным заплывам заметил. Чувствую, обстановка накаляется, и я понял: без тактического хода не победить.

...Первую половину проплыли все рядом. Жду атаки. И вот на отрезке от двухсот до трехсот метров Фарнер рванулся и уплыл... Пришлось догонять. Догнал где-то к 350 метрам. Напрягся, как и подобает на финише, и дотянулся до электронного щита первым.

Вот, что значит готовиться в спарринге. Без постоянного ощущения соперника можно на финише и не устоять.

Игорь Михайлович попробовал в начале сезона поставить в пару ко мне 17-летнего Сергея Крышина. Здоровый, рослый парень. И результат у него неплохой — 15.45,52. Нагрузка для него по плечу. Это сразу видно. Мне даже показалось, что он способен плыть впереди меня. Но это только казалось. Через довольно короткий промежуток времени Кошкин отказался от работы с Крышиным и вот почему. Выдерживать объем и интенсивность тренировочных нагрузок в начале подготовительного периода он мог, а вот улучшить конкретный результат ему оказалось не под силу. Объективные показатели подсказывали Кошкину: как ни старайся с планированием, а начнутся тренировки на других скоростях — более высоких — и Крышин не выдержит. Нет у него достаточного фундамента для столь высокого уровня подготовки — не готов он еще к спаррингу по полной программе.

Постороннему может показаться, что, оставляя меня без компаньона, Кошкин преследовал какую-то цель. Но это не так. Просто по характеру Кошкин максималист, считает, что спарринг должен проходить без всяких скидок, по полной программе. Как оказалось, он исподволь продолжал искать для меня партнера. И с особенным вниманием следил за Александром Базановым, одаренным молодым пловцом, проявившим себя настоящим бойцом.

Мы попробовали тренироваться вместе и в олимпийском сезоне, однако тренер Базанова вскоре решил, что его ученику лучше работать одному или с более слабыми партнерами. Кто в такой ситуации выиграл — показало время. Сейчас же могу лишь предположить, что тренер Базанова, видимо, решил уберечь своего ученика от сверхнагрузок и поставил ему предельно ясную цель — попасть в сборную вторым номером. На турнире «Дружба-84» Базанова не было. Еще на чемпионате СССР он проплыл намного хуже личного рекорда и в команду не попал.

Те, кто в последние годы покидал нашу группу, как правило, искали различные доводы в свое оправдание. Этих доводов, причем, с их точки зрения, весьма убедительных, было предостаточно. Вот один из самых расхожих. Кошкин слишком многого требует, а мне бы лишь удержаться в сборной. Не работает «система Кошкина» на удержание.

Только постоянный поиск, только непрерывное стремление вперед — таков принцип Кошкина. Он и мне предложил, как я писал выше, подумать о дальнейшей работе с ним, когда увидел после рекордных заплывов 1982 года, что я в замешательстве: «Можешь? Идем дальше. Нет?.. Уходи из большого спорта».

— Пристроиться к сборной могут многие,— считает он,— а вот двигать плавание вперед способны лишь те, кто предано ему служит, жертвуя всем, даже сиюминутным успехом во имя будущих побед!

Многим плавание представляется сугубо индивидуальным видом спорта. Но это не так. Пловец всегда ощущает себя частицей команды, всегда помнит, что делает общее дело. А разве можно представить себе плавание без командной борьбы, без эстафетного плавания? Каждый из нас проходил настоящую проверку именно в этом виде программы.

Знаю немало примеров, когда слаженная и по-боевому настроенная четверка друзей обыгрывала квартет, составленный из «звезд». Один из таких случаев произошел в Киеве, в августе 1981 года, на матче с американцами. Встреча была вдвойне принципиальной. После Московской Олимпиады не раз раздавались различные зарубежные «голоса», что, мол-де, участвуй американские пловцы на Олимпийских играх в Москве, не добыть советским спортсменам столько золота. Посягнуть на командную победу мы пока не могли, но потрепали в Киеве наших грозных соперников изрядно. Особенно запомнилась мужская комбинированная эстафета, завершавшая нелегкий, но интересный матч...

...100 метров вольным стилем ребята проиграли двум американцам сразу. В баттерфляе и в брассе та же картина, только в плавании на спине Шеметов и Кузнецов обошли гостей. Если сложить время стартующих, то ориентировочные результаты в эстафете получились бы следующие: у США — 3.46,32, у СССР-I — 3.47,50, у СССР-II — 3.48,60. Надежд на выигрыш у моих товарищей было немного. И вот тогдашний главный тренер Сергей Михайлович Вайцеховский предложил составить квартеты не только по результатам, но и по психологической совместимости, по максимальному восприятию общей цели.

После первого этапа, когда Виктор Кузнецов из второй команды передал эстафету раньше других, а диктор объявил, что его результат — рекорд страны, соперники заволновались, не понимая, за какой четверкой надо следить: за первой или за второй. Бросившись в погоню, они явно не учли своих возможности. Сначала безуспешно спуртовал брассист, а затем рекордсмен мира в баттерфляе Крейг Бердсли так быстро начал дистанцию, что на последних метрах скис. Оставался заключительный этап. Вот тут и проявилась наглядно сила коллектива, то, что не смогли сделать в спринте Красюк и Смирягин порознь, они с блеском осуществили сообща, хотя и по разным дорожкам. Оба намного превзошли свои результаты, а Красюк к тому же вывел СССР-II на первое место — 3.44,79 — рекорд Европы, у СССР-I — 3.45,62, а пловцы США оказались на финише третьими — 3.46,06. С тех пор речь о непобедимости американских парней в нашей команде не поднималась.

Эстафеты бывают разные, даже такие, которые и не назовешь эстафетами. Одна из них из моего детства. Помню, в 1972 году, посмотрев по телевидению олимпийский финал — 100 метров вольным стилем и увидев, как победил Марк Спитц — 51,22, а Владимир Буре первым из советских пловцов вольного стиля зазоевал бронзовую медаль — 51,77, мы пришли на тренировку. Глеб Георгиевич, заметив наше возбуждение, предложил после занятий провести эстафету 4×25 метров. Цель — рекорды Спитца и Буре. Меня, правда, не включили в квартет, так что я имел возможность внимательно наблюдать, как мои товарищи легко расправились с фантастическими секундами. Четырежды они промчались по дорожкам бассейна быстрее чем за 50 секунд.

Видимо, тогда мы впервые и ощутили, насколько совместные дружные усилия способны творить чудеса.

Так уж сложилась моя судьба в спорте, что в эстафетную команду я не рвался, хотя никогда и не отказывался от участия в этом азартном соревновании. Приходилось плыть на различные дистанции, но главными для меня всегда оставались 1500 и 400 метров.

На чемпионате Европы-81 в Сплите (Югославия) мне доверили 200-метровый этап. Многие предсказывали успех пловцам ФРГ, а мы с этим, естественно, не могли согласиться. Как быть, как рассчитать силы на все старты, ведь у каждого из нас впереди две, а то и три дистанции и предварительные и финальные заплывы. Вот тут-то и вступил в силу непреложный закон, закон эстафет — «один за всех и все за одного»,— дошедший до нас с той далекой поры, когда в Мельбурне четверка наших отважных кролистов — В. Сорокин, Б. Никитин, Г. Николаев и В. Стружанов — завоевали самые первые в плавании олимпийские награды.

Раньше всех стартовал Володя Шеметов — чемпион и рекордсмен в плавании на спине, он тогда тренировался в нашей группе и отлично проплыл кролем 200 метров. Затем наступил черед плыть мне, я передал эстафету Саше Чаеву, а он Сергею Коплякову — олимпийскому чемпиону, рекордсмену мира. Троим удалось показать на этапах лучшие свои результаты, а Копляков, на которого мы до конца надеялись и знали, что он не подведет, имея на старте определенный запас, созданный товарищами, без дополнительного напряжения довел заплыв до победного финиша.

Сергей, бесспорно, правильно поступил, сохранив часть сил для индивидуальных заплывов на 200 метров, где он через день стал чемпионом Европы, а вот Саша Чаев и Володя Шеметов во имя общего успеха недобрали медалей в своих финалах. Нелегко пришлось и мне, особенно на 400 метров, где всего несколько сотых я уступил хозяину дорожки Боруту Петричу. И все же эстафета стоит потерь. Ведь от успешного старта в первый день чемпионата во многом зависит настрой сборной, и мы были обязаны выступить на пределе своих возможностей. Так что каждый раз, выходя на старт эстафеты, знаю: плыть надо «вовсю».

Эстафета, будто лакмусовая бумажка, проверяет уровень взаимоотношений внутри коллектива. Как правило, отбор в четверку про-

М. Мамедов. Род. 1938. МОЛЕНИЕ О ВОДЕ. 1967.

Выставка «Изобразительное искусство Туркмении».

1765-1812

исходит открытым «голосованием». За несколько дней до соревнований на старт выходят претенденты и выясняют, кто на данный момент быстрейший. Но бывает и иначе. Соревнования уже начались и в предварительном заплыве перед пловцами одна задача — плыть как можно лучше, соревнуясь не только с соперниками, но и между собой.

Вновь возвращаюсь к событиям на Олимпиаде-80. 23 июля состоялась эстафета 4×200 метров. В состав ударной финальной четверки безоговорочно входили Сергей Копляков и Андрей Крылов. Сергей уже успел 21 июля стать чемпионом Игр, а Андрей — серебряным призером на 200 метров вольным стилем. Стартовал в предварительном заплыве и Ивар Стуколкин, но в финал не попал, так что участие в сильнейшем составе эстафеты ему еще предстояло доказать. Утром на старт вышли те, для кого заплыв мог оказаться решающим,— Сергей Красюк, Юрий Присекин, Сергей Русин и Ивар Стуколкин. Однако все проплыли ниже своих возможностей.

Не знаю, чем руководствовались тренеры, выбрав из этой четверки Стуколкина, видимо, сыграло мнение Генриха Владимировича Яроцкого. Ему, одному из опытных наставников сборной, была поручена подготовка мужчин-кролистов к эстафете. Его ученики Крылов и Копляков уже оправдали надежды, так что Стуколкин, который также тренировался под руководством Яроцкого и был более устойчив психологически, нежели Русин и Присекин, получил некоторое преимущество. Мне же предоставили право выступить в эстафете как отличившемуся на дистанции 1500 метров.

Я мог бы использовать это право без особого напряжения, попросту отсидеться за спиной товарищей в надежде еще на одну золотую медаль, ведь впереди мне предстояли нелегкие заплывы на 400 метров. Но представьте себе такую картину: я плыву не включая «обороты», Стуколкин бережет и без того небольшой запас своих сил, Крылов не торопится, переживая недавний финал, и эстафета проваливается... Нет, так в эстафете плыть нельзя. И все мы выкладываем все, на что способны. Первым отлично проплывает дистанцию Копляков —1.50,00, затем мне удается показать свой лучший результат —1.51,09, не подвел и Ивар —1.52,04, отличное время и у Крылова — 1.50,37. А общий результат — 7.23,50— рекорд Европы.

После торжественной церемонии награждения, держа в руках теперь уже вторую золотую медаль Олимпиады мне не стыдно было смотреть в глаза товарищам — я отработал свои 200 метров на совесть...

Минула ночь, а рано утром я уже готовился к предварительному заплыву на 400 метров. До сих пор помню, как уже в воде на разминке почувствовал тянувшуюся за мной словно шлейф невероятную усталость. Все мои старания перебороть неприятное состояние не увенчивались успехом. Днем я пытался заснуть, но и это оказалось не в моих силах. Вечером в финале, когда надо было взорваться на финишной прямой, произошла осечка. Не сразу удалось мне прибавить скорость, и эта заминка обошлась в несколько десятых секунды. Да, я победил, но победил без рекорда. Хоть и был безмерно рад своей третьей олимпийской медали, не мог я простить себе того, что не установил мирового рекорда, тем более что этот рекорд всего за неделю до этого перекочевал от меня к канадцу Питеру Шмидту — 3.50,49.

Меня как-то спросили, а не благоразумнее было бы отказаться от эстафеты. Я ответил: нет. Раз мое участие было необходимо команде, значит, надо плыть и плыть в полную мощь.

Однажды я прочел: «Человек не может отдыхать в безделье». Спать — да! А вот лежа смотреть в потолок — это для него непозволительная роскошь. С первых серьезных тренировок Глеб Георгиевич призывал нас избегать безделья, но при этом не тратить энергию попусту: «Учеба и спорт требуют много сил и времени, а на отдых и сон необходимо отводить ровно столько, сколько требует строгий распорядок дня». Вот тут-то я и пришел к мысли, что лучший отдых — это переключение с одного рода деятельности на другую. Для меня это означало — с учебы на спорт, с плавания на учебу. Весь распорядок дня, включая сон, был строго регламентированным. Я не раз замечал, что если днем просплю лишние 30 минут, то вместо бодрости появляются вялость, общее торможение и, как следствие, нарушается жизненный ритм. Когда сон не идет, предпочитаю полежать с книгой в руках. Правда, среди некоторых спортсменов бытует мнение, что чтение утомляет. В корне не согласен с этим. Утомляет лишь тех, кто не овладел культурой чтения, кто не умеет выбрать хорошую книгу. Это как в музыке, в искусстве — удовлетворяет только хорошее исполнение.

В школе за все годы учебы особых проблем у меня не было. Учился всегда с охотой. Мне удавалось, как и в тренировке, все систематизировать. Нам, спортсменам, учителя, естественно, многое прощали, шли навстречу. Но я всегда считал зазорным получить липовую оценку. Это унижало достоинство как мое, так и преподавателя.

Самые тесные контакты с учителями всегда помогают расширять кругозор. Не понимаю, как можно бегать от людей, желающих пополнить запас твоих знаний. Помню, не раз нас сравнивали с учениками обычных школ и, надо сказать, сравнения эти оказывались в нашу пользу. Регулярные занятия спортом развивают определенные качества, дающие возможность буквально схватывать все на лету. Мы быстрее усваивали программные материалы, а при сдаче зачетов и экзаменов многие демонстрировали незаурядную быстроту мышления.

Могу смело выделить одну закономерность, присущую спортсменам: активная позиция в тренировках — активная позиция в учебе. А вместе — не менее активная и жизненная позиция. Пассивное отношение к тому, что происходит в процессе освоения новых нагрузок, новых скоростей, непонимание задач технического совершенствования порождают формальное восприятие и общего образования. Учение становится обременительным, а затем и ненужным. Покинув спорт, молодой человек перестает быть личностью, теряется и пропадает...

Нас призывают: «Познай себя!», «Преодолей себя...». Бесспорно одно, невозможно подняться до вершин мастерства без постоянного самосовершенствования, без самоанализа своих поступков. В общем понимании преодолеть себя — это особое стремление постичь ранее неизведанное в самом себе, в деле, которому отдаешь все силы без остатка. Сегодня для меня этим делом остается плавание...

Окончание следует.

ГЕРОЮ ОТЕЧЕСТВА

Примерно год назад почти одновременно произошли два совершенно разных события, имеющих, однако, глубинную связь между собой. Когда грузинский скульптор Мераб Мерабишвили закончил в гипсе шестиметровую конную статую Багратиона, знаменитого полководца, героя Отечественной войны 1812 года, и ленинградские мастера «колдовали» над ней в его тбилисской мастерской, собираясь увезти в город на Неве, чтобы отлить в бронзе, промелькнуло сообщение из города Юрьев-Польский Владимирской области. В нем говорилось:

«...после Бородинского сражения раненого Багратиона везли на грубой солдатской повозке по Москве, его увидел на улице богатый человек. Истекающему кровью герою он предоставил свой прекрасный экипаж с мягким ходом. В нем Петр Иванович был доставлен в имение к другу и родственнику князю Б. А. Голицыну в село Симы, в тридцати километрах от Юрьев-Польского. Прискакавший сюда гонец сообщил, что Москва сдана французам. Полководец не смог этого пережить. Он сорвал с ран повязки и умер...»

Карета, в которой везли Багратиона, сообщалось в заметке, оказалась «жива», но в сильно обшарпанном виде. Не чудо ли — 170 лет! За ее восстановление взялся художник-реставратор А. Туголуков. Уникальный экипаж большой художественной ценности из красного дерева, сверкающий черным лаком и бронзовыми украшениями, попал в палаты Михайло-Архангельского монастыря в Юрьев-Польском, на постоянную выставку «Петр Иванович Багратион — национальный герой России».

Так причудливо, но закономерно переплелись давние узы дружбы между Россией и Грузией.

А в нынешнем году памятник Багратиону, выйдя из цехов ленинградского завода «Монументскульптура», навечно встал в Тбилиси, на берегу Куры.

...Багратион был родом из династии, правившей Грузией в течение десяти веков, династии, в которой блистали такие личности, как Давид Строитель, Тамара, Вахтанг VI, Ираклий II. Петр Иванович ведет свой род от семьи просветителя и ученого Вахтанга VI, основавшего московские «грузины» (землячество грузин в районе нынешнего Белорусского вокзала).

Полководец вырос в военной семье; его отец служил полковником русской армии. И Петр семнадцати лет поступил на военную службу, начав ее сержантом Кавказского мушкетерского полка. Затем проявил себя во время взятия Очакова, командовал егерским Устюгским полком, которому позже было присвоено имя Багратиона, участвовал в итальянском и швейцарском походах. Сам Суворов наградил его за мужество шпагой. В Отечественной войне 1812 года Багратион — генерал от инфантерии — в Бородинском сражении возглавил левое крыло. Солдаты любили его, называли отцом и так объясняли непонятную фамилию: «Бог-рать-он» (то есть он и бог, он и рать!).

Ия МЕСХИ

Памятник П. И. Багратиону в Тбилиси. Авторы — член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник Грузинской ССР Мераб Мерабишвили и заслуженный архитектор Нодар Мгалоблишвили. Фото А. Маслова

«ОГОНЕК» СОВЕТУЕТСЯ С ЧИТАТЕЛЯМИ

В № 39 «Огонька» редакция обратилась к вам, дорогие читатели, с просьбой высказать мнение о журнале, предложения, критические замечания, советы. В то же время мы хотели ближе познакомиться с вами, узнать профессию, возраст, место жительства. Анкета так и называлась «К читателю — с вопросами».

Редакцией получено более двух тысяч ответов, серьезных, вдумчивых и, не скроем, порой противоречивых. Названы адреса новых командировок, подсказаны темы, услышали мы и отклики на опубликованные материалы. Мнение каждого, кто откликнулся на нашу просьбу, для редакции очень важно: ведь у нас одна, общая цель с вами, дорогие читатели,— сделать «Огонек»-85 еще более содержательным, ярким, интересным. Мы не имеем возможности ответить каждому из вас, но пожелания ваши не пропали даром — сейчас они внимательно изучаются редколлегией и отделами журнала, чтобы мы могли использовать их в дальнейшей работе.

Редакция благодарит всех, кто принял участие в большом читательском совете, внес свою лепту в нашу совместную работу.

Василий ЧИЧКОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Схватка

Иван Спиридонович сидел в кресле за рабочим столом. Перед ним стояла недопитая чашка кофе, которая заменила ему сегодня обед. Он листал деловые бумаги и постоянно поглядывал на часы, висевшие над камином.

Камин был выложен цветным изразцом. На некоторых плитках красовалась голова льва.

Прежде этот дом принадлежал известному промышленнику. Когда он умер, вдова стала сдавать дом в аренду. Вот тогда-то здесь и разместилось советское консульство. Мебель в доме сохранилась прежняя. У камина стояли старинный диванчик и два кресла с резными, из дерева, подлокотниками и гнутыми ножками.

Когда консул сидел за письменным столом, то перед его глазами был этот старинный уголок с часами, равномерное тиканье которых создавало в кабинете атмосферу спокойствия и размеренности.

Но сегодня покоя не было. Консул то и дело поглядывал на часы, и ему казалось, что они тикают медленнее, чем обычно, а стрелки их совсем не двигаются.

Консул нажал кнопку звонка, и в дверях появился дежурный Хромов — человек пожилой, давно работающий в консульстве. Взглянув на него, консул понял, что никаких известий нет.

— Игнатьев уехал?

— Да.

— В полицию звонили?

— Там ничего не знают о Панове.

— Еще позвоните.

Хромов направился к двери.

— Соедините меня еще раз с Гонсалесом из муниципалитета,— сказал консул, и Хромов ушел.

«Какой он из себя, этот Панов? Хоть бы глазом глянуть!— размышлял Иван Спиридонович.— Сразу многое было бы понятно». Консул пытался припомнить лица тех матросов, которых он видел в Коэльо, но не мог среди них выделить Панова. «А фамилия у него хорошая — Панов».

— Иван Спиридонович,— послышался в переговорнике голос Хромова.— Гонсалес у телефона.

Консул торопливо поднял трубку.

— Я уже, наверное, надоел вам, сеньор Гонсалес,— сказал консул.

— Ну что вы, что вы!— воскликнул Гонсалес.— Я всегда к вашим услугам.

— Пропал наш советский моряк Панов,— обстоятельно и неторопливо начал консул.— Не можем найти. В Коэльо в строительной бригаде он не появлялся. Я звонил в полицию. Там ничего не знают. Может быть, у вас есть какие-нибудь сведения?

— Есть!— после некоторой паузы ответил Гонсалес.

— Слава богу!— облегченно вздохнул консул.— Мы с ног сбились.

— Ваш моряк, сеньор Панов,— в голосе Гонсалеса послышалась строго официальная нота,— попросил политическое убежище.

— Что-о?!— воскликнул консул, но тут же взял себя в руки и спокойно переспросил:— Что вы сказали?

— Сеньор Панов попросил политическое убежище,— еще более официально повторил Гонсалес.— Сейчас звонили из управления внутренней безопасности.

— К кому мне обратиться?— Консул овладел собой, голос его звучал спокойно.

— К майору Мартинесу. Телефон двадцать тридцать пять сорок семь.

— Благодарю вас,— сухо сказал консул.

— Рад служить,— буркнул Гонсалес и повесил трубку.

Закончив разговор, консул закурил и откинулся на спинку кресла. Ему не хотелось сразу, сгоряча принимать какое-либо решение. В его консульской практике было всякое. Были случаи, когда советские люди оставались за рубежом. Недавно приезжал драматический театр. Прекрасно прошли гастроли, много хвалебных рецензий, пышные приемы в муниципалитете и в посольстве. Гастроли подходили к концу. В это время к консулу обратилась за советом молодая актриса. Ее полюбил художник, к которому она тоже не осталась равнодушной. Он сын русского эмигранта, хорошо говорит по-русски и всю жизнь мечтал жениться на русской. Когда он увидел на сцене актрису, то влюбился в нее с первого взгляда. Ходил на все спектакли с ее участием, дарил цветы. На приеме у мэра города танцевал с ней и предложил выйти за него замуж. Любовь!

Консул докурил сигарету. Он опять пытался представить лицо Панова. И вдруг ему пришло в голову: «А может, здесь тоже любовь? Марина, переводчица, исчезла». Консул потушил сигарету и прошелся по кабинету. Словно игрок в шахматы, он перебирал разные варианты, пытаясь найти единственно точный ход. Наконец набрал номер телефона Мартинеса.

— Слушаю!— послышался в трубке довольно усталый голос майора.

Он только что вернулся от адмирала, и настроение у него было гнетущее. Адмирал требовал положить ему на стол заявление русского моряка о том, что на корабле находилось оружие.

— Говорит консул Советского Союза Потапов. Здравствуйте.

— Слушаю вас!— В голосе майора пропали нотки усталости.

— Сеньор Гонсалес сказал мне, что у вас находится наш моряк Алексей Панов.

— Да!— чуть помедлив, ответил Мартинес и быстро прикинул в уме, что мог еще сказать консулу этот Гонсалес.

— Я хочу с ним встретиться,— по-прежнему спокойно продолжал консул.

— Это невозможно!— отрезал майор.

— Почему?

— Он не хочет встречаться с советскими людьми.

— Я консул.— Иван Спиридонович тянул разговор, пытаясь хоть что-нибудь узнать о Панове.

Если бы майор Мартинес твердо знал, что сказал консулу сеньор Гонсалес, он, конечно, повторил бы его слова. Но майор этого не знал.

— Видите ли в чем дело,— неторопливо начал майор,— ваш моряк учинил скандал в ресторане «Дядя Вася», а затем затеял драку. Нанес телесные повреждения хозяину ресторана, сеньору Родригесу.

— Очень сожалею,— сказал консул, когда майор сделал паузу, чтобы собраться с мыслями.

— Когда полиция арестовала Панова, он заявил, что устроил драку, чтобы привлечь внимание полиции и попросить политическое убежище. Как видите,— продолжал майор после некоторой паузы,— у нас положение деликатное. С одной стороны, мы задержали человека, который должен ответить за избиение хозяина ресторана, а с другой — это политический эмигрант.

— Тем более я прошу встречи с ним,— настойчиво сказал консул.

— Мы не можем нарушать свободу личности,— ответил майор. — Он не хочет — это для нас закон. Читайте соответствующий параграф международного права.

— Ну что ж!— резко сказал Иван Спиридонович.— Придется обращаться к вашему правительству.

Майор молчал, давая тем самым понять, что разговор окончен.

— Думаю, что вам может не поздоровиться,— продолжал консул.

— Я повторяю, сеньор консул.— Голос майора звучал твердо.— Ваш моряк попросил политическое убежище. Выдать вам его мы не можем. Извините.

В трубке послышались короткие гудки. Консул повесил трубку и, несмотря на то, что разговор закончился так неожиданно, все-таки почувствовал некоторое облегчение. Ведь кое-что удалось прояснить.

Адмирал Ледук стоял у окна. С седьмого этажа ему хорошо была видна круглая площадь Куантильо, в центре которой возвышался памятник генералу Марасану, прославившемуся во время войны за независимость. По площади кружили автомобили разных цветов и марок. Их разноцветный поток напоминал праздничную карусель. Но настроение адмирала никак не совпадало с этой веселой разноцветной каруселью. Глядя на нее, он подумал о том, что во всей стране сейчас карусель. Все кружится, вертится, и не видно остановки. Речи коммунистов, социалистов и всяких левых экстремистов сбивают людей с толка.

Адмирал не был ретроградом, но твердо верил, что в жизни народа не должно быть резких поворотов. Изменения нужны медленные, разумные...

Народ, свергнувший диктатуру и окрыленный свободой, справедливо потребовал революционных перемен. Была изменена конституция, земля отдана народу, иностранцы простились со своими фабриками и заводами. При каждом новом революционном шаге народ ликовал. Но адмирал уже тогда угадывал всю трагедию этого буйного движения влево. Такой резкий поворот вызвал вражду. Те, кто был никем, торжествовали победу над теми, кто прежде господствовал. И озлобление стало раздирать общество на части. По ночам слышались выстрелы.

Нужно остановить нарастание хаоса, экономическую неразбериху в стране. Но оказалось, сделать это не так просто, коммунистам глотки не заткнешь и в подполье их обратно не загонишь.

Сколько разных атак на коммунистов предприняли правые силы! Но увы! Это никак не отразилось на авторитете коммунистов, пожалуй, еще больше потянуло к ним людей. И вот теперь операция с советским оружием потерпела провал. Адмирал ждал майора Мартинеса и лейтенанта Ортебу. Предстоял нелицеприятный разговор.

В дверях появились майор Мартинес и лейтенант Ортеба.

— Разрешите,— сказал майор.

— Входите,— коротко бросил адмирал.

Мартинес и Ортеба вошли и выжидающе посмотрели на адмирала.

Адмирал грузно сел в свое кресло с высокой спинкой, побарабанил кончиками пальцев по столу, поглядел на Мартинеса и Ортебу и сказал:

— Что ж, сеньоры!— Адмирал сделал паузу.— Проиграли схватку с русским моряком.

— Мы еще не закончили с ним разговор,— сказал Ортеба.

— Всему есть свой срок.— Адмирал опять помолчал и продолжал барабанить пальцами по столу.— Советский консул вручил министру иностранных дел ноту протеста. Причем в ноте довольно четко сказано, что этот моряк ни в какой драке не участвовал, хозяина ресторана не избивал и задержан был с явно провокационными политическими целями.

— Откуда они все это знают?— спросил Мартинес.

— Нашли свидетелей,— пояснил адмирал.— Какие-то парни были в ресторане.

— Я же говорил,— вскипел Ортеба и бросил недобрый взгляд на майора.— Надо было жестче действовать. Он подписал бы нужную бумагу.

— Не забывайте, лейтенант,— сказал майор,— этот парень советский.

— Он не очень-то советский, вы же читали дневник,— сказал Ортеба.

— Когда попал в наши лапы, стал очень советским.— Майор усмехнулся.— От общения с вами у него пробудился патриотизм.

— Хватит заниматься схоластическими спорами,— резко оборвал майора адмирал и опять, уже в который раз, подумал о том, как

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—47.

министр внутренних дел, эта старая лиса с иезуитской улыбочкой, везде поносит его за эту историю с советским оружием.

Адмирал посмотрел на майора и сказал:

— Во времена диктатуры за провал такой операции погоны срывали. И вы это знаете, майор.

— Простите, сеньор адмирал.— Голос майора звучал твердо.— Мы свергли диктатуру, и она теперь не может быть мерилом служебных отношений.

Адмирал встал из-за стола, прошелся по кабинету, видимо, пытаясь взять себя в руки.

— Разрешите, сеньор адмирал,— обратился Ортеба,— высказать некоторые соображения.

Адмирал внимательно посмотрел на Ортебу.

— Хозяин ресторана «Дядя Вася»— порядочный подонок и трус,— сказал Ортеба.— Все время выслуживается перед полицией.

— Ну и что?— сказал адмирал и опять взглянул на лейтенанта.

— Когда выпустят этого русского,— продолжал Ортеба,— он будет говорить, что его били в нашем управлении, и показывать синяки. Пусть хозяин ресторана выступит в печати с заявлением, что советский моряк ударил его и официанты, защищая хозяина, поколотили моряка. Для убедительности можно поместить в газете фотографии хозяина на больничной койке.

— Есть же свидетели,— сказал майор.— Они опротестуют сообщение.

— Мы не дадим им такой возможности,— уверенно бросил лейтенант.

Адмирал поглядел на майора и лейтенанта, прошелся по кабинету. «Каждое время рождает своих героев»,— подумал адмирал. Когда он впервые увидел майора Мартинеса, то сразу понял, что это человек мягкий и добрый. Наверное, такие люди и нужны были после того, как свергли диктатуру. Но время изменилось. Адмирал взглянул на Ортебу. Глаза у него глубоко посажены, взгляд решительный, губы тонкие и на них этакая дьявольская улыбочка. «Этот в духе времени!»

— Поезжайте в больницу с фотографом,— сказал адмирал Ортебе.— Сделайте снимок хозяина ресторана и возьмите у него заявление для печати. Мы опубликуем его в сегодняшней вечерней газете.

— Слушаюсь!— четко ответил Ортеба, и победная улыбка мелькнула на его лице.

Когда Ортеба закрыл за собой дверь, адмирал еще раз прошелся по кабинету и остановился напротив майора.

— Вы меня правильно поймите, майор. Все это дело с советским оружием было начато людьми, стоящими значительно выше меня, и не только в нашей стране, но и в Центральном разведывательном управлении США.

Майор молчал.

— Теперь в парламенте поднимется вой,— продолжал адмирал.— Депутаты-коммунисты обвинят нас в провокации и наживут на этом политический капитал. А мы должны будем изворачиваться, чтобы окончательно не потерять свое лицо. И, конечно, кто-то из нас должен взять на себя ответственность за всю эту неудавшуюся операцию.

— Этим «кто-то» буду я?— Майор грустно усмехнулся.

— Вы догадливы.— Адмирал посмотрел на майора и продолжал:— Погоны срывать мы с вас не будем. Но с должностью руководителя отдела контрразведки вам придется расстаться. Подберем вам другую работу, поскромнее, потише. Вы ведь человек немолодой. Кажется, уж дедом стали.

— Мне можно идти?— спросил майор.

— Идите.

Майор направился к двери. Шел он, чуть сгорбившись, будто большая тяжесть давила ему на плечи.

Черный «форд» с дипломатическим номером выехал из ворот советского консульства и направился к центру города. Рядом с шофером сидел консул, на заднем сиденье — Марина.

Было раннее утро. Еще не раскалились каменные громады домов, асфальт еще не плавился от жары.

Дорога от консульства к центру города пролегала через огромный тенистый парк Аламеда. Вековые деревья сомкнули свои высокие пышные кроны над дорогой, образовав зеленый тоннель, по которому в четыре ряда мчались автомобили.

Как всегда в этот ранний час, в парке гарцевали на лошадях сеньоры в широкополых шляпах и в костюмах, украшенных серебряными пуговицами.

Цветочные базары, разместившиеся неподалеку от дороги, пламенели огненно-красными гвоздиками.

Консул любил город в этот утренний час, хотя редко приходилось так рано выезжать из консульства. Чаще его визиты в центр города приходились на вторую половину дня, когда город раскален, когда водители машин рвут моторы, стараясь побыстрее проскочить пробки, образовавшиеся на перекрестках.

А сейчас машины двигались плавно и водители приветливо поглядывали в окошко, уступая друг другу дорогу. Это солнечное утро вполне импонировало радостному, приподнятому настроению консула. С Пановым все благополучно кончилось. Сейчас они посадят его в машину — и вопрос закрыт.

«Мир прочно разделен,— размышлял консул.— Между двух могучих сил, как между двух больших жерновов, попадают люди, словно маленькие зернышки... Либо они превращаются в пыль, либо остаются целы, как крепкая гранитная крупинка». За время многолетней работы консул немало познал человеческих судеб за рубежом. Были и подонки, которым стоило показать зеленые долларовые бумажки, и они отрекались от Родины, прося политическое убежище. А потом поливали грязью свой народ. Были и легкомысленные люди, просили убежище, но, не получив хорошей работы, торопились в советское посольство, чтобы вернуться домой.

Судьбы! Судьбы! Мир сегодня устроен так, что политика определяет нашу жизнь. Как бы ни хотел человек жить вне политики, замкнуться в своих четырех стенах, все равно события, происходящие в мире, затронут его.

Ивану Спиридоновичу было радостно сейчас оттого, что он встретится с советским парнем, который выстоял в нелегкой борьбе. Панов не был подготовлен к жестокой схватке. Отправ-

ляясь за рубеж, он прежде всего думал о приятном путешествии и прелестях западной цивилизации. У него и в мыслях не было, что его будут испытывать на прочность...

«Старики брюзжат: не та стала молодежь! — продолжал размышлять консул.— И в прошлом веке брюзжали старики: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы!» Неверно это. Как только наступает минута испытания, всегда проявляется истинная сила духа русского человека».

Консул поглядывал на дорогу и ловил себя на мысли о том, что с нетерпением ждет встречи с этим незнакомым парнем Пановым.

Марина, которая только вчера вечером смогла благополучно выйти из дома монахини и добраться до консульства, ждала встречи с Алексеем с еще большим нетерпением. Она сидела напряженно, сцепив руки, не замечая дома, проносившиеся за окном, прохожих, идущих по тротуару. Она упорно глядела вперед, пытаясь поскорее увидеть тот дом, где находился Алексей.

Алексей лежал на нарах, положив руки под голову, и смотрел на серый цементный потолок.

Солдат загремел ключами, и тяжелая дверь медленно отворилась. Кивком головы солдат приказал выходить.

Алексей шагал по длинному коридору, по обе стороны которого на равном расстоянии были обитые железом двери. От одной только мысли, что снова придется видеть эту наглую и самодовольную морду лейтенанта Ортебы и тупые глаза Чучо, у Алексея снова заныла поясница. Но он шел, готовый к новым испытаниям. И чем страшнее он представлял их, тем большую внутреннюю силу чувствовал. Если бы его сейчас поставили к стенке, он, наверное, не упал бы на колени и не попросил о пощаде. Ему вдруг вспомнилась сцена из фильма «Мы из Кронштадта». Матросов привели к высокому обрыву для расстрела. Они прыгали с этого обрыва... И ни страха, ни горечи расставания с жизнью не было на их лицах. Когда Алексей смотрел фильм, ему были непонятны люди, которые так просто расстаются с жизнью.

Это можно понять, только когда видишь перед собой врага, когда ненависть к нему сильнее страха, сильнее смерти.

Алексей твердо решил не сдаваться ни при каких обстоятельствах. «Пусть бьют. Буду молчать! Как глухонемой!»

Солдаты привели Алексея в кабинет Мартинеса. Майор сидел за письменным столом. Рядом с ним — переводчик.

— Ну, что ж, упорный молодой человек,— сказал Мартинес.— Ваше дело подходит к концу.

Алексей не слушал майора. Он смотрел в окно, к которому наклонялась пышная зеленая крона незнакомого ему могучего дерева. Листья чуть шевелились на ветру, и сквозь них пробивались солнечные лучи. Там, за окном,— воля! Прежде это слово не имело для Алексея никакого значения. А теперь... Как хотелось бы почувствовать этот легкий ветерок, вдохнуть полной грудью воздух и ощутить тепло этих самых солнечных лучей, которые так призывно пробиваются сквозь зеленую листву!

Майор нажал кнопку звонка, и, когда появился в дверях солдат, он сделал ему знак рукой.

В кабинет вошли Марина и консул.

— Алеша!— негромко сказала Марина.

Алексей не обернулся. Он подумал, что ослышался.

— Алеша! — громче повторила Марина.

Алексей обернулся и увидел Марину. Его обожгла горькая мысль: «Значит, они все-таки схватили ее. И теперь начнется самое трудное и страшное».

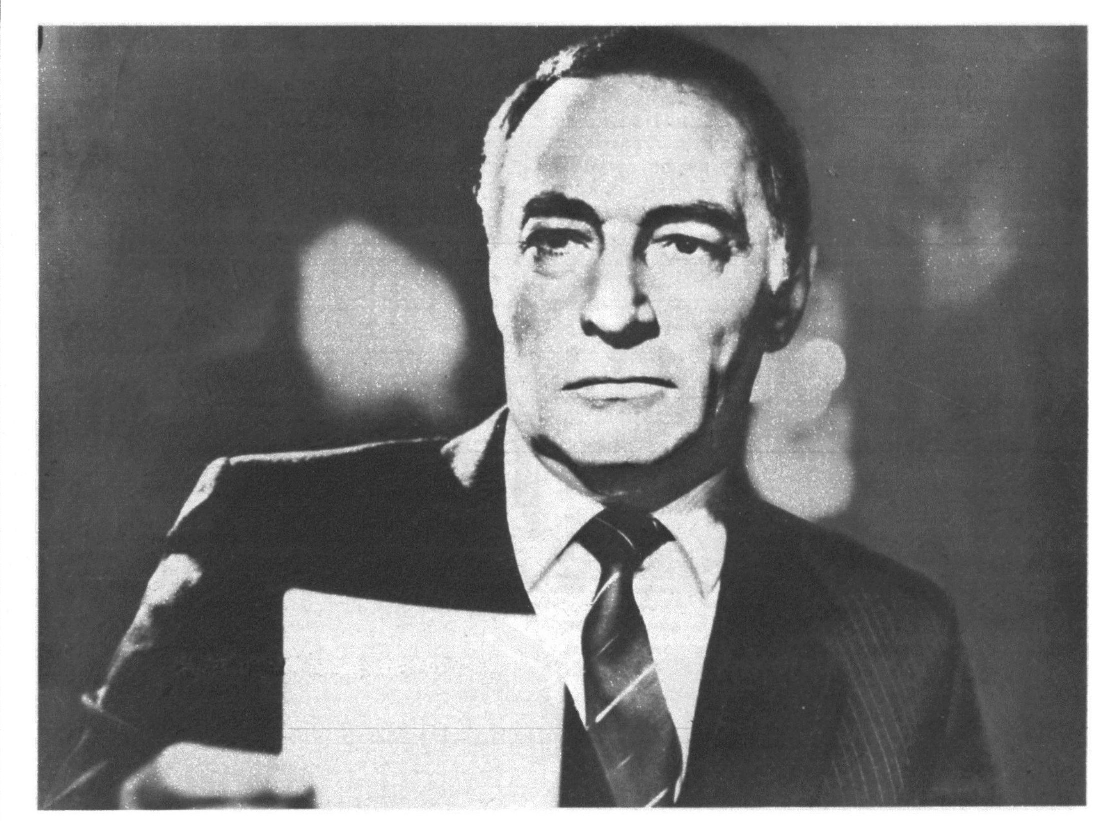
Марина бросилась к Алексею, схватила его за руку.

— Алеша, милый! — Марина крепко сжала его руку.— Здесь консул.— Марина кивнула в ту сторону, где стоял консул.— Ты свободен!

— Свободен! — машинально повторил Алексей, еще не поняв смысла этого слова.

— Мы приехали за тобой! Ты меня слышишь? — воскликнула Марина.

Только теперь Алексей понял, что свободен, и слезы радости блеснули на его глазах.

Вячеслав Тихонов в фильме «Европейская история».

Правда против мифов

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ФИЛЬМЕ

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

Всесоюзная премьера фильма «Европейская история»... Появление таких картин, как «На Гранатовых островах», «Тайна виллы «Грета», «Репортаж из бездны»... А до этого — «Бегство мистера Мак-Кинли» по киноповести-памфлету Леонида Леонова. И еще раньше — «Русский вопрос», «Секретная миссия»... Все это явления одного порядка.

Сегодня мы все чаще и чаще встречаемся с таким определением, как политический роман, политический фильм; оно — и некое жанровое определение содержания того или иного произведения, и в то же время дополнительный «манок» для читателей, зрителей, обещание открыть что-то новое, малоизвестное и в знакомой, быть может, теме, затрагивающей интересы миллионов людей, а иногда — всего мира. Тут трудно встретить равнодушных. Поэтому и выход такого произведения всегда рассчитан на массовую аудиторию.

Вне всякого сомнения, успех того или иного политического фильма впрямую зависит от достоинств сценария, от того, насколько глубоко и оригинально он разработан, насыщен новым, доселе неизвестным зрителю фактическим материалом. Сделать это непросто. Сегодня интерес к политике, к международным делам чрезвычайно высок.

Преображение мира — процесс неумолимый, исторически неизбежный, хотя не столь скорый. И поэтому империализм делал и делает все возможное и невозможное, чтобы сдержать этот процесс. Не стесняясь в средствах, он призывает ныне к «крестовому походу» против коммунизма, ведет психологическую, идеологическую войну не только против прогрессивных сил мира, но и против собственных народов.

Именно этим объясняется появление и на Западе политических фильмов, спектаклей, книг прогрессивных авторов, которые стремятся довести до миллионов своих сограждан правду о буржуазной действительности, о хваленых «демократиях» и «свободах», о лживости ее пропагандистских мифов.

Если рассматривать проблему в этом аспек-

те, то советское кино всегда было политическим. Оно несло людям правду о Революции, о советском образе жизни, о тех преимуществах, которые дает человеку социализм. На зарубежных экранах наш кинематограф стал полномочным представителем советской жизни. И все-таки мы употребляем сегодня определение «политический» фильм вполне конкретно. Подчеркивая, что перед нами явление искусства особого порядка, которое имеет остроактуальный международный характер, построено на зарубежном материале и в котором политическая проблематика выходит на первый план, подчиняя себе и поэтику, и образность, и все слагаемые фильма.

Такова и «Европейская история» (картина создана на «Мосфильме» кинорежиссером Игорем Гостевым по сценарию писателя Николая Леонова), авторы которой стремились подчеркнуть мысль, что миролюбивая демократическая общественность при должной активности в состоянии сдержать натиск милитаризма и неофашизма и способна отстоять мир.

Именно на эту, политическую сторону обратили внимание и актеры, снимавшиеся в фильме, и первые зрители, принявшие участие в его Всесоюзной премьере. Сошлюсь только на три свидетельства.

Беата Тышкевич, крупнейшая польская актриса кино, расценивает свое участие в картине как выражение гражданского долга художника. «Фильм «Европейская история» политический,— говорит актриса.— Он поднимает важные, актуальные проблемы повседневной жизни стран Запада, и прежде всего вопрос о том, что такое свобода личности в условиях так называемой буржуазной демократии. Я бы назвала картину еще и драмой человеческой совести, неспособной мириться с узаконенной ложью современного капиталистического общества, к которому принадлежит и главный герой, известный журналист Петер Лоссер, человек умеренных взглядов, и моя героиня, его жена Анна, пережившая немало трагических коллизий в своей жизни; она готова примириться с самым худшим, только чтобы сохранить сегодняшнее призрачное благополучие своей семьи. Именно им приходится первыми брать на себя тяжкое бремя ответственного выбора. Этот выбор должны сделать и другие люди, которые привыкли верить в честность и неподкупность Петера Лоссера... С размещением американских ракет в Европе во много раз усилилась опасность возникновения новой мировой войны. Быть ей или не быть, зависит от каждого честного гражданина планеты...»

С мнением Беаты солидарен ее коллега, известный польский актер Станислав Микульский, создавший в фильме образ редактора небольшой газеты коммунистов Гамелина. «Главное, к чему мы стремились,— говорит актер,— это показать размах антивоенной борьбы на европейском континенте, искренность и принципиальность советской внешней политики, выступающей против угрозы ядерной катастрофы, нависшей над человечеством».

О политическом звучании фильма в день его Всесоюзной премьеры говорила на пресс-конференции в Кишиневе и народная артистка СССР певица Мария Биешу:

— Моя профессия самая мирная. Она связана с радостью, которую дарит человеку искусство. Но это не значит, что вопросы, поднятые в фильме «Европейская история», волнуют меня меньше. Они касаются каждого из нас, где бы мы ни жили. Когда я смотрела картину, я вспоминала английских женщин, организовавших лагерь мира неподалеку от военной базы Гринэм-Коммон. Я восхищаюсь их мужеством. И я верю в торжество мирных инициатив, выдвигаемых нашей страной, в торжество нашей мирной политики. Фильм «Европейская история» укрепляет эту веру в торжество человеческого разума над силами войны...

Отметим для себя то крайне важное обстоятельство, что фильм «Европейская история» вышел на экраны, как говорится, ко времени. А посему и политическая, идеологическая его эффективность, действенность оказались столь высокими.

Если мы говорим, что искусство — это оружие, то мы должны постоянно учитывать своевременность и целенаправленность его применения. Такова «Европейская история».

Журнал «Лайф» опубликовал сделанный с вертолета снимок своего репортера. Мы видим многокилометровую цепь людей, взявшихся за руки. Их двести тысяч, жителей ФРГ, протестующих против размещения на территории страны американских «Першингов-2». Цепь эта протянулась от Штутгарта до военной базы Ной-Ульм. Снимок необыкновенный по своей обличительной силе. И, конечно же, для репутации внешней политики США невыгодный... Репортер «Лайфа» Манфрид Грох, как и герой фильма Петер Лоссер, сделал свой выбор, развенчивая миф «о радости», с которой будто бы жители ряда стран Европы встречают заокеанских радетелей их «безопасности»...

Но весомый политический эффект «Европейской истории» вряд ли был бы возможен без достойного художественного уровня, без крепкой литературной основы (напомним, что Николай Леонов — известный писатель, тяготеющий к острым сюжетам; по его сценариям снимались картины «Ринг», «Трактир на Пятницкой», «Выстрел в спину» и другие).

Сюжетная интрига «Европейской истории» тоже остра, драматически напряженна и, добавим, психологически насыщенна, благодаря высокому мастерству известных актеров.

Предвыборная борьба за «место» мэра, развернувшаяся на экране между сторонником разумной политики укрепления экономических связей с Востоком, социал-демократом Хайденом (его играет В. Стржельчик) и демагогом-неофашистом Олденом (Р. Раманаускас), «свободным националистом», ратующим за размещение американских ракет, за политику с позиции силы,— это лишь фон. На нем развертывается другая история двух журналистов — Петера Лоссера (В. Тихонов) и молодого репортера Ханца Ренке (Л. Филатов),— каждый из них делает свой выбор в сложнейшей политической игре, к которой подключаются не только местные силы реакции, готовые к использованию всех средств — от шантажа до прямого физического устранения неугодных свидетелей,— но и еще и заокеанский патрон Холдена, некий господин Коллер из ЦРУ (А. Масюлис). Ведь это ЦРУ тайно финансирует предвыборную кампанию неофашистского кандидата в мэры...

Доказательства в руках Ханца Ренке. Но он в журналистике мелкая сошка, которую легко раздавить; поэтому Ренке готов передать документы, чтобы сорвать солидный куш с сенсации, если ее опубликует такой маститый журналист, как Петер Лоссер, симпатизирующий социал-демократу Хайдену. Так обличительные документы и окажутся в руках Лоссера; но сам-то Ренке попадет в лапы молодчиков Олдена и быстро сломается при первых же допросах; он станет автором сенсационной фальшивки, написанной под диктовку неофашистов, а затем бесславно погибнет.

Тогда мастера заплечных дел из команды Олдена со знанием дела и опытом, почерпнутым словно из тайников гестапо, выкопают в биографии Петера Лоссера компрометирующие факты и поставят честного журналиста на грань личной катастрофы. Есть только одна цена, какой он может оплатить себе благополучие и сохранить семейное счастье,— нет, тут молчания мало: надо чтобы Лоссер выступил «в команде» неофашиста Олдена против Хайдена. Цена — предательство. Не друга даже; это предательство интересов всех простых людей, страны, ее будущего. Даже Анна (Б. Тышкевич), жена Лоссера, понимая, с какой силой он должен столкнуться, готова поступиться памятью родителей, погибших от руки нацистов (к чему был причастен, как оказалось, отец Лоссера, объявившийся ныне старый нацист, готовый выступить на стороне Олдена).

Вопреки всему после мучительных раздумий Петер Лоссер все же избирает правду: он выступает против Олдена буквально за день до выборов... Мы не знаем, как завершится судьба «независимого» журналиста. Может быть, он тем самым подписал себе смертный приговор. Либо же «команда Олдена» сделает все, чтобы превратить Лоссера в «политический труп», опорочить его имя, подорвать к нему доверие людей... Важно, что Лоссер вышел моральным победителем. И эта победа над самим собой, над страхом неминуемых личных потерь оборачивается мужеством. Способствует торжеству политики разума.

Вспоминается знаменитая картина М. Ромма «Русский вопрос», вышедшая на экран в 1948 году в самый разгар «холодной войны», развязанной США. В основе ее — пьеса, написанная К. Симоновым по горячим следам после поездки в Америку. В центре сложнейшей политической и психологической коллизии был тоже прогрессивный журналист Гарри Смит (его играл В. Аксенов), вступавший в конфликт с издателем реакционной газеты Макферсоном (М. Астангов), который вынуждал своего сотрудника написать злобную и клеветническую книгу о Советском Союзе. Совсем непросто дается Гарри Смиту верный выбор; он диктует стенографистке честную книгу, вступая в непримиримый конфликт со своим хозяином.

«Европейская история» нынче продолжает эту традицию в нашем киноискусстве, показывая, как трудно в мире жестокости и наживы честному человеку.

Однако не будем обольщаться: таких честных и «независимых» журналистов в буржуазной прессе не так уж много. Сенсации и разоблачения, нет-нет да появляющиеся в западной прессе, отнюдь не затрагивают основ капиталистического строя, а рассчитаны на хитрую игру с сознанием масс. Недаром сегодня среди американских политологов бытует мнение, что президент «правит» посредством прессы: умело манипулируя средствами массовой пропаганды, дозируя и фильтруя разную информацию, давая ей разные акценты и нюансы при помощи пропагандистского аппарата Белого дома, он пытается создать о себе благоприятное впечатление. В бравурной «заказной» газетной музыке или в мутных волнах эфира голос правды — большая редкость...

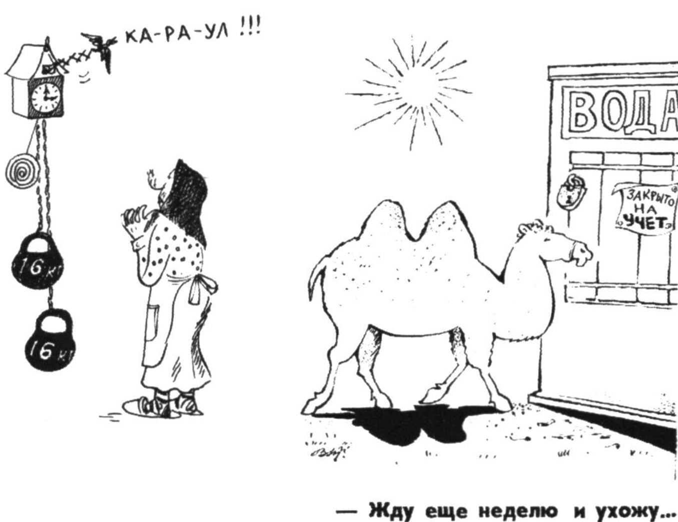
В недавно вышедшем фильме Тамары Лисициан «Тайна виллы «Грета» по сценарию, написанному режиссером совместно с журналистом-международником В. Малышевым, тоже действует представитель печати, некий Ян Плитто, человек честолюбивый, ищущий сенсаций. Разматывая клубок таинственной истории банкротства некоего банкира Лоранса, он обнаруживает сложно законспирированную нелегальную организацию, вызывающую в нашей памяти скандальное разоблачение масонской ложи «П-2» в Италии, с которой были связаны некоторые политические деятели правящей партии.

«Тайна виллы «Грета» по своему жанру политический детектив, где сплав художественного вымысла и документальной достоверности позволяет зрителям получить представление о тайнах закулисной политической жизни буржуазного общества, и шире — о преступной античеловеческой природе капитализма.

Сегодня советское политическое кино ведет разнообразный поиск, обращаясь и к фантастике (такова, например, кинематографическая парафраза по роману А. Беляева «Голова профессора Доуэля»), и к форме своеобразного политического репортажа («Репортаж из бездны»), и к другим жанровым решениям. И все же, скажем со всей определенностью: актуальных, наступательных, публицистически острых политических фильмов, высокого идейно-художественного качества фильмов на международные темы, разоблачающих империализм, все еще экрану недостает.

Между тем в советский политический экран с надеждой всматриваются зрители разных стран. Они ищут ответа на волнующие их вопросы политической жизни планеты, ее прошлого, настоящего и будущего.

Рис. Е. Шипицовой.

— Жду еще неделю и ухожу...

Рис. В. Тамаева.

Рис. Т. Юнак.
Киев.

Артур ЗАРИКОВСКИЙ

ЮМОРЕСКА

СЧАСТЛИВЫЙ

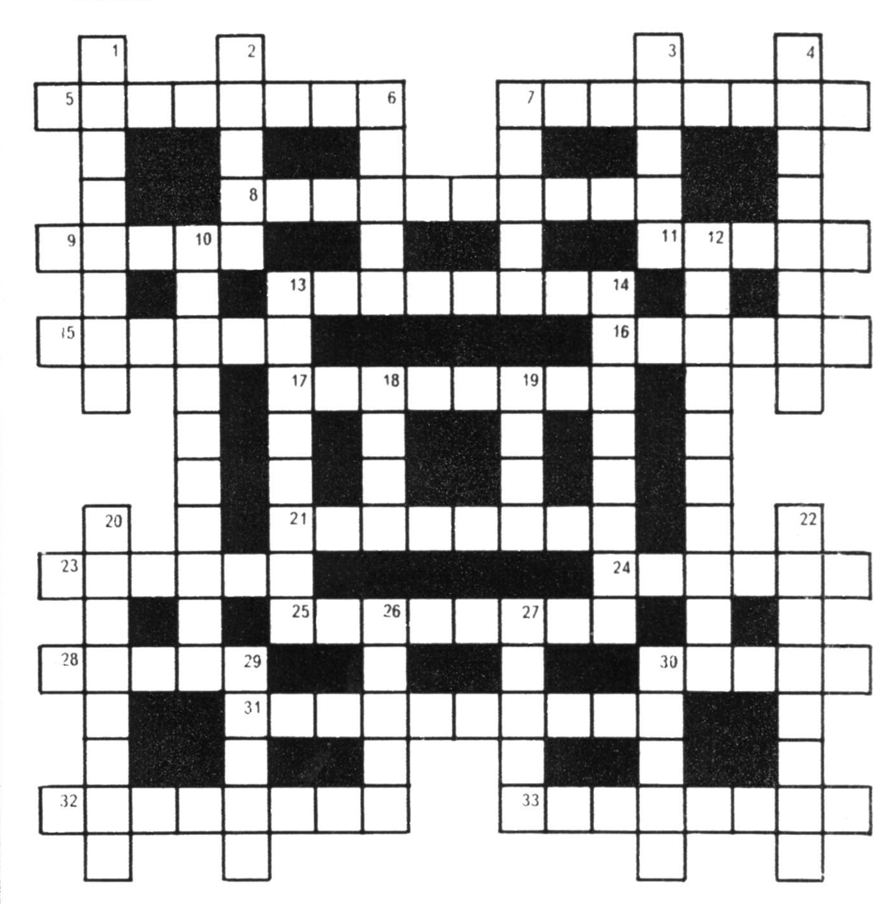

Сегодня я счастлив, и вчера был счастлив, и позавчера, и месяц назад, и два, и год, и десять лет назад. Был счастлив. Сколько себя помню, всегда счастлив. Вот такой я. Вот гриппом болею, из носу течет, кашляю — счастлив. Жена ушла. Счастлив. Чего это вы так смотрите на меня? Вы-то не знаете мою жену... Счастлив. Счастлив. Счастлив... Правда, она может возвратиться... Но это шутка. Вы же понимаете, счастливый человек не может не шутить. Счастлив. Счастлив... Иногда даже есть потребность чего-нибудь наоборот, для контраста. Вот, например, еду в автобусе. Много людей. Все разные. Но нажимают со всех сторон одинаково. Сломали ребро. Вышел со сломанным ребром. Но счастливый... И так во всем. Счастливым надо уметь быть. А то ведь как бывает, если без контраста... У него дача, машина, жена, дети. И квартира хорошая. И в хорошем районе. Да вот, глядишь ты, несчастлив. Все есть. А несчастлив. У меня-то этого ничего нет, а я счастлив. «Чего же,— спрашиваю,— ты такой?» Он что-то мямлит. Невнятное что-то произносит. Я наступаю. Тогда он, как-то стыдясь, произносит: «Помечтать бы». «Чего?— спрашиваю.— У тебя же все есть, о чем тебе еще мечтать?» «Да, действительно,— отвечает,— все так, но...» «Так какого,— говорю,— тебе еще рожна надо?» «Ничего,— отвечает,— не надо». Вот, толкую я ему, ничего не надо, а он еще чего-то хочет. Ерунда просто какая-то! Вот смотри на меня. Этого нет, того нет, но будет! Я тоже мечтаю... Любимую встретить. Она же мечтает сама, чтоб я ее встретил. Ей же необходим я как воздух, ее единственный. Вот только случай пока не подвернулся. Мы еще с ней не встретились. Но я мечтаю. И она мечтает. А то ведь сколько одиноких женщин. Пропасть. И все мечтают. А мужички, думаете, не мечтают? Мечтают. Все. Даже те, которые места в троллейбусе женщине ни разу не уступили. Тоже мечтают. О ней. Единственной, которой уступят... Ждут ее, единственную, самую, самую... Мы, ваши единственные, мы мечтаем о вас. Как и вы о нас. Давайте встретимся. Случайно. Где-нибудь. Ошибемся телефоном. Перепутаем дверь. Уступим место. Улыбнемся. И встретимся. И тогда хоть я и счастлив по-своему... Но у счастья ведь нет пределов...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Картина В. А. Тропинина. 7. Легендарный пограничник. 8. Город в Латвии. 9. Разновидность ивы. 11. Сторона бухгалтерского баланса. 13. Река в Якутии. 15. Опера Д. Верди. 16. Месяц года. 17. Начальник воинской части. 21. Комплекс сооружений на специальном участке для взлета и посадки самолетов. 23. Французский писатель XIX века. 24. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 25. Русский живописец, передвижник. 28. Единица веса драгоценных камней. 30. Большевистский легальный журнал. 31. Небольшая пьеса. 32. Устройство для распыления жидкого топлива. 33. Горная порода.

По вертикали: 1. Текст оперы. 2. Вытянутая возвышенность, горный кряж. 3. Одна из физических характеристик материи. 4. Охотничья собака. 6. Приток Туры. 7. Свод в виде полушария. 10. Наука о движении снарядов, ракет. 12. Горная система в Америке. 13. Русский естествоиспытатель, почвовед. 14. Советский хоккеист, чемпион Олимпийских игр. 18. Единица длины. 19. Повесть А. А. Караваевой. 20. Циклический ускоритель электронов. 22. Комплекс наук о живой природе. 26. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 27. Немецкий писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 29. Заглавие книги. 30. Роман Д. А. Фурманова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 4. Харламова. 7. «Гейнеобразное». 12. Регистр. 13. Тесла. 14. Образец. 17. Кораблино. 19. «Соперники». 20. Скальпель. 21. Метерлинк. 24. Фенолог. 25. Старт. 27. Европий. 28. Станиславский. 29. Штернберг.

По вертикали: 1. Проект. 2. Самбист. 3. Соната. 5. Рентабельность. 6. Бомбардировщик. 8. Шейк. 9. Микрокатор. 10. Калинников. 11. Дени. 15. Лихтер. 16. Спарта. 18. Ость. 19. Сейм. 20. Свет. 22. Клич. 23. Маслина. 25. Свинец. 26. Тевьек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Подарки для детей — всегда радость. (См. в номере материал «Где живут сказки...».)

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: М. Клычева. Род. 1958. ИСТОЧНИК ЖИЗНИ. 1984. * Ю. Данешвар. 1912—1948. ЗА РУКОДЕЛИЕМ. 1947. (См. в номере материал «Иззат Клычев».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 2.11.84. Подписано к печати 20.11.84. А 00457. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 2999. Заказ № 3716.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Давай купим Карлсона, мама!

Где живут сказки...

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Города бывают разные, большие, и маленькие, и даже игрушечные. Что бывают последние, взрослые могут не поверить, а мальчики и девочки отлично знают, что такие города есть. В Москве, например, он на Кутузовском проспекте под вывеской «Дом игрушки». Входишь в него и попадаешь на длинные светлые улицы-прилавки, на которых идет не совсем обычная жизнь, напоминающая волшебные сказки.

Ну, разве можно сказать иначе о кукольном театре, что разместился у самого входа в «квартале» мягких игрушек. Глядя на распотешных артистов — старика Хоттабыча, на усатого Кота в сапогах, распрекрасных барышень и галантных кавалеров, — так и кажется, что открылась потайная дверца: вот-вот зазвучит музыка и начнется спектакль. Буратино с золотым ключиком тоже здесь. Эту куклу с длинным носом ни с какой другой не спутаешь.

А кукол здесь великое множество. Мальвина с голубыми волосами, оранжево-рыжая Оля в расшитом передничке, блондинка Наташа с розами в прическе, куклы с приданым, куклы, умеющие говорить, закрывая глаза, засыпать, — на любой вкус! Растеряешься, которую предпочесть!

Выбирают кукол девочки, бабушки для внучек. Нередко советуются с Леной Наумовой — милой продавщицей, работающей в этой оживленной части города. Потому как по соседству с куклами здесь проживают лохматые пудели, пушистохвостые лисы, белые и бурые мишки, глазастые зайцы, цепкие обезьянки и многие-многие другие, так любимые ребятишками братья наши меньшие.

Сама похожая на куклу, пятилетняя Катя никак не может выбрать себе подружку: ей понравились сразу три, и ни за что на свете девочка не желает с ними расстаться, прижимает к себе как великую драгоценность. Что тут поделаешь? Мама покупает всех! Глядя на них, я невольно вспомнила свою первую куклу, вернее, нашу общую куклу. Я родилась в войну, и игрушек тогда было мало. На весь двор одна кукла, у соседской девочки Любы, совсем волшебная кукла, умеющая открывать и закрывать глаза и говорить «мама». Помню, как мама Любы тетя Груша уговаривала дочку не плакать, дать поиграть куклу кому-нибудь из нас. И Люба соглашалась отпустить дочку на ночь, кукла по очереди переходила из дома в дом.

Я вспоминаю об этом, когда вижу, как валяются куклячьи головы с золотистыми волосами, мишка без глаза или лиса без хвоста. Больно на это смотреть. Конечно, мы сейчас живем куда лучше, каждая семья имеет возможность купить ребенку игрушку, и не одну, и все-таки не стоит выбрасывать их. Проявляя заботу о кукле, мы тем самым воспитываем в детях чувство бережливости. С отношения к игрушке начинается отношение к миру. Можно не сомневаться, что из ребенка, который не желает поделиться игрушкой, вырастет человек, для которого все начинается со слова «мое».

...Есть в городе игрушек и свой транспорт: повозки с лошадьми и просто кони, машины самых разных достоинств и марок, свои самолеты и свои корабли. Есть и своя железная дорога. И всем этим можно не только полюбоваться, но и, как в любом городе, купить. А можно просто поиграть. И такое здесь разрешают. Об этом нам рассказала заведующая секцией настольно-печатных игр Надежда Егоровна Блинова. Игрушек в доме так много (две с половиной тысячи наименований), что купить их все нет никакой возможности. Строгие тети-продавщицы пускают за свои прилавки-улицы ребятишек из соседней школы. Они стали настоящими друзьями. Мальчишки и девчонки, придя в «город», становятся хозяевами, наводят порядок на «улицах», распаковывают игрушки, выкладывают на прилавок, а потом играют, одновременно показывая игры покупателям.

Хорошо в волшебном городе игрушек. И нисколько не скучно: так много здесь всяких и разных забав. Здесь каждый день праздник: за каждой купленной игрушкой улыбка ребенка и радость. Сколько игрушек, столько улыбок. Но случается вдруг, что увидишь маленького «прохожего», размазывающего по подрумяненному легким морозцем личику, как горошины крупные, обидные слезы. Просила девочка папу купить машину, ей так хочется самой сесть за руль, а папа... выбрал разноцветного петуха-качалку. Игрушка тоже замечательная, но, купленная со слезами, принесла меньше радости...

Так не хочется уходить из детства, из сказки, из города игрушек. Давно иду по московской улице, а перед глазами блистают нарядами куклы, бегут по железной дороге крошечные поезда, и еще почему-то вспоминается катер, который можно склеить самому и пускать по воде...

З. КРЯКВИНА

В ожидании гонщиков.

Одна из хозяек игрушечного города — Елена Наумова.

Уходит без игрушки.

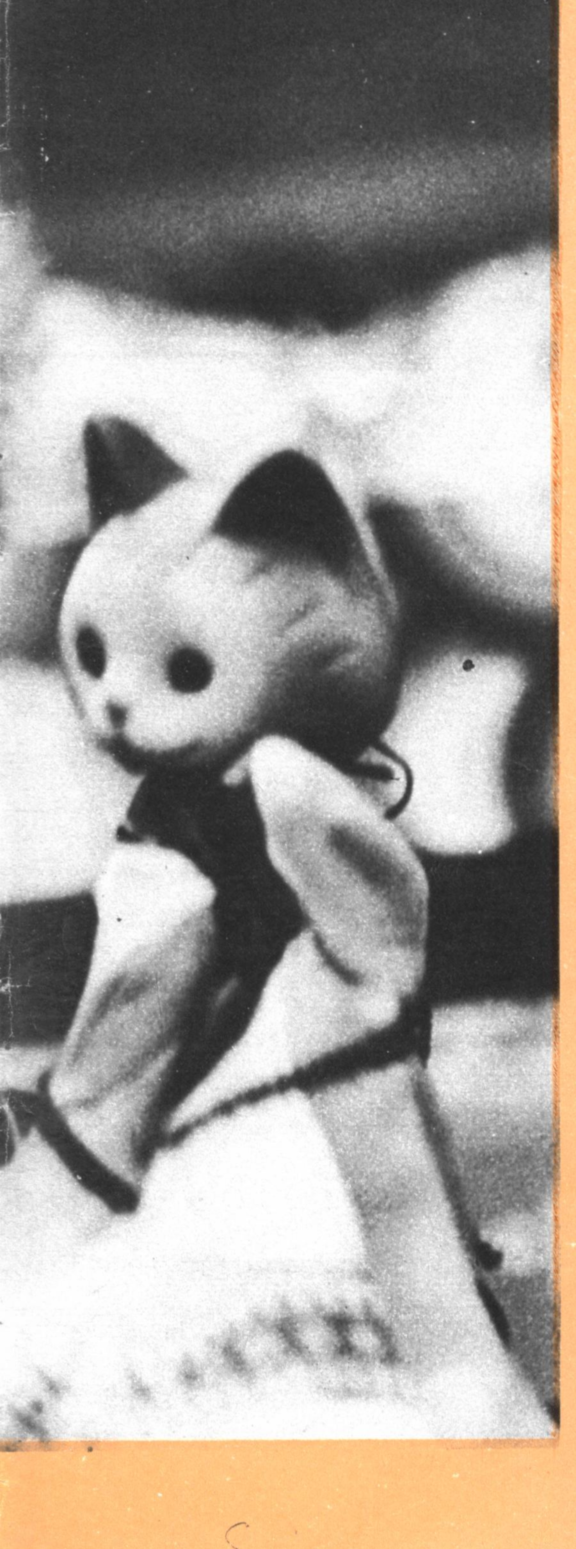
В хоккей играют настоящие девчонки.

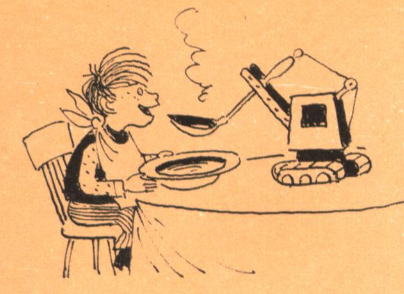

Веселые качели...

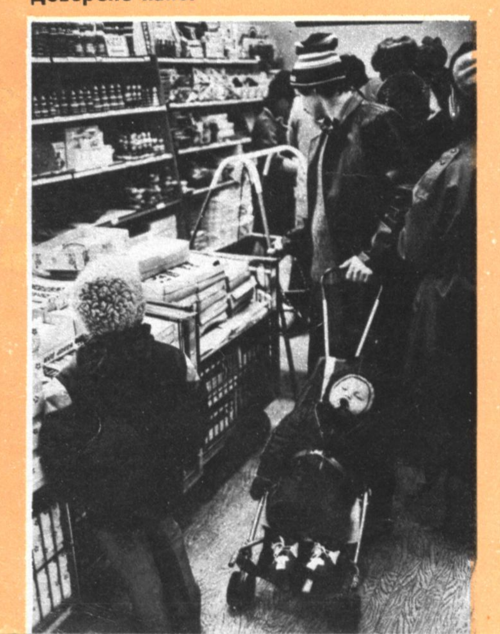

Доверено папе.

Расставание.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663